

Е.С. Тугаринов

Митрополит Антоний Сурожский.

Биография в свидетельствах современников

Оглавление

Вступление	2
Первая встреча с владыкой Антонием.....	5
Митрополит Сурожский Антоний	21
Митрополит Диоклийский Каллистос (Уэр),.....	35
Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк (Арндт),	41
Протоиерей Иоанн Ли	45
Протоиерей Максим Никольский,.....	51
Протоиерей Стефан Платт,	57
Анна Платт,	62
Протоиерей Милун Костич,.....	63
Архимандрит Иероним (Тестин),	65
Лидия Григорьева,	71
Николай Сергеевич Матвеев,.....	79
Джон Филлипс,.....	81
Ксения Павловна Боулби,	82
Анна Карпшитска,.....	84
Александр Александрович Некрасов,.....	85
Анна Стоунлейк,	87
Татьяна Бондаренко,.....	88
Священник Леон Карберри,.....	88
Николас Кэй,	90
Василий Михайлович Боровский,	90

Вступление

Мы только на пути к тому, чтобы стать людьми, человеками. И каждый должен находить свой путь. Это очень важно, потому что невозможно взять лист бумаги и написать на этом листе все то, что от нас ожидает, не требует Господь. Потому что не каждый способен выполнить всего и не каждый призван ко всему, что указано в Евангелии. Один призван к браку, другой – к безбрачию. Один призван к слову, другой – к молчанию. Святой Серафим Саровский говорит, что для того, чтобы жить духовно, чтобы вырасти в настоящую меру человека, – каждый человек должен выбирать то, что ему приносит прибыль.

Митрополит Сурожский Антоний

Владыка Антоний – это имя для миллионов людей в православном мире значит чрезвычайно много. Как получилось, что человек, живший среди нас, наш старший современник, находившийся вдали от своей родины, России, но постоянно думающий о ней и молящийся за нее, этот человек смог сказать то, что отозвалось в сердцах миллионов людей во всем православном мире чем-то своим, родным, понятным и дорогим? Не чудо ли Божие проявилось в этом? Не Слово ли Господне послало на землю такого священника, друга и наставника многих?

Митрополит Антоний! Что нового можно сказать о нем? Особенно после того, что он сам сказал о себе, о своей вере, о своем понимании молитвы, красоты и смысла человеческой жизни, о нахождении пути к Богу, который у каждого свой?

Сказать новое после самого владыки действительно трудно. Трудно что-нибудь сказать и после написанного о нем людьми, которые знали его долгие годы, были рядом с ним в храме или приезжали специально в Лондон, исповедовались у него, слушали его беседы и постовые говения, наконец, обладали (и обладают) даром литературного слова, обобщения, даром видения другого человека. Но попробуем сказать и что-то свое малое. Встав на путь, да не сходи с него! Так говорит народная мудрость.

Могила владыки Антония входит в число пятидесяти известных захоронений на старом Бromptонском кладбище, которые внесены в категорию почетных. Теперь она приобрела вид гранитного памятника кубической формы с возвышающимся православным крестом. Памятник был сооружен сравнительно недавно – по решению родных владыки и просьбам прихожан лондонского собора. До этого могилу митрополита Антония отмечал только деревянный крест, на котором была прикреплена маленькая дощечка с надписью о том, что здесь покоится митрополит Сурожский Антоний. Надпись была сделана по-английски, мелким шрифтом, имела неверную дату смерти владыки. Понятно, что крест и надпись были временными, но это время растянулось на шесть лет. И было обидно и грустно видеть удивленные лица русских паломников со всего света, которые стремились к этой могиле, видеть, как они наклоняются к самому кресту не только для молитвенного почитания, но пытаясь разобрать неразборчивую надпись. Наверное, сам владыка Антоний улыбнулся бы и не придал этому никакого значения.

Многие годы митрополит Антоний жил рядом с двумя самыми близкими ему людьми – мамой и бабушкой. Когда они ушли друг за другом в течение одного года, он выразил свое твердое желание, чтобы его положили в ту же могилу. Так и случилось. 13 августа 2003 года деревянный гроб с телом владыки при громадном стечении народа был опущен в ту же могилу, куда ранее похоронили его близких. Теперь всякий пришедший может прочитать надписи, которые размещены на всех сторонах гранитного куба, о том, кто покоится в этом захоронении.

По материнской линии владыка Антоний происходил из рода Скрябиных. Его мать, Ксения Блум, приходилась сестрой великому русскому композитору Александру Скрябину, о котором владыка предпочитал не говорить с окружающими. Я хорошо помню, как еще в 2001 году сразу после

приезда в Лондон, желая продемонстрировать владыке свои познания в его родословии, упомянул имя его дяди. Митрополит Антоний довольно строго взглянул на меня, согласился с моими словами и просил больше этого ему не напоминать. Почему его реакция была столь категоричной? Любой другой человек только подчеркивал бы свое родство со знаменитостью. Но владыка думал иначе.

Композитор А. Н. Скрябин (1872–1915) был музыкальным гением России. Он создал непреходящие шедевры русской музыки, которые являются достоянием мировой музыкальной культуры. Но последние годы своей жизни Скрябин искал лишь одному ему ведомые пути ко Творцу. В какой-то миг он почувствовал, что «Творец»-это он сам. Скрябин начал сочинять музыку, соединяя ее со светом, для чего писал отдельную световую партитуру. С музыкально-драматургической точки зрения-это новаторство, прорыв, гениальное откровение, но для композитора это было больше, чем только музыкальное явление. Он задумал грандиозное сочинение-вселенскую мистерию, соединяющую звуки, слова, свет, космические стихии, – мистерию, которая должна была превзойти творения апологетов сверхчеловечества: Вагнера, Штрауса, Ницше. Скрябин вообразил себя дерзновенным ниспровергателем и гордо устремился к мировому музыкально-философскому, «богословскому» Олимпу. Он чувствовал в себе потенциал музыкального, богословствующего философа. Неожданная смерть от заражения крови в сорок три года оборвала этот самонадеянный путь.

У композитора был гениальный сын Юлий, который также сочинял музыку. Его ранние произведения напоминали позднего композитора-отца. Со временем Юлий мог его и превзойти. Музыкальные авторитеты прочили Юлию мировую известность, успех и славу, но... в подростковом возрасте гениальный сын Александра Скрябина утонул в водах Днепра. Кто-то скажет-рок, судьба, кто-то-есть пределы человеческой гордыне. Все жизненные начала в руках Божиих, этого никогда и никому не стоит забывать. Знал ли владыка Антоний об этих фактах музыкальной жизни своих родных? Вероятно, да, и резкость, с которой он оборвал начатый было мною разговор, говорила о том, что жизнь и творчество А.Н. Скрябина ему были известны и оставили в его душе неприятный осадок.

По отцу-дипломату владыка Антоний имел шотландские корни. Его предки еще в начале XIX века приехали и осели в России, верно ей служили и добились общественного и имущественного положения. Будущий владыка (Андрей Борисович Блум) родился в Лозанне в 1914 году, за два месяца до начала мировой войны. Его отец, дипломат русской миссии в нейтральной Швейцарии, с началом военных действий в Европе должен был забрать семью и вернуться в Россию. После нескольких лет жизни на родине семья начала скитания, вызванные революцией и Гражданской войной. Блумы разделили эмигрантскую судьбу сотен тысяч русских семей, которые были выброшены из страны новой властью. Как замечал С. С. Аверинцев, «в митрополите Антонии остро ощущается масштаб того мира, из которого он пришел к нам: героической поры первой русской эмиграции».

Россия на долгие годы стала для Андрея Блума лишь мечтой, горячей и непрекращающейся молитвой о желаемой и далекой родине. Местом жизни поначалу была Франция, открывшая свои границы спасающимся от врага русским изгоям. Новая страна дала приют и защиту миллионам, но предоставила всем заботиться о себе самостоятельно, не надеясь на государственную помощь. Чтобы выжить, русское дворянство распродало свои фамильные драгоценности, всем миром, в складчину, строили новые храмы, из общей копилки поддерживали особо бедствующих соплеменников-эмигрантов, заботились о детях, об их обучении и всегда думали о возвращении в Россию.

Для будущего владыки Антония Франция стала домом, где он учился в русской школе, затем в университете Сорбонны. Он стал врачом, учителем в гимназии.

Ученицей Андрея Борисовича Блума в русской гимназии в Париже была Татьяна Николаевна Прокош, живущая много лет в Лондоне. Она мне немало рассказывала о своем гимназическом молодом учителе Андрее Блуме, который преподавал ей историю. Он не был строгим учителем,

наоборот, родители учеников просили его быть к ним строже. Как узнала потом Т. Н. Прокош. Андрей Блум не сильно разбирался в предмете, который преподавал, и поэтому готовился к предстоящему уроку всю ночь накануне.

Учитель и ученица жили неподалеку друг от друга, ходили в одну церковь, были членами одного прихода. Когда Татьяне исполнилось пятнадцать лет, она стала петь в церковном приходском хоре, где пел и будущий владыка Антоний. В ту же церковь, которая начиналась трудами епископа Вениамина (Фелченкова), ходил философ В. Н. Лосский, иконограф и иконописец Л. А. Успенский, монах Григорий (Круг) и некоторые другие, совсем немногие из русских эмигрантов, которые решили не рвать отношения с Московской Церковью, а отвергая большевизм, осуждая разбой, варварство и гонения на Церковь в Советской России, своим поведением, своей жизнью показывали действительное родство с Матерью-Церковью в Духе, в самой сути своей православной веры. Эта была та верность, о которой владыка Антоний многократно говорил всю оставшуюся жизнь. Эта верность давала силы жить и бороться за Родину молитвой, словом, примером жизни.

Пожалуй, самым верным будет сказать о владыке Антонии что-нибудь личное, пусть небольшое, но то, что прямо коснулось моей жизни и жизни моей семьи. В Лондон я приехал по личному приглашению митрополита Антония. Мне известно, что владыка сам хлопотал обо мне, корректировал тексты писем, следил, как продвигается дело с визой, звонил чиновникам эмиграционной службы. В нашей семье хранится переписка, которую вел собор с Министерством внутренних дел Великобритании о том, чтобы мне дали многолетнюю визу с разрешением на работу. Все эти бумаги были подписаны владыкой, а некоторые составлены им лично. Приехав в Англию работать, я волею судьбы оказался служащим с ним в одном храме, сопровождая его молитву в алтаре пением церковного митрополичьего хора на клиросе.

Начиная с января 1998 года у нас было с ним несколько продолжительных встреч, несколько раз я исповедовался у него, постоянно бывал на его четверговых беседах и постовых говениях. Но о первой встрече с владыкой мне хотелось бы рассказать особо. Быть может, читатель найдет в этом рассказе и что-то знакомое ему, похожее на его личный опыт встречи со святостью, которая изначально заложена в каждом из нас, но которую умеют взрастить и удержать в себе лишь немногие.

«Мы все призваны к святости, к царственной святости, но не все из нас святы», – как-то услышал я слова старого священника, которые глубоко запали мне в сердце. Владыка Антоний был одним из них, одним из немногих, на ком лежала видимая печать Духа Святого, печать благодати Божией. По слову преподобного Серафима Саровского, он спасался сам – и рядом с ним было тепло многим. Видя его жизнь, многим хотелось идти вослед.

Он не скрывал свои немощи, он любил пошутить над ними, а иногда владыка беспощадно и без рисовки мог говорить о себе. Протоиерей Иоанн Ли вспоминает: «Однажды, когда я на него за что-то рассердился, владыка сказал мне: „Джон, ты деревенский мальчик, ты знаешь, что из навоза может вырасти добрый плод, – так и думай обо мне"»

В митрополите Антонии была удивительная сила притягивать к себе людей, сила, которую даровал ему Господь ради всех нас, ради тех, кто знал его, и тех, кто только читал его книги. Многие из того, что сказал владыка, люди воспринимали как адресованное лично им. Во всех его поступках чувствовалась громадная личная ответственность. Для меня это есть самое очевидное свидетельство благодати, столь обильно разлитой в сердце владыки, потому что его внимание и сосредоточенность на проблемах каждого стоящего перед ним человека не были просто вниманием, которое само по себе довольно редкое явление в общении современных людей, но это была его постоянная молитва о человеке. В этот момент владыка был видимым и ощущаемым духовным мостом между миром земным и миром небесным. Ему были открыты пути Господни в ту меру, в которую он сам мог их вместить. Как оказалось, мера эта значительно превосходила меру обычного человека.

Некоторые из близких ему людей знали, что за несколько месяцев до кончины владыке Антонию был открыт день его перехода в жизнь вечную. Он не верил снам, но один из них был воспринят им как вещий, пророческий. «Мне приснилась бабушка, – вспоминал владыка, – которая сидела рядом и листала календарь. Страницы календаря сменяли друг друга, бабушка как будто хотела мне что-то дать понять. Она остановилась на июне следующего года, месяце моего рождения, и стала листать медленнее, уже как бы по дням. Я запомнил последнюю дату – 4 августа 2003 г. Сон прошел, видение кончилось, но я понял, что в этот день я умру».

Эту историю о сне владыки я услышал от протоиерея Иоанна Ли, человека, который находился рядом с ним последний год его жизни. Отец Иоанн был когда-то медбратом, и получилось как бы само собой, что в период болезни владыки Антония он практически ежедневно был рядом, помогал, советовал. Отец Иоанн был и при последних днях, часах и даже минутах земной жизни митрополита Антония, он облачал его перед положением во гроб. Он знал многое такое, что знать больше никто не может.

Не дерзая сказать что-то совсем особое и новое, тем не менее, беру на себя смелость поделиться памятью сердца, тем драгоценным и дорогим, что, раз попав внутрь тебя, остается с тобой навечно, на все время твоего собственного земного пути. Эта сердечная память помогает идти по жизни, помогает ориентироваться в ней, соотносить малое с большим, пустое и суетное со значительным и важным, помогает встречать людей, находить друзей и удерживать себя от греха. Память слов и дел владыки Антония, чему я был свидетелем и которую бережно храню в уме и сердце, дает мне право считать себя его учеником, признавая за этим не земной пьедестал тщеславия, а личную малую Голгофу, т. е. ответственность, жертву, верность и стремление к обретению Христовой любви. «Стремись к любви, ищи только ее. Лишь она одна будет тебе пропуском в Царство Небесное, – сказал мне однажды владыка Антоний, – потому как там нет ничего, кроме любви и радости вечной жизни с Богом Христом».

Первая встреча с владыкой Антонием

Лондон, январь 1998 года

Восьмое января 1998 года я хорошо запомнил не только потому, что именно на этот день был взят билет Москва – Лондон, но и потому, что в этот день в Москве отпевали и хоронили Георгия Свиридова. Сколько было сожаления по поводу того, что из-за поездки в Англию у меня не было возможности быть на отпевании великого русского композитора и патриота, но что я мог сделать?

...Утро 8 января, аэропорт Шереметьево, самолет «Аэрофлота» Ил-86, который в тот день так и не смог взлететь. Рейс переносили, пассажиров томили новыми сроками, не разрешая покинуть зону вылета. Наконец вечером в очередной раз было объявлено, что злополучный рейс переносится на завтра, российских пассажиров отправляют на ночлег в ближайший новотель, а всех транзитных пассажиров оставляют спать на мраморном полу в зале ожидания. День был потерян, похороны Свиридова пропущены, но Англия – встреча с новой страной – откладывалась всего лишь на день.

В Англии мне предстояла нелегкая, но хорошо знакомая практическая хормейстерская работа с митрополичьим хором, которым с середины 1960-х годов руководил протоиерей Михаил Фортунато. Хор в то время более чем наполовину состоял из англичан, людей немолодых, не профессионалов, а настоящих любителей церковного пения. Регент хора протоиерей Михаил не раз повторял, что любитель (пения, живописи, изобретательства) происходит от слова любить. Только в этом значении он воспринимал певчих своего клироса, многие из которых из любви к русскому церковному пению и богослужению стали православными, учили церковнославянский и русский языки и большую часть своей жизни посвятили лондонскому собору и митрополичьему хору. Их привлек человек, которого я

бесконечно и искренно уважал и который был хорошо известен в певческом мире Западной Европы, Америки и России. Отец Михаил Фортунато почти сорок лет руководил хором собора, и, приглашая меня в Лондон, он рассчитывал на меня как на специалиста-хормейстера, знакомого с технической стороной работы.

Первая встреча с хором, репетиция, или, как говорят в церковной среде, спевка, предстояла в ближайшее воскресенье после Божественной литургии. Но никто не знал, что спевка эта совершенно расстроится для меня и причиной тому станет встреча с митрополитом Сурожским Антонием. Душевное напряжение этой встречи, но, главное, последующая моя реакция на нее была столь сильной в эмоциональном отношении, что она до сих пор памятна мне во всех деталях и подробностях.

Еще в России я почувствовал, какой отклик в знакомых и друзьях производила весть о предстоящей поездке в Англию.

– Смотри на его руки. Они у него удивительные, говорящие, – сказал мне один знакомый священник.

– Слушай, как он говорит. Впитывай и запоминай каждое его слово, – говорил мне близкий друг.

– Смотри в его глаза. В них ты увидишь образ Христов, – наставлял третий знакомый.

– Читай его книги, подготовь вопросы, – предупреждал четвертый.

По правде говоря, из сказанного владыкой и опубликованного в самиздатовских книгах и эмигрантских журналах 1980-х годов мне было известно немного. Я не присутствовал на полуофициальных встречах с владыкой на московских квартирах, не ездил в Лавру на его выступления перед учащимися духовных школ. Все это могло бы быть, будь я крещен. Приход в Церковь состоялся позже, и мое воцерковление шло медленно, тяжело, как это иногда случается с новоначальными служителями искусства. Да, владыка Антоний был нашим современником, он служил, он жил среди нас, но при этом был где-то далеко, за морем, почти в ином недоступном мире, во всяком случае для большинства россиян 1990-х.

...Девятое января 1998 года, лондонский аэропорт Хитроу. Температура на улице +14 °С, яркое, не зимнее солнце, голубое безоблачное небо, зеленая английская трава, шагающие улыбающиеся люди в майках. Меня встретил отец Михаил, немного волнующийся за нашу общую работу, за то, какое впечатление произведет на меня Англия. Мы ехали к нему домой на запад Лондона по дороге с романтическим названием М4. По-старому она звучит куда интереснее – Грейт-Вестерн-Роуд. Названа так еще римлянами, оставившими после себя много достопримечательностей, сохранившихся до сих пор: следы древней мощеной дороги, старые полу-развалившиеся виадуки и крепости, поселения, ставшие со временем английскими городами, в том числе знаменитые бани – система строений банно-развлекательного характера и назначения, несколько бассейнов с минеральной целебной водой с постоянной температурой в 42 °С и многое другое. Мимо проносился придорожный ландшафт, зеленый и ухоженный. Начались городские кварталы, двух- и трехэтажные, не похожие на московские громадные, безликие и местами облезлые, но родные многоэтажки.

Семья Фортунато жила на западе Лондона в районе Чизик, который издавна населяли художники, музыканты, адвокаты. Дома здесь в основном старой постройки, с эркерами, большими окнами, просторные и известные в Англии как «семейные дома». Дом Фортунато на тихой улочке Ротшильд-Роуд был на две семьи, имел крошечный садик спереди и садик побольше позади. Этот садик позади дома, огороженный изгородью, и был местом отдыха для обитателей дома. Здесь было солнечно и уютно. Рядом с калиткой разросшаяся декоративная вишня с толстым стволом и ветками без листьев, необычно для этого времени года усыпанными розовым цветом.

– Это что, такая у вас зима? – спросил я батюшку, который ловко и молодо выскочил из машины.

– Вот, удивляйтесь и радуйтесь, но что вы скажете, когда увидите, что у нас есть удивительного в саду, – ответил он и постучал висящей медной колотушкой в голубую дверь. «Хорошо живется в Англии, – подумал я. – У них еще и сад есть».

Дверь растворилась, и на пороге появилась матушка Мариамна, которую я уже видел в России. Она не раз сопровождала отца Михаила в его регентских поездках по городам и весям нашей страны. Они оба останавливались в доме своей хорошей московской знакомой рядом с храмом Большое Вознесение.

Матушка Мариамна ездила с отцом Михаилом в Кузнецы – Свято-Никольский храм на Новокузнецкой улице, где располагается ПСТГУ

– Прошу вас, спойте хоть что-нибудь, самое короткое, – попросил я.

Они замолчали, переглянулись и запели «Богородице Дево, радуйся» греческого распева по-английски, затем повторили по-славянски. Во время пения, тихого, для себя, они смотрели друг на друга глазами, полными нежности. Сколько лет они вместе – тридцать пять, сорок? Бог дал им семейное счастье, возможную полноту совместного человеческого бытия, общих дел, забот. Жизнь обоих была целиком посвящена Церкви. Матушка Мариамна была иконоведом такого масштаба, что ее неоднократно приглашали университеты Оксфорда и Кембриджа читать курс лекций по иконе и церковному изобразительному искусству. Матушка являлась ученицей Л. А. Успенского.

Михаил. Он привозил из дома экран, диапроектор, коробки со слайдами и скромно переводил на русский язык рассказ своей многознающей супруги, стараясь оставаться в ее тени.

...Мы прошли в дом, началась приятная, без спешки, чередой вопросов-ответов, воспоминаний о московских встречах, об общих знакомых. Подошло время обеда. Матушка пригласила к столу в столовую-кухню на нижнем этаже, рядом с ее мастерской и выходом в садик-патио, который виднелся за приоткрытой дверью. «А, так вот, значит, тот самый сад, о котором говорил отец Михаил», – мелькнула мысль.

– Кстати, не хотите полюбоваться нашим садом, в котором матушка проводит утренние часы досуга, если он, конечно, есть у нее, – сказал отец Михаил.

Мы вышли в сад. Все его убранство составляли несколько кустов-деревьев, среди которых выделялась цветущая (!) камелия, и декоративный забор, увитый колючими розами. Матушка спросила меня: «Скажите мне, пожалуйста, почему именно роза была выбрана мною для садовой декорации? Думаете, для красоты? Не знаете? Тогда я вам отвечу сама: от воров!» – и весело рассмеялась.

Рядом с высоким каменным забором между домами проходит народная тропа, которой пользуются местные жители. Воров среди них нет, но есть вору проходящие, мигрирующие, которые время от времени «навещают» местное население. Дом отца Михаила несколько раз подвергался ограблению. Но вовсе «комичный» случай произошел с протоиереем Андреем Тетериным, который поселился в этом доме после отца Михаила. Вор залез ночью через маленькую форточку с улицы и выкрал все ценные вещи из комнаты, в которой спал священник, так и ничего не услышавший. Личное состояние вора увеличилось на ноутбук, фотоаппарат и мобильный телефон. Вот какие профессионалы бывают.

Помолившись, мы сели за стол. Чувствуя мою языковую застенчивость и опаску, матушка Мариамна старалась задавать вопросы по-русски, долго подбирала слова. Для нее русский-язык ее отца, но не родной. Но потом все решили, что ради практики будет лучше для меня, если русский язык

останется в запасе и я буду стараться говорить по-английски. День завершился многочасовым сидением с отцом Михаилом в его кабинете наверху, где стоял огромный старый письменный стол, до предела заваленный бумагами, где были книжные полки с изданиями богословских, исторических и музыкальных книг, которые отец Михаил собирал еще со времен своей парижской студенческой юности. Он рассказывал мне о своих текущих церковных делах, о подготовке очередного регентского семинара в России и ничего не говорил пока о моей предстоящей работе с хором собора. Была пятница, 9 января, завтра мы поедем в храм, завтра я увижу владыку Антония.

Десятое января 1998 года. Суббота. Воскресная всенощная. Отец Михаил привез меня на службу, с которой должна была начаться моя непосредственная подготовка к работе и знакомство с хором. Мы вошли в храм, тихий, немногочисленный, погруженный в тишину, которая была присуща общей атмосфере лондонского собора, была неким неотъемлемым его атрибутом. Как объяснил мне отец Михаил, тишина была необыкновенно дорога владыке. Он возвращал тишину в храм, воспитывал привычку к ней в прихожанах, он приучал к ней людей – и взрослых, и юных.

«Бог говорит человеку в тишине, ты должен быть сам погружен в молчание, и тогда в тебе заговорит Бог. Дай Ему место внутри себя, ведь Он видит и слышит твое сердце. Ты должен унять в себе все волнения и переживания, которые случились с тобой в течение дня, успокоиться настолько, чтобы Господь тихо вошел внутрь тебя и остался там уже навсегда. Понимаешь, как это важно для любого человека. Старайся больше пребывать в тишине» – так сказал мне владыка несколько дней спустя, когда мы сидели с ним в церковной лавке и разговаривали. Эти слова были сказаны тогда только мне одному, но они произносились сотни, а может, тысячи раз многим другим, всем тем, кто приходит в храм и забывает, что в храме пребывает Бог.

В храме была тишина. Приложившись к иконе, лежавшей на центральном аналое, мы с отцом Михаилом обошли храм. Он показывал мне некоторые образы, дорогие многим в лондонском храме, духовные реликвии русского собора Успения Божией Матери в Лондоне. Икона Преподобного Сергия, икона преподобного Серафима с мощами и частичкой рубашки, в которой он был во время нападения разбойников, некоторые Богородичные иконы. Чувствовалось, что за иконами следят, они попали в храм давно, часто как семейные реликвии, с которыми расстаются только в особом случае, как посмертный дар храму.

Обойдя храм, мы поднялись на клирос, где уже начали собираться певчие хора. На клиросе было несколько человек: Аннамари де Виссер, помощница регента и уставщица, Лена Вилсон, Сарра Скиннер, Джейн Коллиндридж, все те певчие лондонского храма, без которых, по словам отца Михаила, не было бы хора. Он очень дорожил ими, берег. Между ним и певчими, как открылось мне потом, была настоящая христианская любовь и поддержка.

Познакомившись с помощниками отца Михаила, я естественно ощутил на себе некоторое повышенное внимание с их стороны, так как не был в тот момент просто гостем хора, а был их будущим учителем. Меня это обстоятельство несколько смущало, так как я уже давно знал отца Михаила и как регента, и как священника, и как человека. Я вполне определенно и трезво осознавал, что совершенно не обладаю теми качествами, которые не только желательны, но и обязательны для каждого регента и педагога, а именно терпение, рассудительность, внимание к собеседнику, т. е. всеми теми качествами, которые, по моему мнению, были как раз в полноте дарованы отцу Михаилу. К тому же мое знание английского языка совсем не добавляло мне смелости. Что ж, положусь на волю Божию, решил я, встал на указанное мне место и приготовился к началу службы.

«Восстаните!» – произнес звонкий голос диакона, у которого голова и борода были окрашены в противоположные цвета: темные густые волосы головы резко контрастировали с сединой бороды, такой же густой, в меру длинной и пышной. Это был диакон Иосиф Скиннер, муж Сарры, которая пела, читала, держала тексты для всего хора. Священники в алтаре возгласили начальное

«Приидите...», и хор запел псалом. Пели неспешно, отец Михаил поглядывал вниз за кадящим в храме священником, соизмеряя с ним количество и последование стихов, которые следовало пропеть. Пели по-славянски, мягко, негромко, с явным, но не раздражающим слух акцентом, даже вызывая удивление качеством произношения церковных текстов. Служба потекла. Одно песнопение сменяло другое, чередовались богослужебные языки, церковные книги, на клиросе царило спокойствие и уверенность во всем. Центром спокойствия и уверенности был отец Михаил.

Где-то перед Шестопсалмием в алтаре появился белый клобук. Я сразу понял, что в алтарь вошел митрополит Антоний. Я поневоле стал раздваивать свое внимание, следя и за регентом на клиросе, и за владыкой в алтаре, которого было видно с нашего места на хорах. Окончился цикл хвалитных стихир, подошло время Великого славословия. Открылись Царские врата, и я увидел стоящего перед престолом владыку: «Слава Тебе, показавшему нам Свет», – в тишине раздался звучный, глубокий и спокойный голос, который заполнил все пространство храма. Это был первый возглас владыки Антония, который он подал в продолжение службы. Его голос поразил меня своей красотой, тембром. В его голосе была внутренняя сила и мудрость.

Манера, с которой митрополит Антоний произносил слова молитв, возгласов, была свойственна только ему. Знакомые тексты молитв, читаемых и слышимых сотни раз, в его чтении или возгласении приобретали новую глубину и заново открываемый смысл. Хорошо помню, как в конце четверговых бесед, которые происходили в храме, владыка Антоний вставал со своего кресла, поворачивался лицом к алтарю и читал несколько вечерних молитв.

«Помилуй нас, Господи, помилуй нас, всякого бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву яко Владыце грешнии приносим...» Каждое слово он произносил со значением, медленно. Каждое слово он адресовал Вечности так, как будто во всякую минуту был готов предстать перед ней. Я много раз замечал потом, что отдельные строки молитвословий, которые я слышал у владыки Антония, начинали иногда звучать во мне так, будто я читаю их его голосом. Просто подражать его чтению было бессмысленно, так как этот голос озвучивал его мысль и молитву, а это уже было недоступно.

Хор начал петь славословие. Митрополит Антоний стоял перед престолом. Издали он казался величественным и даже как будто высоким. Я совершенно растерялся, потерял всякий внутренний контроль и ощущение места и времени. Я вдруг почувствовал льющиеся слезы, какие-то новые для себя, неведомо откуда взявшиеся. Я перестал петь, перестал смотреть на регента и певчих, я только видел стоящего вдалеке митрополита Антония, его белый клобук. Он не двигался, просто стоял перед престолом, смотрел куда-то перед собой, но весь его облик, все его существо излучало спокойствие молитвы, обращения к Богу, предстательства «за всех православных христиан».

Конец службы так и не дал мне успокоения. Хор допевал ектеньи, кто-то читал первый час, но для меня потрясение даже не увиденным, а почувствованным, внутренне пережитым было настолько сильным, что мне хотелось спрятаться от глаз, быть незаметным или вовсе уйти. Служба тем временем закончилась. Встретившись с отцом Михаилом внизу в храме, мы вышли из церкви и поехали домой в Чизик. Дорогой мы молчали. О чем было говорить, спрашивать? Я тихо переживал в себе случившееся, прямо скажем, непонятное для меня, нечто совершенно новое. Однако мои внутренние чувства смешивались с нарастающим волнением другого рода – завтра после службы весь хор останется для того, чтобы репетировать со мной, слушать меня, чему-то учиться. «Утро вечера мудренее», – решил я и, оказавшись дома, быстро лег спать...

Десятое января, воскресенье. Утром мы с отцом Михаилом поехали в собор. Улицы были безлюдны, машин немного, и мы быстро подъехали к храму. Было всегда интересно наблюдать, как отец Михаил лихо заезжал в «карман» – небольшую площадку справа от собора, рассчитанную на две машины. Но гораздо занятнее было смотреть, как он выезжал. Это было виртуозно, как бы между прочим, не составляло ему ровно никакого труда. Совершая маневры, отец Михаил разговаривал,

шутил, лишь изредка поглядывая в боковые зеркала, контролируя ход машины. «Никогда бы я не смог так выворачивать», – думал я всякий раз, восхищаясь водительским мастерством пожилого священника.

Воскресенье – день особый. Церковная служба – это главное событие дня, но для многих прихожан и соборных певчих, которые много лет знают друг друга, это еще и день встреч, общения. Хор был отражением многонационального состава прихода. Англичане, русские, украинцы, немцы, финны, голландцы и даже японцы – кого здесь только не было. Это был интернациональный хор, такой же, как и сам приход, многоязычный, но имевший что-то общее внутри себя: доброе, вежливое, деликатное и внимательное к новичкам.

Литургия началась без чтения часов, а сразу с возгласа «Благословенно Царство...». Я снова отметил про себя, что все время до начала службы в храме было тихо. Народ прибывал, но шума, разговоров внутри храма не было. Люди писали записки, ставили свечи, молча молились перед иконами, и бесед никто не вел. Так же было и на клиросе. Тихие приветствия друг другу, молчаливое приготовление нот, текстов.

Владыка Антоний служил иерейским чином. Рядом с ним был другой владыка, как я потом узнал, архиепископ Керченский Анатолий. От всего происходящего веяло каким-то тихим спокойствием, скромностью, простотой и вместе с этим стариной, как-то утерянной и ушедшей из российских храмов. В соборе было человек сто или чуть больше, молящиеся стояли на своих местах, по храму никто не ходил. Служба шла как обычно.

Хор под рукой отца Михаила пел уверенно, слаженно, осмысленно проговаривал литургические тексты на обоих языках, и мне невольно подумалось, а чему, собственно, я буду их учить? Что нового и важного я готов преподать певчим, клиросный опыт которых, по-видимому, превосходил мой собственный церковный и певческий опыт? Однако было уже поздно рассуждать, надо было настраиваться на работу, думать о репетиции.

На причащении священников отец Михаил покинул свой пост, ушел в алтарь, передав управление хором помощнице Аннамари.

Вернувшись, он тихо сказал мне, что владыка Антоний хочет познакомиться со мной и просит подойти к алтарю, к распятию, куда обычно собираются люди и куда после службы выходит митрополит. Пока я буду разговаривать с владыкой, хор успеет попить чай и приготовить зал для спевки. Ничего не подозревая, лишь где-то в самой глубине сердца чувствуя предательский холодок, я спустился вместе со всеми вниз ко кресту, затем прошел к южной боковой алтарной части храма и встал в очередь ожидавших владыку прихожан.

Митрополит Антоний вышел через южные алтарные двери, не те, которые находятся в иконостасной перегородке, а через боковые, не видные глазу, завешенные тканью. Он начал разговаривать с тем, кто стоял ближе к нему. Наблюдая за владыкой вблизи, я терпеливо и спокойно ожидал своей очереди.

Меня представил ему отец Михаил, назвал имя и дело, ради которого я приехал в Лондон. Как-то неожиданно для меня владыка положил свои руки мне на плечи, посмотрел на меня внимательным и добрым взглядом... и начал благодарить. Несколько фраз, которые он произнес, поразили меня. Он благодарил меня за то, что я нашел время приехать в Лондон, что я согласился помочь хору стать лучше, и вообще говорил мне такое, чего на самом деле я никоим образом не ощущал и не относил к себе. В его словах не было и тени игры или юмора, они были искренни, серьезны, он говорил то, что, наверное, думал. Время и пространство для меня снова начали как-то незаметно растворяться. Вновь появились слезы, я ничего не мог с собой поделать, но при этом по сердцу разливалась неведомая ранее радость, было как-то непонятно тихо и хорошо. Владыка еще более приблизился ко мне, его

руки по-прежнему лежали у меня на плечах, он что-то продолжал мне говорить, а я лишь смотрел ему в глаза, видел, как он улыбается, понимая мое волнение и переизбыток чувств. Через пару минут он отпустил меня, и, ведомый отцом Михаилом, который присутствовал при всем этом, я последовал в трапезный зал собора, где стоял несмолкающий шум голосов, люди стояли, сидели, пили чай и общались.

Как прошла репетиция, я мало помню. Помню, что вначале извинился перед хором за свое самочувствие, которое, скорее всего, не позволит мне провести спевку как надо, как того ожидают от меня певчие. Я объяснил причину своего волнения и почувствовал, что люди поняли меня, не разочаровались, может быть, даже кому-то из них мое состояние было знакомо и напомнило нечто похожее из их собственного опыта. Мне не было стыдно своих распухших от слез глаз, я чувствовал, что меня понимают, я был среди своих.

Певчих было около двадцати или более человек. Они внимательно смотрели на меня, старались понять какие-то новые для них установки, предложения, улыбались на мое стремление самостоятельно объяснить что-то из певческой технологии по-английски, некоторые помогали мне своим переводом, словом, у нас сразу установились дружеские отношения, почти семейные, домашние. Работа хотя бы немного отодвинула на задний план мои недавние переживания от встречи с владыкой, увлекла новыми задачами, перспективами. Мы с обоюдной радостью завершили воскресную спевку, договорившись о следующих встречах на неделе индивидуально, по группам и все вместе.

И только вечером, оказавшись один в своей комнате, я вновь возвратился к событиям первых двух дней моего пребывания в Лондоне, центром которых оказалось мое первое знакомство с владыкой Антонием. Через несколько дней владыка пригласил меня на обстоятельный разговор, который состоялся в церковной лавке. Встречи будут и потом, через год и через два, и когда я приехал по приглашению владыки Антония уже жить и работать в Англию. Дорого многое, и это многое действительно отложилось в душе, но память первой встречи с ним, естественная реакция моего сердца на видимый, ощущаемый рядом свет Христовой любви, который излучала душа владыки, – память этой встречи осталась самой крепкой и дорогой.

Может быть, потому, что владыка Антоний умел чужое сделать своим, умел стать на самое краткое время близким и единственным собеседником и другом иному человеку, у всех тех, кто соприкасался с ним, остались глубоко личные воспоминания о нем. Хорошо сказал об этом отец Михаил Фортунато: «Как Божий друг, владыка Антоний обладает также редчайшим качеством – слушать напряженно, терпеливо, интуитивно. И вот в этом-то он и получает от нас свою долю дружеской жизни, так как в свой опыт он тогда впитывает все наши переживания и чувства»

Действительно, владыка Антоний всей силой своего сердечного участия умел так сосредоточиться на этом новом для него конкретном человеке, что хотелось тут же рассказать ему все, поделиться с ним тем, что было тяжело доверить даже самым близким домашним. Но почти всегда это был разговор не исповедующего с исповедующимся, хотя, разумеется, такое часто и постоянно происходило, но это был разговор двух друзей, двух близких и хорошо понимающих друг друга людей. Оттого беседы, которые владыка Антоний вел на русском и английском языках, каждый слушающий принимал близко к сердцу, как адресованные лично ему. Так же, впрочем, как и проповеди владыки.

«Давно уж это было, – пишет С. С. Аверинцев, – а никогда не забуду, как первый раз в жизни стоял на литургии, которую служил в одном из московских храмов улучивший возможность приехать владыка Антоний. Не буду говорить, что мы чувствовали во время проповеди: он говорил, глядя нам прямо в глаза, его речь шла так же прямо в сердце, каждое слово было живым и до краев, до тяжести, до переизбытка полно смыслом...».

К владыке Антонию спешили, когда видели его выходящим из своей квартиры или из алтаря, люди устремлялись к нему за благословением не формально, не только из уважения к его церковному

митрополичьему сану, а по зову сердца, чувствуя его простоту, доступность в любое время дня, его готовность слушать.

Владыка Антоний вообще всячески старался принизить, умалить себя, не давая собеседнику почувствовать дистанцию. Он ходил в простой, подолгу носимой монашеской одежде, подпоясанный простым пояском или широким ремнем, наподобие офицерского, под старость носил кофту-душегрейку. Только один раз в год, на престольный праздник храма, в День Всех Святых, он служил литургию архиерейским чином. Интересно, что митрополит Антоний сохранил за храмом не только старое посвящение Успению Божией Матери, но благословил добавить к нему посвящение Всем Святым, которое существовало у англиканского прихода. Традиционно именно в воскресенье Всех Святых Владыка служил архиерейским чином вместе с клиром других приходов Сурожской епархии. Его, как и полагалось, клирики собора встречали в дверях и провожали до места совершения входных молитв, затем иподиаконы облачали в центре на кафедре. В остальные дни года он служил как простой священник. Он сам ходил в магазин за покупками, причем покупал себе еду в одном и том же маленьком пакистанском магазине, где его хорошо знали и всегда тепло встречали: справлялись о здоровье, обменивались новостями, говорили о погоде. Он ел то, что оставалось от общей трапезы. Не раз я был свидетелем, как на стул у двери перед его квартирой, вход в которую был из ризницы храма, ставили стеклянную литровую банку с борщом, которую потом забирали там же через несколько дней, пустую и помытую. Так сердобольные старушки и женщины-прихожанки подкармливали своего владыку, зная, что для себя он никогда не будет готовить, а просто поголодает. Во всем этом проявлялось удивительное, редкое терпение и смирение митрополита, отказывавшего лично себе в том, что кажется нам самым необходимым и абсолютно естественным. По словам отца Иоанна Ли, «владыка не требовал какого-либо комфорта: он легко терпел жару, холод, голод, усталость; ничего этого он не замечал»

Владыка Антоний с радостью и простотой принимал помощь. Мне несколько раз посчастливилось стать его провожатым по дороге в магазин, и я с благодарностью вспоминаю несколько часов моей жизни, которые прошли в общении с ним во время этих походов.

* * *

– Хотите пойти со мной? Пожалуйста, сходим вместе, только вам придется везти эту тележку. Она со временем стала неуклюжей, но я к ней привык. Я ведь тоже теперь неуклюжий, старый, легко могу споткнуться. Мы оба с ней старые. Нам обоим пора уже уходить, – просто сказал владыка Антоний однажды, увидев меня подбегавшим к нему в один из октябрьских дней 2002 года.

Мы вышли с ним из пустого храма через боковые голубые двери. В этот день не было службы, церковь была пуста, я занимался подготовкой предстоящего богослужения Покрова Божией Матери, уже порядком устал. Потому, когда услышал скрип открывающейся двери, мгновенно понял, что это владыка Антоний – больше некому – выходит из дверей своей квартиры. Сбежав с клироса, я устремился к нему, испросив благословение. Я чувствовал на себе его взгляд, чувствовал, что он сейчас не только осеняет меня крестом, что он делал всегда медленно и с особым значением, но и молится обо мне, быть может, на всю оставшуюся мою жизнь. Он мог так делать, ему было это дано, я верил в это. Он был уже стар, болен, передвигался с трудом, но в нем жила огромная воля к жизни, невероятная сила духа. Ум его был по-прежнему бодр, здрав и остер.

...Мы вышли на площадь, которая в пасхальные дни превращалась в храмовое пространство, увеличивая число молящихся до нескольких тысяч, а в обычные дни являлась типичным городским местом парковок машин, жизни рядом находящихся школы и нескольких посольств. Мы завернули за угол.

– Хотите, я проведу вас тем путем, каким хожу уже почти пятьдесят лет? – спросил владыка. – Когда-то мне эту дорогу показал отец Лев Жилле.

Мы медленно шли по брусчатке старой улочки, которая носила название Эннисмор-Гарденс-мьюз. Мьюзы есть повсюду в Лондоне.

Это традиционные улочки, дома которых имели большие и широкие двери. Через эти двери въезжали повозки-кэбы – лондонские такси прошлых веков. В каком-то смысле мьюзы напоминали наши русские слободы, населенные представителями одной профессии, в данном случае извозчиками. Теперь же мьюзы стали лакомой недвижимостью, которая по карману состоятельным банкирам, юристам, звездам спорта и кинематографа. Но кто бы ни поселился на мьюзе, обязан был сохранять внешние признаки былой кучерской улицы – большие ворота, светлый окрас внешних стен дома. Каждый из домов английского мьюза примыкает друг к другу и имеет отличный от соседнего цвет стен. Все вместе они выглядят как нарисованные и напоминают веселую театральную декорацию. Из-за брусчатого покрытия на мьюзах нет деревьев, посаженных в землю. Зато рядом с каждым домом стоят большие кадки с зеленью или цветами.

...Владыка что-то рассказывал: о своем детстве, о переездах из страны в страну, о войне.

– Ну что я все о себе и о себе. Расскажите-ка лучше, как вы живете, как дети и Галя? Мальчики, верно, ходят в школу? Как учится Сережа? Наверное, здешняя жизнь отличается от московской?

...Сумка-тележка немного поскрипывала и подскакивала колесами на камнях, то ли скорбя, то ли радуясь неровностям мощеной дороги. Еще поворот, и мы оказываемся в узком дворе шириной в одну машину, проходим через арку, неприметную даже вблизи, и выходим на Монпелье-Плейс.

– Скажите, владыка, что требуется, чтобы стать священником? – робко спросил я. Владыка остановился, посмотрел на меня внимательно и серьезно.

– Если вы спрашиваете о себе, то, прежде всего, вы сами должны понять, нужно ли это вам лично? Нужно взглянуть на себя глубоко и ответственно. Священство – это, прежде всего, ответственность и служение ближнему. Потом мне надо прийти к вам домой и поговорить с Галей и вашими сыновьями. Вся семья должна понимать, что произойдет, если отец станет священником. Давайте отложим этот разговор на месяц, я приду к вам, мы поговорим и решим, как быть дальше. А пока надо наречь вас чтецом и посвятить в стихарь. Это мы можем сделать уже в ближайшее воскресенье.

Болезнь митрополита Антония развивалась стремительно. Через месяц он уже начал регулярно ездить в больницу на процедуры, силы его убывали, и к этому разговору мы больше не вернулись. А в ближайшее воскресенье, придя в собор, я подошел перед службой к владыке Антонию за благословением: «Владыка, вы хотели меня сегодня посвятить в стихарь». – «Да, хотел, но у меня сегодня совершенно нет сил. Попросим владыку Василия или, если хотите, подождем до следующего воскресенья. Бог даст, будут силы, и мы сделаем это. Решайте». – «Владыка, я подожду».

...Мы идем по Монпелье-Плейс. Возле красивых, ухоженных домов припаркованы «ягуары», «порши», «лексусы» последних моделей, говорящие о многом достатке их владельцев, живущих здесь. Еще поворот, и мы заходим в магазинчик. Мгновение, и я вижу, как лицо человека, стоящего за стойкой, расплывается в улыбке. Это Али, хозяин магазина, на вид ему лет пятьдесят, но и он, и владыка Антоний хорошо знают друг друга. Последние лет пять митрополит Антоний регулярно ходит за покупками именно сюда. Али тут же начинает спрашивать о здоровье владыки, сетует на переменчивость английской погоды. Они говорят о самых обычных вещах, как давние приятели. Али смотрит на владыку с нескрываемой радостью и с несомненным уважением к возрасту собеседника. А тот с юмором отвечает на вопросы, поддерживает разговор, и видно, что он приятен им обоим.

Али-мусульманин, владыка Антоний-православный. Что могло быть общего у них? Они никогда не обсуждали религиозных тем. Али даже не знал, кто был владыка Антоний. Но Али с полным основанием считал владыку своим постоянным клиентом, почти другом.

– Такой приятный человек, простой, деликатный. Он каждую неделю приходил сюда, мы разговаривали. Он интересовался моей семьей. Я чувствовал, что его интерес к моей жизни есть нечто большее, чем обычное вежливое, принятое у англичан «Как поживаете?»

– Он покупал продукты, охотно принимал советы, а потом я иногда провожал его до мьюза. Вы, наверное, знаете, здесь много красивых улочек вокруг. Там мы расставались, и я возвращался в магазин, а он шел дальше. Я никогда не спрашивал его, кем он был, но сердце мне подсказывало, что он был очень хороший человек. Вы говорите, он был русским?

Так говорил мне Али уже после смерти владыки Антония, когда я специально зашел к нему, чтобы сообщить печальную весть. Али очень удивился, когда узнал, кем был владыка Антоний в жизни, не переставая повторять: «Такой приятный человек. Знаете, такой приятный».

Мы с владыкой начинаем обход магазина. Из его кармана извлекается небольшая записка-памятка о том, что требуется купить. Владыка берет то, что ему нужно, и просит меня опускать отобранное в сумку.

– Я должен просить у вас прощения. Сегодня среда, а я должен купить молоко и сыр. Но я покупаю это не для себя. У нас есть несколько стариков-прихожан, кто-то из них старше меня. Они давно не выходят из дома, я покупаю это для них.

– Владыка, это вы простите, что я стал свидетелем этого и вам приходится еще и оправдываться.

Обход первого этажа закончен. Чтобы продолжить, надо спуститься в подвал. Я прошу у него разрешения сходить вниз и самому принести нужное, но владыка поручает это хозяину магазина, который все это время был рядом с нами и, казалось, только и ждал этой просьбы.

Закончив наполнение сумки продуктами и расплатившись, владыка Антоний пожелал хозяину здоровья и хорошего дня. На этом наш продуктовый поход не закончился. Выйдя от Али, мы направились в другое, как сказал владыка Антоний, заведение – во французскую кондитерскую, которой на тот момент владели то ли болгары, то ли сербы.

Там владыку Антония тоже хорошо знали, быстро собрали, что он просил, и мы отправились в обратный путь.

Возвращались мы тем же путем, каким шли час назад, иногда молчали, иногда я что-то спрашивал у него. Мысль о том, что мы идем с ним вместе в последний раз, ни разу не появилась у меня. О болезни владыки Антония еще никто не знал, кроме самых близких к нему людей. Не только мне, всем в соборе и епархии казалось, что владыка Антоний будет с нами всегда, будет по-прежнему доступен и открыт для разговора, для вопроса, для благословения. Его почти девяностолетний возраст никто в расчет не принимал. Он всегда был в храме, в сознании многих он как бы сросся с его стенами и колоннами, слился с его иконами. Многие в России так и называли собор в Лондоне – храм митрополита Антония. Нам всем казалось, что так будет всегда.

...Мы пришли в собор. Владыка Антоний поблагодарил меня за помощь и благословил перед самой дверью в квартиру. Я смотрел ему вслед. Видел, как он открывает дверь ключом, который всегда висел у него на шнурке, на поясе, как ему трудно было повернуться и тянуть за собой сумку. Я расстался с ним, не думая, что таких прогулок с ним у меня больше не будет. В действительности практически ни у кого в приходе встреч с владыкой Антонием больше не будет. Он проведет несколько последних бесед в октябре-ноябре 2002 года. Беседы будут по-русски. Мне они теперь кажутся разговором-прощанием. Владыка Антоний вспоминал, как все начиналось, как было трудно всем и ему, когда он только приехал в Англию. Он говорил о русской эмиграции первой волны, о приходе и священниках, об Англии 1950-х, о людях, с кем он служил, общался, с кем строил епархию. Он говорил о дне сегодняшнем, о новых проблемах и путях их решения. Он говорил о будущем. В январе владыка

Антоний служил новогодний молебен, затем служил в Рождественский сочельник и в сам праздник Рождества, и мы потом долго не будем его видеть. В приходе поползли слухи о его болезни.

Но еще одна наша встреча с владыкой Антонием все-таки состоялась, встреча действительно последняя, личная, очень короткая. Это было в самом начале апреля 2003 года. Теперь уже все в храме знали, что владыка Антоний тяжело болен, почти ежедневно ездит в больницу, проходит специальное лечение химией и облучением.

...Снова раздался звук открывающейся двери, шаги. Из ризницы медленно вышел владыка Антоний, худой, заметно постаревший, изможденный от непрекращающихся тяжелейших медицинских процедур. Через несколько секунд я сбегал с клироса и оказываюсь внизу. Беру благословение. Он внимательно смотрит на меня и неожиданно спрашивает:

– У вас есть несколько минут подождать?

– Да, есть, конечно, есть! – отвечаю я.

Владыка Антоний медленно поворачивается, идет через ризницу к себе. Его нет несколько минут. В храме пусто, иногда доносится шум улицы, иногда что-то происходит в трубах храмовой системы отопления, из-за чего раздается характерный шелкающий звук, похожий на хлопок. Я один. Сажусь у левой колонны, жду владыку. Мысли разные, но главная – зачем он вернулся в квартиру?

...Снова скрип двери, снова шаги, владыка Антоний выходит из ризницы и идет ко мне.

– Простите меня, я должен был и хотел это сделать раньше. Но сейчас много средств уходит на мое лечение. Все скоро кончится, я знаю, но это я делаю не для себя, а ради тех, кто хочет мне помочь.

Я хотел сделать что-то еще для вас и вашей семьи. Пусть тут немного, но прошу вас, возьмите это. Тут деньги от моих книжек, я ведь получаю время от времени, иногда даже много. Теперь пусть они помогут вам. Потратьте на детей, на семью, вы сами лучше знаете как. Еще раз простите, что даю поздно и мало.

Он передал мне сверток – туго набитый конверт – и пошел к выходу из храма. Я стоял потрясенный происшедшим, мало еще осознавая случившееся, внутренне равно готовый к возражению и к благодарности.

«Я, кажется, даже не успел сказать ему спасибо?!» – подумал я.

Его фигура удалялась от меня. Бежать, догонять, говорить нужные, но сейчас уже лишние слова – я не сдвинулся с места, а только смотрел ему вслед и мысленно благодарил.

Я никогда не просил его о помощи. Мне и так собор платил по московским меркам вполне достаточно, даже щедро. Нам хватало. А тут! Значит, он сам почувствовал и так решил. Его слово, когда надо, было твердым. Это все знали. Возражать было нельзя и бесполезно. Однажды решив, владыка Антоний оставался непреклонен!

Накануне Успения 2013 года со мной второй раз в жизни произошло практически подобное. Я приехал в известный монастырь, чтобы поговорить с его наместником о митрополите Сурожском Антонии. Разговор был кратким, владыка-наместник спешил. Я говорил ему о книге, которую составил. Он ясно понял, что я не собираюсь просить у него денег. Внезапно он поднялся и ушел в смежную комнату. Вернувшись через пару минут, он вручил мне деньги.

– Это не на книгу, это лично вам. Спрячьте деньги и продолжайте. Книгу мы издадим. Благословляю.

Мгновенно я вспомнил встречу с митрополитом Антонием в апреле 2003 года.

...Он медленно шел к боковой двери в углу храма, направляясь на очередную процедуру в больницу. На улице его кто-то встретил, они сели в машину и уехали. А я стоял с его подарком в руках, понимая, что это не просто помощь мне. Нет, он хочет остаться ни с чем, он доводит себя до состояния полной нищеты, чтобы смиренно и тихо предстать перед Богом, сказав ему: «Вот я. Все что имел, отдал другим, прими меня, каким есть. И прости, и помилуй».

* * *

Последнее богослужение в соборе, в котором владыка Антоний принял участие, была Пасха 2003 года. Как обычно, английская полиция ограждала площадь (так и хочется назвать ее соборной), ограничивая проезд и парковку машин. Перед ограждением мне пришлось даже назвать себя и показать свое имя в списке хора, участвующего в пасхальном богослужении. Придя в храм около одиннадцати вечера, я увидел множество народа. Старые прихожане позаботились о стульях для себя, но большинство людей стояли и слушали чтение апостольских деяний, которые по традиции читались на двух языках кем-то из прихожан. Хор уже собрался на клиросе. Певчие коротко обменивались приветствиями, брали подборку ирмосов канона Великой Субботы, который предстояло петь на заутрене. Отца Михаила Фортунато на клиросе не было, как настоятель, он должен был служить в алтаре. Управлять хором предстояло мне.

Время летело, хору пора было спускаться вниз и занимать свое место справа от алтаря. Еще накануне всем певчим было сделано напоминание – принести маленькие карманные фонарики, чтобы, никого не отвлекая, освещать свою личную папку. Иначе петь по нотам было невозможно – после того, как чтение апостольских деяний заканчивалось, храм до пасхальной заутрени оставался погруженным в темноту. Пасхальные свечи зажигались лишь с первыми звуками пения стихиры «Воскресение Твое, Христе Спасе». Такую традицию застал я в соборе.

«Благословен Бог наш...» – как всегда, немного в нос возгласил отец Александр Фостиропулос. Случилось так, что уставщица Аннамари забыла захватить часослов, и обычное начало службы мне пришлось читать по памяти, так как в алтаре в ту ночь не оказалось чтеца.

«...Самому Христу, Царев и Богу нашему... Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...»

Я напрягся, чтобы в такую ответственную минуту не сплеховать, ничего не напутать. Мне в руки сунули микрофон, голос вдруг резко усилился, сотни глаз и ушей мгновенно сфокусировались на мне.

«Слава Богу! Все сошло благополучно», – пронеслось внутри благодарение, а дальше все пошло по знакомой колее. Пели ирмосы канона Великой Субботы без катавасий, повторяя только девятую песнь. Тропари канона читал протоиерей Михаил Фортунато. На катавасии на девятой песни на словах «...восстану бо» я сильно задержал хор, чтобы подчеркнуть акцентом ударный слог и совпасть с действиями священников, которые в этот момент подняли Плащаницу, внесли ее в алтарь и затворили врата. Пение закончилось, вновь наступила тишина. Все ждали начала пасхальной утрени.

Как всегда, по благословению владыки Антония за несколько минут до полуночи группа мужчин-певчих хора зашла в алтарь. Мы стояли, молча ожидая знака владыки к началу пения стихиры «Воскресение Твое, Христе Спасе». Весь храм был по-прежнему погружен в темноту. Ожидание и молчание было всеобщим.

...Владыка Антоний стоял перед святым престолом с закрытыми глазами, молился. Он не отдавал никаких распоряжений, никто у него ничего не спрашивал. Все знали, что служба сейчас пойдет так же, как она шла здесь всегда. Наконец, он открыл глаза, посмотрел на настенные часы, оглядел всех присутствующих и дал знак отцу Михаилу – сейчас начинаем. Запел сначала он. Для себя я отметил, что никто из присутствующих не задавал тон, но тот звук, с которого начал петь владыка Антоний, оказался всем удобен. Священники и певчие сразу присоединились к владыке, каждый в

свой голос, и пение мужских голосов тихо-тихо понеслось по храму, увлекая всех за собой в единый пасхальный хор. Трижды пропев стихиру со все возрастающей громкостью, хор за мной устремился через боковые двери-занавеску в коридор, чтобы успеть быстро пройти по нему, выйти на улицу и расположиться перед входными дверями на паперти собора. За хором двинулись из алтаря священники, владыка Антоний замыкал шествие. Это и был наш пасхальный крестный ход.

Редко где на Западе существует возможность крестных ходов. Причина простая – храмы либо располагаются в домах, либо не имеют прилегающей территории. Свято-Никольские храмы в Амстердаме, в Нью-Йорке, в Оксфорде находятся в ряду других зданий. Обойти храм вокруг нельзя. Поэтому крестный ход обычно совершается перед дверями храма – десять шагов в одну сторону, десять в другую. То же самое в Успенском кафедральном соборе, хотя здание церкви как бы и позволяет обойти его, но тропа, очень узкая, так никогда и не стала путем крестного хода. Другое дело Успенский храм в Лондоне Русской Зарубежной Церкви, собор Александра Невского и Сергиевское подворье в Париже. Они имеют собственную территорию, храмы обнесены оградой, имеют приходские дома и дома причта.

Вот мы уже перед храмом на соборной площади, которая наполовину заполнена народом – несколькими сотнями людей, теми, кто не смог попасть внутрь или хочет вскоре уйти. Из окон соседних домов на площадь тоже смотрят люди – местные жители. Для них это нечаянная радость, во всяком случае нечто неординарное, не похожее на протестантские шествия и обряды. Все приготовились к первому возгласу, который должен был дать владыка Антоний.

– Слава Святей... – нараспев, таким знакомым и вместе с тем слабым, каким-то другим голосом пропел он.

Владыка стоял перед дверями собора, окруженный священниками, певчими, народом, и пел стихи начала пасхальной утрени. Хор радостно, но не громогласно отвечал многократным повторением слов пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых». В хоре еще много было англичан, которые могли петь только мягко, негромко и медленно, стараясь правильно выговаривать славянские слова. Митрополит Антоний благословлял народ: «Христос воскрес!» – осенял его крестом, украшенным цветами и горящими свечами. Он даже проповедовал в ту ночь. Но все видели, как тяжело ему давалась и сама служба, и проповедь.

Так случилось, что последняя Пасха владыки Антония была моей первой регентской Пасхой в Лондоне. Отец Михаил Фортунато осенью 2002 года был назначен настоятелем собора. Он служил, и управлять хором было поручено мне.

Пение в православной церкви – это все! Прихожане могут не видеть священника, который молится в алтаре, но они всегда слышат хор. Не секрет, что зачастую именно хор привлекает некоторых на богослужение. Это, конечно, неправильно, но это реальность. На богослужении хор не имеет порой и минуты отдыха: певчие поют, читают, и все это происходит вживую, не под фонограмму, а здесь и сейчас. Все службы православного церковного года поются, но самая певучая, летящая – пасхальная. От хора зависит, какое настроение будет в храме в эту ночь. Пение влияет и на служащих священников, и на молитву прихожан.

И в ту ночь, несмотря на то, что владыка Антоний был тяжело болен, мы должны были петь с пасхальным настроением. Но мне приходилось соотносить темп каждой части богослужения и всей службы в целом с тем темпом, который был удобен и был по силам владыке. Я хорошо усвоил уроки отца Михаила и из разговоров с ним, и из собственного опыта знал, как важно регенту чувствовать и подхватывать темп диакона и священника. Это то, что так хорошо удавалось делать отцу Михаилу. Когда он управлял хором, то получалась гармония между служащим владыкой и хором. Отец Михаил именно сослужил митрополиту Антонию, чему особенно старался следовать в ту ночь и я.

В моей памяти хорошо сохранился момент проповеди. Владыка Антоний стоял на амвоне, всем телом опираясь на свой архиерейский жезл. Он говорил о пасхальной радости, приводил слова святителя Иоанна Златоуста, комментировал их, но та проповедь была короче обычной, которую владыка Антоний произносил в рядовой воскресный день. Было видно, как трудно даются ему слова, как много сил он уже истратил к этому моменту, как необходим был ему отдых. Закончив проповедь, владыка Антоний сказал:

– Простите меня, дорогие мои. Я должен был бы сказать еще, но я не могу этого сейчас сделать. Я очень устал и должен закончить.

Поздравляю вас всех с пасхальным праздником. Христос воскрес!

Для всех нас это его желание было хорошо понятно. Во все время службы он ни разу не присел на архиерейское место в алтаре, кроме положенного епископу сидения во время апостольского чтения. Владыка сам говорил проповедь на обоих языках. Он стремился никого не обидеть, никого не оставить недовольным.

После утрени, как это было всегда при владыке, он подавал пример лобызания ближнего. Церемония была общей и иногда занимала до получаса. Все священники выходили на солею, и митрополит Антоний с каждым из них трижды христосовался, произнося: «Христос воскрес!» Приветствие, начатое владыкой, сразу подхватывалось всеми присутствующими в храме: на клиросе христосовались певчие, внизу обнимались прихожане. Владыка же после этого обычно уходил в алтарь и сидел, дожидаясь начала литургии. Но в тот год пасхальную литургию владыка Антоний уже не служил. Я не могу сказать, был ли он в алтаре или ушел к себе. Службу вел протоиерей Михаил в сослужении отцов Иоанна, Максима и Александра, все шло традиционным праздничным пасхальным чередом...

Весь июнь и июль мы не видели владыку Антония в храме. Говорили, что он уже постоянно находился в больнице, в хосписе, где его навещали только отец Иоанн и отец Михаил.

Во второй половине июля в церкви ежедневно начали служить молебны о здравии владыки Антония, чувствуя, что приближается кончина. Так было и в понедельник 4 августа.

...Летом 2003 года в Англии, как и во всей Западной Европе, стояла страшная, непереносимая жара. За два летних месяца непрекращающейся жары город раскалился до предела и стал похож на огнедышащую печь. Камни зданий и асфальт отдавали воздуху свой жар, опаливая ноги и все тело нестерпимым зноем. Газеты ежедневно оповещали об очередной отмене движения поездов: из-за высокой температуры, которая держалась с конца мая, рельсы деформировались и во избежание аварий некоторые линии приостанавливали работу. Жизнь в городе походила на ежеминутное пребывание в раскаленной топке. Казалось, что наступает конец света.

– А еще предрекают, что Англию затопит! Англия расплавится, и случится это уже в этом году.

Четвертого августа в пять часов вечера в соборе начался очередной молебен. В тот день в храме собрались всего несколько человек. Молебен служил протоиерей Максим Никольский. Отец Иоанн и отец Михаил отсутствовали, как я узнал потом, они были в больнице у владыки. По случаю жары и малого числа прихожан хор расположился внизу в храме, а не на своем обычном месте на галерее. После начального возгласа священника я стал читать обычное начало, затем положенный девяностый псалом, когда послышался звук подъехавшей машины, затормозившей у паперти. На фоне распахнутых дверей в ярком свете вечернего солнца появился в первую секунду неразличимый силуэт священника. Это был отец Михаил Фортунато. Он перекрестился, увидел, что певчие стоят внизу, и быстро направился ко мне. По его лицу было видно – что-то произошло. Он тихо сказал: «Остановите чтение. Час назад митрополит Антоний умер».

...Время остановилось! Все разбрелись по углам. Кто-то сел на стул, кто-то опустился на колени, кто-то вышел на улицу. Каждый из присутствующих в этот момент в церкви по-своему переживал известие. Меня охватила тоска, хотя смерть владыки Антония была вопросом времени, о его болезни многие знали. Знали, что положение безнадежно, но, пока служили молебны, пока каждый день собирались в храме на молитву, мы надеялись – владыка жив, он с нами, он еще может вернуться...

Побродив с минуту по храму, я решил пойти позвонить, сообщить домой печальную новость. Набрал номер жены, потом друга-священника, сообщил им скорбное известие и вернулся в храм.

Я сел у крайней колонны слева, у той, которая ближе к притвору. Все мои мысли устремились к владыке Антонию, сфокусировались в одну – его действительно уже больше нет. Его жизнь завершилась... Вокруг было тихо, я закрыл глаза, и мне показалось, что в храме я был один.

Внезапно я почувствовал, как что-то легкое, невесомое, почти неосязаемое коснулось моего плеча. Это было похоже на безгласный оклик, на чей-то зов.

Я оглянулся.

Никого.

Что это было? Обмануться я не мог. Что-то действительно коснулось моего плеча. Чье-то легчайшее прикосновение было на самом деле...

...Прошло около часа. Народ постепенно возвращался в храм, вышли священники, чтобы служить первую панихиду. Служили двое: протоиерей Михаил Фортунато и протоиерей Максим Никольский. С первыми звуками панихиды смутное, неясное еще ощущение потери постепенно переходило в реальность – владыки Антония больше с нами нет. Эта уверенность заполняла душу тяжелым расплавленным свинцом-реальностью и неотвратимостью скорой встречи, но встречи его во гробе, встречи, которая станет для всех действительно последней.

В панихидах по владыке Антонию прошли все оставшиеся дни до отпевания и похорон. За день до этого гроб с его телом был доставлен в собор. В центре храма перед главным аналоем была воздвигнута архиерейская кафедра, покрытая мантией владыки, и на нее поставили гроб. Распоряжался всем отец Александр Фостиропулос. Как только необходимые приготовления были закончены, началось многочасовое прощание с владыкой Антонием, служение литий и панихид, чтение Евангелия. Храм решено было не закрывать всю ночь, чтобы все могли попрощаться и еще немного побыть рядом с владыкой. Полным ходом шла подготовка завтрашнего отпевания, прибывали все новые и новые гости из Москвы и Питера, Минска и Киева, Амстердама и Парижа, Нью-Йорка и Сан-Франциско. Приехала и моя жена Галина.

Настал день 13 августа 2003 года. В храме стало тесно: многие ночевали в соборе, еще большее число приехало утром. Люди здоровались, обнимались без радости, спрашивали друг друга: «Как же мы теперь будем жить? Как все пойдет? Кого назначат на его место?» Духовенства было так много, что даже в библиотеке, отведенной под ризницу, облачались по очереди. К десяти часам утра все приготовились к службе.

Возглавил отпевание митрополит Минский Филарет (Вахромеев), Патриарший Экзарх Западной Европы. Прибыло несколько архиереев из разных епархий, из разных стран, множество священников, монашествующих, собрался огромный хор, представлявший всю Сурожскую епархию, которым управлял в тот день настоятель собора протоиерей Михаил Фортунато.

Среди стоявших внизу гостей были видны розовые кардинальские шапочки, мусульманские чалмы. Присутствовал епископ Лондона Ричард и глава Англиканской Церкви архиепископ

Кентерберийский Роуэн Уильямс, который выступил со словом после митрополита Минского и Белорусского Филарета и епископа Сергиевского Василия (Осборна).

Накануне в совете с владыками и священниками отец Михаил Фортунато определил порядок службы. Подобного богослужения в соборе еще не было.

Началось торжественное отпевание. Все было чинно и достойно: пение, чтение, возгласы, действия служащих, внимание собравшихся. Было заметно, что молился весь храм. Молились о духовном отце, о друге, об учителе. А он лежал посередине храма, спокойный, величественный и в то же время такой одинокий и недоступный для всех, кто окружал его гроб.

В прощальном слове митрополит Минский и Белорусский Филарет сказал:

– Владыка и отец, брат и сослужитель, мудрый наставник и пастырь-душепопечитель... Не престай и на небеси быть ходатаем о меньшей братии, о сотаинниках твоих, о всех верно помнящих и почитающих тебя.

Закончилась общецерковная молитва в храме, все приложились к руке владыки и Евангелию, лежащему у него на груди. Гроб вынесли из собора, поставили на катафалк, и траурный кортеж медленно двинулся в сторону кладбища. Перед главными воротами со стороны Олд-Бром-птон-Роуд вереница автобусов и машин остановилась, гроб был взят на плечи священниками, и процессия направилась по главной аллее к подготовленному месту. Шли долго, пели песнопения панихиды, не замечая страшной жары.

Вокруг приготовленной могилы были расстелены зеленые пластиковые ковры, как всегда делают при погребении на английских кладбищах. Началась лития. Затем гроб опустили в могилу. Перед зарыванием все, кто приехал на кладбище, по русскому обычаю бросили на гроб горсть земли. Быстро вырос небольшой холм, его обложили принесенными цветами, установили скромный деревянный крест. Все кончилось. Но одновременно все и началось. Не раз и не два среди людей слышалось обращение к владыке Антонию как к усопшему праведнику, как к святому, как будто он не был нашим современником, а жил давно, был прославлен и ходатайствовал за нас перед Богом. Никто людей не останавливал, не поправлял. Это было чувство глубоко личное, внутренний порыв сердца тех, кто действительно имел с владыкой Антонием встречу, разговор, кто прикипел душой к лондонскому собору, к храму митрополита Антония. Так или иначе, время поставит все на свое место, думалось в тот момент. Если Богу будет угодно, а люди не забудут все то хорошее и доброе, что сделал для них митрополит Антоний, он будет прославлен. Когда-нибудь... Пройдет время... А пока в душе несло:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего новопреставленного митрополита Антония. Аминь».

Евгений Тугаринов

Митрополит Сурожский Антоний

Интервью

– Для начала я должен рассказать, как я учился английскому. Моя мама очень хотела, чтобы я учил английский, но я ее переубедил, что английский язык безобразный, что я никогда в Англии не буду, что мне совершенно это неинтересно. А вот бы учиться немецкому! Мама согласилась, не сообразив одного – что я так хотел немецкому учиться потому, что я уже по-немецки говорил свободно и рассчитывал, что в течение года-другого я смогу, не работая почти, получать хорошие отметки. Это мне в стыд и в осуждение, но – правда. Поэтому я английского языка не знал и не учил.

Когда я стал священником в Париже (вторым священником в маленьком приходе), то я и не думал куда-нибудь уезжать, потому что я одновременно был и врачом, и священником. А потом меня пригласили вести беседы с молодежью, которая приезжала ежегодно сюда на съезд Православно-Англиканского Содружества¹.

И на одну из этих бесед пришел Николай Михайлович Зернов, который, будучи главой Содружества и основателем его, и предложил мне приехать сюда на съезд и стать священником Содружества. Причем предложение было сделано, с одной стороны, Николаем Михайловичем, а с другой стороны, священником, которого я встречал, когда мне было лет семнадцать, и больше не видел. Замечательный очень человек – отец Лев Жилл, француз, который стал православным. Когда он меня увидел в день моего приезда, промчался через сад, подошел ко мне и сказал: «Вы нам здесь нужны, становитесь священником и приезжайте в Англию». Я ему сказал, что по его слову я это сделаю, если только обстоятельства сами это устроят. И через год мне предложили стать священником здесь – в качестве настоятеля храма Православно-Англиканского Содружества. И владыка Серафим, который был нашим епископом в Париже, которому я, в общем, был и не нужен, меня отправил сюда на два года. За эти два года я должен был служить, должен был научиться английскому языку, должен был начать читать лекции. Это звучит очень просто, но дело в том, что я английского не знал, поэтому я засел за язык с книгой и словарем, старался производить английские звуки, что совсем не так просто, общаться с людьми.

С другой стороны, у нас была маленькая группа молодежи из Германии, которые так же, как я, не знали английского. Я для них стал служить раз в месяц на немецком языке, пока мы учились, и постепенно начал научиться. Причем иногда комично было. Меня пригласили в один из университетов здесь в юношеское содружество рассказать о Православии. Я говорил, кажется, на французском языке, наверное, не на русском. И в конце собрания студент-председатель говорит: «У нас минуты три до конца собрания. Кто может задать короткий, простой вопрос?» И один студент встал и говорит: «Может отец Антоний нам объяснить, в чем состоит разница между католическим и православным учениями о Святой Троице?» Это в три минуты все равно не скажешь, но я дал ответ, один из самых меня самого удививших. Я ему сказал: «В католическом учении Святой Дух – связь любви между Отцом и Сыном, а один плюс один составляют два, а не три. Вот и все мое объяснение разницы между православным и католическим учением».

Потом, когда я уже научился немного и мог читать на английском, то писал доклады на русском языке, мама переводила их, и я их читал с листа. Однажды я прочел такой доклад, и этот же священник, который меня просил приехать сюда, подошел ко мне и сказал: «Отец Антоний, я в жизни ничего более скучного не слышал, чем ваш доклад. Вы должны говорить без записок». Я говорю: «Отец Лев, если я буду говорить без записок, то всякий раз, как я открою рот, стану произносить что-нибудь невозможное, нелепость какую-нибудь». Он сказал: «Именно! Тогда мы сможем от души смеяться».

¹ Содружество (братство) Св. Албания и Прп. Сергия, основанное в 1928 году с целью налаживания диалога между Восточной и Западной Церквями.

вместо того чтобы помирать со скуки». Я ему сказал: «Хорошо, я буду говорить без записок, ответственность перед Богом и людьми – ваша». Вот с чего началась моя работа здесь.

Я первые полтора года ездил по Англии, читал пять докладов в неделю приблизительно и служил по воскресеньям здесь вместе с отцом Владимиром.

Отец Владимир вдруг внезапно скончался, а на безрыбье и рак – рыба, и меня временно назначили на его место, потому что никого другого не было. И вот это временное длится уже пятьдесят с небольшим лет.

– Где вы служили в Лондоне? С чего вы начинали?

– С самого начала, когда эмиграция появилась в Англии, служили на дому у того или иного человека. Был один бывший дипломат, в его доме была большая комната, в которой можно было служить. И вот отец Владимир, о котором я упоминал, там совершал службы. Причем тоже не без анекдота, потому что у этих людей была маленькая собачка, которую они называли Паки. И каждый раз, когда отец Владимир читал ектенью и говорил: «Паки и паки Господу помолимся», – эта собачка начинала лаять, выть и рваться в церковь. Но через некоторое время англичане нам предложили вместе с Зарубежной Церковью делить один храм.

Меня тогда, конечно, не было. А затем, уже довольно много лет прошло, они решили этот храм срыть, продать землю, и тогда нам пришлось опять служить в большой комнате.

Потом англичане снова предложили зарубежникам и нам разделить один храм. Это храм, в котором мы сейчас находимся. От Зарубежной Церкви главным в приходе священником был теперешний владыка Виталий, он наотрез отказался: «С большевиками делить храм мы не станем!» Англичане поставили мне тот же вопрос: «Вы готовы делить храм с Зарубежной Церковью?» Я говорю: «Конечно! Я никогда не допущу, чтобы русские люди, православные люди были бы на улице, когда у нас есть кров». И англичане поступили очень по-английски: они отдали этот храм нам на том основании, что они дают храм тому приходу, который проявил истинно христианское чувство по отношению к другому. Так мы получили этот храм. Нас было тогда сто пятьдесят человек – поколение моей матери и бабушки и несколько молодых. Англичане запросили восемьдесят тысяч фунтов, а у нас и восьмидесяти фунтов не было. Я собрал приход, объяснил все и сказал: «Идите домой, разыщите все, что у вас ценного есть, продавайте, и мы будем покупать этот храм». «А нужно ли?» – спросили меня. Я говорю: «Выбор таков: этот храм сейчас торгует китайский ресторан, который хочет сделать танцуюлку внизу и столики на галереях. Неужели мы отдадим этот храм, где мы молились столько лет, где мы крестили, хоронили, венчали людей?» – «Нет, не отдадим!» – «Тогда идите домой и собирайте деньги». Об этом узнал один журналист и написал статью возмущенную о том, что повсеместно закрываются храмы, а здесь живой приход и у него отнимают храм. И ко мне обратились «Таймс» и «Черч Таймс» с предложением написать призыв. То, что англичане называют арреал о помощи. Я написал, и, знаете, я не предполагал, что у нас есть столько на свете друзей. Люди стали посылать деньги маленькими суммами – два фунта, три фунта, один фунт, иногда десять фунтов приходило, но столько людей посылало деньги, что в конце второго года у нас оказалось 375 000 фунтов, на которые мы чистоганом купили храм и полностью его отремонтировали. «С миру по нитке – голому рубашка». Я хотел бы три случая выделить, которые у меня в сердце лежат.

Первый случай – это рассказ об одном нашем старичке. Этот старик всегда стоял под южной галереей, молился Богу, человек семидесяти лет. Как-то он ко мне подходит, говорит: «Отец Антоний, я вам принес все свои сбережения на храм». Я говорю: «Вы не можете этого делать. У вас никаких средств нет». «У меня старческая пенсия. Как-нибудь проживу». Я говорю: «Почему? Хоть что-нибудь сохраните». «Нет, я не могу этого сделать». Спрашиваю: «А почему вы не можете?» «Знаете, я стоял под галереей, поднял глаза и увидел, как шелушится потолок. И в этом шелушащемся потолке я вдруг узнал свои руки, какими они были в концлагере, когда прогнили от кисти до плеча. Я тогда пошел к

тюремному врачу, он посмотрел и сказал: „Отрубить обе руки!» Я попросил: „Дайте мне три недели. Я буду молиться, а потом отрубите, если нужно». Я молился три недели Божией Матери, и руки исцелились совершенно. И когда я увидел это шелушение потолка, то словно Божия Матерь мне сказала: „Я твои руки исцелила, а что ты сделаешь для Моего храма?» И вот я принес вам все свои сбережения».

Второй случай – это старичок один, который послал мне три фунта с письмом: «Я католик, живу в доме престарелых, вдовец. Вы мне так помогли книгами и передачами по радио, что я хочу чем-то помочь вашему храму. Много дать не могу, поэтому я вам посылаю три фунта, а к ним свое обручальное кольцо. Оно золотое, продайте его на храм». Это кольцо я не продавал, отдал бедным людям, которые не могли купить кольца к своей свадьбе. Вот это еще один случай, который у меня в душе остался.

А третий комичный, но тоже убедительный. Была в Швейцарии старушка, протестантка, которая узнала каким-то образом о нашем храме и, пока у нее были деньги, посылала малюсенькие суммы, а один раз я получаю маленький пакетик, легонький-прелегонький, и в нем письмецо, где говорится: «Я только что потеряла последние зубы, они золотые, я посылаю вам это золото на храм». Это может быть и смешно в каком-то отношении, но у меня осталось в сердце как драгоценный дар. И вот из всего этого мы построили наш храм и отремонтировали.

Вначале большинство икон в храме были бумажные. Потом уже стали появляться писаные. И многие из этих икон для меня очень много значат лично, потому что наши старики умирали и оставляли свои иконы. Я хожу по храму и знаю: эта икона, которой благословляли на брак такого-то старика и такую-то старушку, которые умерли теперь сорок лет тому назад. А эта оттуда, оттуда, оттуда...

Есть одна или две иконы, которые мне особенно дороги. Есть у нас икона Иверской Божией Матери на аналое перед иконостасом. Как-то раз во время службы подходит ко мне сторож (я тогда уже не был здесь сторожем) и говорит: «Отец Антоний, вы убирали эту икону?». «Нет», – отвечаю. «Значит, исчезла». Это значит, что кто-то подошел, перекрестился, икону поцеловал, взял в свои объятия под одеждой и ушел с ней. Я сказал ему: «Не говори пока ничего и никому, положи другую икону Иверской Божией Матери». Он положил другую икону, поменьше, – через две недели и эта ушла. Тогда я обратился к приходу, рассказал о случившемся и просил молиться: «Для того чтобы человек украл икону во время службы, нужно, чтобы у него была или крайняя денежная нужда, или крайняя душевная растерянность, поэтому преследовать его мы не имеем права. Давайте молиться о том, чтобы Господь благословил путь этих икон и они принесли благословение Божией Матери, куда бы они ни были принесены или отданы». И так мы молились в течение нескольких месяцев.

За неделю до Рождества раздается звонок в дверь, я тогда жил в церковном доме. Открываю – стоит человек и говорит: «Отец Антоний, можно исповедоваться?» Я, будто что-то почувствовал, говорю: «Нет. Вы зайдите, потому что я вижу, что вы хотите спрятаться. В чем дело?» – «Я вор, который ваши иконы украл». Я говорю: «Вы хотите получить разрешительную молитву и сохранить иконы – на эту сделку я не пойду, так вы не спасетесь. Вы крали у других людей?» – «Да, крал у своих знакомых». – «Так идите домой, соберите все краденое в чемоданы и ходите по знакомым. В почтовый ящик не кидайте, звоните в дверь, объясняйте, в чем дело, и отдавайте краденое. А если вас спустят с лестницы, подберетесь и скажете: „Так мне и надо» – и пойдете к следующему. Когда вы можете вернуться?» – «Часов в десять вечера».

Полночь прошла, его не было. Я думал: «Неудивительно – струсил». На следующий день около десяти утра появился. Говорю: «Мы же договаривались на вечер». «Да, – говорит, – но у меня столько краденого было, что я только теперь управился, и последнее я вам принес – это ваши иконы». Поэтому, когда теперь я вижу эти иконы, когда я молюсь перед ними, эти иконы для меня означают спасенного

человека, и радость берет и особенная ласка к этим иконам: они спасли живого человека от лютой гибели.

Другая икона у нас есть, святого Никиты Новгородского. Она, можно сказать, позор моей жизни. Я был в Новгороде, и мне подарили бумажную икону святого Никиты. Она мне ничего особенного не говорила, и я положил ее в ящик. Кто-то однажды искал икону этого святого, я обрадовался: «Вот, возьми, мне она не нужна». А потом мне стало стыдно: святой Никита в образе этой бумажной иконы ко мне пришел, а я ему говорю: «Ты мне не нужен, и я тебя отдам кому-нибудь, кто тебя хочет». Я стал молиться ему, просить у него прощения. Прошел год, другой, как-то раз приезжаю в Москву, меня на вокзале встречает владыка Ювеналий и говорит: «Мы сейчас прямо едем на вокзал, потому что завтра праздник Никиты Новгородского. Мы едем в Новгород». Я подумал: «Вот, пришел суд». Мы приехали, я принимал участие в богослужении, сначала приложился к раке, молился ему, объяснил ему все снова, хотя он, наверное, все знал, и тоже принимал участие в службе. И в конце службы владыка Антоний, который сначала был Минский, потом стал Новгородский и Петербургский, вышел из алтаря, выносит икону святого Никиты и говорит: «Мы так рады, что ты у нас послужил, и вот тебе икона святого Никиты с частицей его мошей». Я подумал: «Ну, значит, святой Никита меня простил». Я на эту икону смотрю, и у меня душа радуется, так я ему благодарен за его доброту и ласку. И много еще есть икон, которые, так или иначе, дороги нам.

Рядом с нами икона «Всех святых в земле сей». Я обращался к Патриарху Алексию I (Симанскому) за разрешением совершать службу всем православным святым Великобритании и Ирландии, и он меня благословил на это. Мы составили службу. Один из наших монахов, который теперь умер, – англичанин-валлиец – написал эту икону, и теперь у нас есть этот уникальный образ «Всех святых в земле сей». Мы служим после Троицы «Всем святым», затем «Всем святым, в земле Российской просиявшим» и потом «Всем святым в земле сей». Это за душу трогает меня, радует, и вот почему. Мы попали на Запад беженцами, тогда это еще не называлось эмиграцией, мы были беженцами, мы бежали от смерти, от разрухи всей нашей жизни. И вот когда мы попали за границу, мы встретили Христа по-новому – Он был одним из нас, ниже Его пасть уже невозможно было. Иконы стали иметь для нас особое значение. Это было наше прошлое и настоящее. Но вместе с тем мы пришли в страны, которые когда-то были православными, и могли молиться тем святым, которые всегда были нашими святыми, но просияли в земле чужой. Это очень много для нас значило. Богословски это, может быть, особенно никого не трогает, но, когда мы приходили в какую-нибудь область, где ничего православного не было, и вдруг – здесь мощи православного святого!

В годы войны я некоторое время находился в городе Рен во Франции. Там находятся мощи святого Мелания Ренского, он епископ IV века. Я ходил туда, молился перед этими мощами и говорил ему, может быть, по глупости, по наивности: «Какое счастье – нас двое православных здесь!» Я чувствовал, что я не один. И этот опыт охватил многих и многих из нас. Мы во Франции то же самое стали делать, стали выискивать святых в земле сей, которые были бы святыми вселенскими, нашими.

– Храм Всех Святых не очень похож на православный храм.

– Да, он совершенно не похож на православный, но по наследственности своей он православный. Это копия базилики из Вероны, которая была построена в Италии еще до разделения Церквей. И эта копия была воспроизведена здесь как англиканский храм. Поэтому, приходя сюда, с одной стороны, мы знаем – да, это не русский храм по архитектуре, с другой стороны, он коренится в православной истории Запада. Мы чувствуем, что мы дома и что в каком-то смысле храм благодаря нам вернулся к себе, на родину, в Православную Церковь.

– Вы исполняете в храме много обязанностей. Вы говорили, что вам приходится здесь быть священником, епископом и сторожем.

– Ну, видите, у нас нет средств на то, чтобы содержать сторожа. С другой стороны, мне негде жить, кроме как здесь. Мне дали помещение – бывшую ризницу, прибавили к ней еще комнату, кухню и ванную. И у меня теперь квартирka здесь. Быть настоятелем и жить за тридевять земель невозможно. А так как я живу здесь, то я и настоятель, и совершаю службы, правда, сейчас гораздо реже, чем раньше, потому что у меня сил не хватает.

Вначале совершал двести семнадцать или двести двадцать служб в год. Теперь меня на это не хватает, поэтому я служу гораздо реже. Но у меня помощь есть. А так как я здесь живу, то я и за сторожа, и за цепную собаку, и слежу за тем, чтобы все было в порядке. Воров по возможности не пускаю. Бывает так, что кто-нибудь старается ворваться, но можно его не пустить.

– *Можете рассказать об этом случае?*

– Это было не так давно, лет пять тому назад. Кто-то позвонил в дверь, я открыл. Стоит человек лет тридцати, говорит: «Гони пятьдесят фунтов!» Я ему сказал, что не дам. «А почему не дадите?» – «Потому, что вы явно мошенник или вор». А он говорит: «А я не уйду, пока не дадите». И вставил ногу в дверь. Я на его ножку посмотрел, посмотрел на каблук своей обуви и так крепко наступил на нее. Он взвыл, отскочил почти до дома, что напротив, стоит там и с яростью говорит: «В следующий раз приду, шею вам сверну». Тогда я вышел, запер церковь на ключ, подошел к нему и говорю: «А почему бы вам не сделать это сейчас, пока вы здесь? Только я вас предупреждаю: меня учили драться в армии, я вам все зубы выбью». Он посмотрел, ушел, и больше я его не видел.

Таких нападений у меня не было больше, но иногда, к сожалению, когда бывает много народа, исчезает та или другая икона. Скажем, на Пасху пара икон исчезла, и в других случаях. Но я всегда молюсь о том, чтобы эти иконы направляли вора к добру. Это все, что можно сделать, нельзя же молиться о том, чтобы ему ни дна ни покрывки не было, – нет, ни за что! Никогда не знаешь, почему человек это сделал. С голоду? Или по какой-нибудь нужде? Или потому, что он профессиональный вор. Если он профессиональный вор, то Господь может его к покаянию привести. А преследовать – нет, ни за что!

– *Англия для вас стала своей? Вы приняли ее?*

– Я привык к ней. В сущности, я никакую страну не могу назвать своей. Я полтора года провел в Австрии. Это слишком мало – я был семилеткой. Потом во Франции двадцать семь лет прожил: учился в средней школе, в университете, был врачом, военным врачом и т. д., но французом я так и не стал, несмотря на то, что гражданство у меня французское. Культурно многое меня отделяет от Франции, хотя по-французски я говорю как француз и культура у меня как раз французская, в том смысле, что я свое образование получил во Франции.

Сюда я приехал – мне было тридцать пять лет – без языка. Я прижился, но укорениться в английской культуре не сумел до конца. Я не читал всего корпуса английской художественной литературы, не жил в чисто английской среде. Менталитет английский порой очень не похож на русский, и поэтому я думаю, что я остался русским. Но с другой стороны, мой опыт жизни в России почти нулевой. Я ездил раньше в Россию, но последние десятилетия сил не хватало из-за состояния здоровья. Я приезжал в свою семью, потому что еще были живы две дочери композитора Скрябина со своими семьями. Я разыскал их, когда уже стало безопасно встречаться, и у меня там была своя семья, и, конечно, русская православная среда, с некоторыми людьми – и священниками, и мирянами – завязались очень близкие отношения.

Вся Церковь – своя, чувствует по-русски, и я чувствую по-русски. Язык русский – мой язык. Я помню, первый раз я служил в России, ко мне подошел молодой священник и говорит: «Мы думали, что вы старик, а вы, оказывается совсем молодой», – мне тогда было сорок три года или сорок четыре, – «вы говорите по-русски, как мои дедушка и бабушка, несовременным языком». Было чувство, что я

ископаемое в каком-то смысле, но я этого не стыдился, потому что я люблю русский язык, и люблю классический русский язык, и не хочу его менять ни на что.

Я себя чувствую русским, можно было бы так сказать – дореволюционным русским, ископаемым или даже русским, которых никогда не бывало, кроме как в литературе. Когда я бываю в России, я чувствую, что я дома. Первая встреча с Россией была изумительная.

Меня пригласили приехать в первый раз вскоре после того, как я стал епископом. Мы летели из Англии или из Франции, я сейчас не помню, и первое, что я увидел, было удивительным. Мы летели над тучами, и ничего не было видно, а потом образовался в облаках прорыв, и первое, что я увидел, – это лесок и православная русская церковь. Это была моя первая встреча с Родиной. Ну а потом люди, конечно.

У меня был ужасный анекдот встречи с Патриархом. Он меня пригласил к себе, был август, очень жарко. Я надел рясу торжественную с рукавами: фальшивые рукава, а под нее купальные трусики и пошел в белом клобуке к нему в гости. Мы с ним долго беседовали, и вдруг он говорит: «Знаете что, ваша ряска такая дрянная, что я не хочу вас больше в ней видеть. Я вам принесу свою».

Он пошел, принес мне свою, которая была бы для меня слишком мала. Я повесил ее на руку. «Нет-нет, – говорит, – снимайте сейчас свою рясу и надевайте мою». А на мне-то ничего нет. Я ему говорю: «Ваше Святейшество, да нет, я переоденусь у себя». – «Нет-нет, снимайте. Я ведь тоже мужчина. Я видал мужчин в штанах». Я говорю: «Ваше Святейшество, но без штанов, возможно, не видали?» Он говорит: «Что вы этим хотите сказать?» Я ему объяснил: «Жара, на мне только фальшивые рукава да купальные трусики».

Патриарх строго на меня взглянул и говорит: «А вы разве не знаете, владыка, что монаху не полагается выходить из своей кельи иначе как в рясе?» Я говорю: «Да, Ваше Святейшество, я в рясе вышел из кельи, но Устав ничего не говорит о том, что вы под рясу надеваете».

Но были у нас и глубокие встречи, где мы говорили о Церкви. Ко мне он относился с большой теплотой и лаской.

– С того момента прошла уже половина вашей жизни – сорок три года. Теперь ваша собственная епископская хиротония ровесница того времени.

– Да.

– Были ли светские люди, не церковные, которые повлияли на вас или знакомством с которыми вы гордитесь?

– В России или вообще?

– *И в России, и вообще.*

– В России в то время люди осторожно относились и к церковникам, и к людям из-за границы. Я встречал Дудинцева один раз, встречал сына Пастернака, с которым у меня сохранились отношения до сих пор. Встречал много православных верующих, которые приходили ко мне в гостиницу поговорить о том или о другом. Принимая во внимание то, что тогда это записывалось и ставилось на учет, это было довольно смело и с их стороны.

– *А из богословов?*

– Я посещал Духовную академию, поэтому я со всеми был знаком, но не близко, не лично.

А за границей, конечно, я встречал многих. У меня была очень близкая дружба с Владимиром Николаевичем Лосским. Во-первых, мы принадлежали к одному приходу, во-вторых, мы жили на одной улице, и у нас все общее было. Бердяев ходил к нам в церковь.

Очень близким мне человеком, который сыграл большую роль в моей жизни и в моем понимании вещей, был отец Георгий Флоровский. Он принадлежал, конечно, к более старшему поколению, но почему-то меня полюбил и всегда у меня останавливался, когда бывал в Англии.

Он сыграл замечательную роль в моем рукоположении. Мы были на съезде, а для меня тогда стоял вопрос о рукоположении. Во время лекции он сидел немножко поодаль, я прислал ему записку с просьбой о встрече после лекции и получил от него короткий ответ: «После лекции я сразу уезжаю. Нет, не могу». Ну, на нет и спроса нет. И потом приходит от него вторая записка. Видно было, что он задумался: «О чем разговор?» Я ему написал: «Речь идет о моем рукоположении». И он тут же с лекции встал, меня взял и говорит: «Выходим вместе. Об этом надо говорить!» И он мне рассказал о том, чем оказалось священство в его жизни. Так что у нас глубокая в этом смысле связь была. Я еще в Париже читал его работы, слышал лекции, но тут мы связались очень и очень глубоко и поддерживали отношения до его смерти.

Ну и другие, конечно, были люди. Может быть, менее именитые, но они были верующими и светились своей верой и своим подвигом духовным, не так, чтобы их замечали и хвалили, а сокровенной величиной своей личности.

– Вы встречали отца Александра Меня?

– Да. Близкого знакомства у меня с ним не было, но он приходил однажды ко мне поговорить о своих планах, о своей мечте, о том, что он хочет создать и сделать, и очень поразил меня своей честностью, правдивостью, всей личностью своей, своими взглядами, своей готовностью служить Церкви и людям. После этого я его не встречал, но остался в контакте с ним через людей, которые были его прихожанами, или знакомыми, или друзьями, и я рад, что я с ним познакомился.

От общения с ним у меня осталось светлое, глубокое чувство. Это человек, сделавший ценой своей жизни и смерти дело, которое он, может быть, один и мог тогда сделать, за что его можно уважать. Я читал его книги, которые тоже имеют значение, но его личность больше меня поразила, чем его писания. Эта правда, которая в нем жила.

– Что вы подразумеваете под делом отца Александра Меня?

– Это создание прихода, в котором открытость очень большая. Очень часто в наших приходах есть какая-то ограниченность, о некоторых вещах не говорят, потому что богословски это уже разрешенные вопросы. И что меня поразило в нем – это то, что он оставался до конца православным, до самых глубин, но был готов продумывать Православие, говорить о нем на современном языке, и некоторые вопросы поднимать, которые поднимать необходимо.

Николай Михайлович Зернов в одной из своих ранних книг написал, что все проблемы начались со Вселенских соборов. В такой форме это, конечно, неприемлемо, но здесь важна мысль, причина, почему он это сказал. Он имел в виду, что соборы были созданы волей мирских властителей – императоров константинопольских, с тем чтобы были вынесены формулировки, которые объединили бы всех членов Церкви. И это было сделано, и формулировки найдены, безусловно, верные, но раз они нашли себе выражение, то спора дальше не было. Как отец Георгий Флоровский мне сказал, еретики были осуждены, их учение было отвергнуто, но ответы на поставленные ими вопросы не всегда были найдены. И вот я помню, хотя это было давно, но осталось у меня в памяти, он мне сказал, что в тот момент, когда ариане подымали вопрос о Христе, Церковь решила его, безусловно, правильно, но проблема, которую поднимали ариане, которую они даже сформулировать не могли, – это соотношение Вечности и Времени, Пространства и Бесконечности, – эти вопросы были продуманы и в какой-то значительной мере разрешены только в XIX и XX столетии физиками и математиками. Но тогда ответа, умственного ответа не было. А у Ария был умственный вопрос. Он был не прав в том, как он его решил. Да, Церковь была права, но этот вопрос нам надо заново

продумывать, чтобы он был до конца решен. И так, я думаю, можно говорить о целом ряде других ересей, неправильных пониманий и т. д.

– *Значит, они давали неправильные ответы, но они ставили правильные вопросы?*

– Видите, вопросы иногда встают до того, как вы можете их решить. Я помню, мне советовали: когда появляется у тебя вопрос, ты ищи все ответы, которые в тебе уже созрели, но не складывай их сразу в один окончательный ответ, а собирай их, как камушки для мозаики. По мере того как ты будешь духовно расти и твое богословское образование — увеличиваться, понимание расширится, и появятся другие элементы, которые постепенно составят если не окончательный, то приблизительный ответ. Сразу — не спеши. И то же самое иногда бывает в науке: человек занимается исследованием, он приходит к какому-то заключению. Это заключение он, скажем, называет теорией. Эта теория в тот момент кажется цельной, но ученый должен знать, что, как только у него оформилась теория, ему надо две вещи делать: ставить под вопрос ту логику, на основании которой он эту теорию построил, и искать такие данные, которые противоречат его ответу. Чтобы эта теория, которая представляет собой цельность, могла взорваться и расшириться и охватить еще большие и большие истины.

– Возможно ли объединение христианства, возвращение его к состоянию до разделения? И нужно ли такое объединение?

– Вопрос единения христианства стоит очень остро уже много лет. Было время, когда христиане разных вероисповеданий жили в разных областях, и поэтому у них не было такого чувства, что им непременно надо быть едиными. Но с тех пор, как связи между людьми уплотнились и сознание позора разделенности стало все больше и больше поражать людей, много было положено труда на то, чтобы найти возможность соединения, а для начала — общую почву. Помню, я еще не участвовал в этом процессе, но встречал людей, причастных к нему. Речь тогда шла о том, что мы все верим во Христа, а Он заповедал нам заботу о нуждающихся, о больных, о страждущих, заботу о том, чтобы утихла вражда и ненависть между людьми, и поэтому давайте заниматься вместе этой человеческой стороной жизни.

Много лет тому назад на одном съезде было вынесено решение между Церквями, которые тогда встретились, о том, чтобы делать вместе все, что по совести можно вместе делать. А врозь делать только то, что мы по совести вместе делать не можем. И это правило, мне кажется, очень мудрое, и в значительной мере остается в силе, потому что даже там, где мы не можем воссоединиться в области веры, на богословском уровне, остается возможность быть христианами по жизни. Это очень важно! Потому что люди, которые вместе работают и стараются спасти жизни и помогать людям, проповедовать любовь, а не ненависть, они соединяются на какой-то глубине, до которой разделение церковное не доходит. Сейчас в некоторых областях — в Судане, например, — голод разрушает целое население, и люди всяких вероисповеданий могут там встречаться и помогать.

С другой стороны, в обстоятельствах даже вражды порой бывает возможно работать вместе и чувствовать, что вражда где-то находит предел.

Я сейчас думаю о войне. Я участвовал в этой войне как врач, поэтому самому мне не приходилось чужую кровь проливать. Я работал сначала как младший хирург, к нам приносили раненых людей. Мы никогда не спрашивали, какое ваше вероисповедание, во что вы верите и во что вы не верите. Например, помню одного французского офицера. Он был убежденный католик, я — убежденный православный. Католиком я стать не могу, но этот человек шесть раз оставлял безопасное место и выходил на поле, чтобы вынести оттуда солдат, которые были ранены. Можно ли о таком человеке думать в порядке вероисповедных разделений? Он в этом случае показал себя просто как убежденный верующий ученик Христа, который был готов отдать свою жизнь для того, чтобы спасти жизнь других людей. И когда он к нам попал, он действительно был прострелен в грудь шестью пулями, еле выжил, и я его лечил. Я — православный, он — католик, без всякого чувства, что нас что-то

разделяет. Больше того, если я даже не согласен был с его вероисповеданием, он для меня был христианином такого размера, каким я никогда не был и, может быть, никогда не стану. Потому что он действительно по своему собственному выбору вышел из защищенного угла и шесть раз отдавал свою жизнь. Шесть раз отдавал ее, и то, что ее не каждый раз брали, – это дело другое. Это не его вина, если можно так выразиться, и поэтому есть план, на котором вероисповедные разделения просто забываются.

Я встречал и протестантов, и вот этого католика, и других католиков. Я встречал безбожников, которые были готовы отдать свою жизнь за то, чтобы спасти другую жизнь, а это то, о чем нам говорит Христос: «Возлюби ближнего, как самого себя, возлюби его ценой своей жизни. Как Я вас возлюбил» (см.: Мф. 22: 39). Есть область, есть уровень, на котором забывается, что мы разделены.

Можно и другое сказать, что если думать об обыкновенных людях... И обыкновенные люди – это не только миряне, но и священники, епископы. Сколько раз в течение одного дня твои поступки определяются или зависят от тех или других богословских формулировок? Скажем, сколько раз в день католик поступает так или иначе, потому что он верит в папское первенство? Или потому, что он верит в ту или другую часть католического вероисповедания? Сколько раз православный человек поступает так или иначе (или протестант) на основании каких-то богословских выкладок? Человек поступает, во-первых, по совести, как человек, как универсальный человек, Богом созданная тварь, и, во-вторых, как ученик Христа, постольку, поскольку он вырос в эту меру.

Об этом писал много лет тому назад, в двадцатых годах, митрополит Антоний (Храповицкий), один из самых, если так можно выразиться, радикальных православных богословов. Я чуть не сказал «узких» – это неправда, потому что душа у него была глубокая и широкая, но его богословие было как меч: да или нет, свет или тьма! И я помню, он написал статью, в которой он говорит именно о разделениях. И он говорит, что, по мере того как проходили десятилетия и столетия, люди разделялись по менее важным темам. Например, первые ереси ставили под вопрос вообще христианскую веру. Скажем, если ты не веришь, что Христос – Воплощенный Бог, если ты не веришь, что Он настоящий Человек, – это отрицание самого христианского вероучения. Но по мере того, как годы проходят, люди сохраняют эту основную веру, но расходятся на какие-то, может быть, важные, но не решающие темы. Скажем, я считаю католическое вероучение о папстве совершенно неприемлемым, но вместе с этим я никак не могу сказать, что самый Папа и его ученики не христиане в полном смысле слова.

То же самое я могу сказать и о протестантах. Скажем, я был знаком с Нимёллером, одним из вождей Протестантской Церкви во время гитлеровской Германии. Я встречал очень многих протестантов разного рода. Я очень много работал с англиканами. На какой-то почве нас ничто не разделяет.

И вот тут для меня встает вопрос, который, я думаю, нам надо – и нам с вами, и нашему христианскому миру – углубить. В чем мы расходимся? Мы сейчас говорим только о том, что нас разделяет. О том, что нас соединяет, мы говорим в общих чертах. Нам надо всем так перестроиться, чтобы абсолютным центром нашей веры и жизни был Сам Бог, Христос. Если бы мы могли перестроиться так и сказать, в чем наши представления о Христе, о Боге, о человеке, о Церкви, о жизни, о том или другом не точно, но совпадают, то мы могли бы стать гораздо ближе.

Например, я вспоминаю, была издана беседа между католическим богословом и православным епископом XIV века, кажется. И весь разговор шел так, что католический богослов на основании западной философии доказывал неверность православного учения, а православный епископ из этих источников не мог исходить. Для него не существовала философия, и поэтому у него ответов не было на вопросы, поставленные таким образом, тогда как явно было, что его вера во Христа, в Церковь не как в учреждение, а как в Тайну была полная и совершенная.

Мы часто заблуждаемся, мы очень много говорим о Церкви, и многие люди думают о Церкви как об учреждении. Православная Церковь, Католическая Церковь, Протестантские Церкви – это организационные единицы. А Церковь, в сущности, нечто совершенно иное. Церковь – это место, где человек может оказаться вместе со Святой Троицей. Это место встречи между Богом, в Троице покланяемым, и человеком. Церковь – это что-то непостижимое, и когда мы эту Церковь стараемся определить человеческими масштабами, то мы, конечно, теряем из виду, что в центре Церкви Сам Живой Бог.

Я думаю, что некоторые православные скажут, что я в этом смысле погрешаю против православной веры, но я много лет жил в очень узком богословии. Когда я начал ходить в церковь, меня охватила церковность с такой силой и православное вероучение с такой глубиной меня поразило, что все остальное для меня было неприемлемо. Впервые приехав в Англию в 1947 году, я уже через войну прошел и многое пересмотрел, и все-таки, когда мне поставили здесь вопрос на съезде: «Что вы думаете о католичестве?» – я ответил: «Вы можете быть или христианином, или католиком, но вы не можете быть и христианином, и католиком сразу». Потому что то, что я пережил во Франции от католиков, – то напряженное давление, которое было оказано на нас, на молодежь, католиками, чтобы мы отреклись от Православия и перешли в католичество, – у меня тогда еще оставалось как чувство негодования, непущенной обиды.

Я помню, когда мне еще было лет восемь, мы приехали во Францию, и католики предлагали места в школах. Меня повели на такое свидание, мать пошла со мной, и все было устроено – мне нужно было поступить в очень хорошую католическую школу. Никакого вопроса не было, мы с мамой дошли до входной двери, и в ту минуту священник, который все это устраивал, говорит: «Простите, одну минуту: конечно, если мальчик поступит к нам в школу, он станет католиком». И я помню, как я остановил свою мать и сказал: «Уходим, я не на продажу». У меня никаких церковных убеждений не было, мне было восемь лет, и даже если бы я принадлежал к очень церковной среде, чего не было, то я не был достаточно зрелым для этого, но сам тон такой манеры, что: «Мы его покупаем. Мы ему даем школу, а вы продаете его душу» – для меня был неприемлем, нет! И вот это оставило у меня на много-много лет след, который постепенно начал стусевываться с течением жизни. Я встречал замечательных католических мирян и немирян, встречал представителей других вероисповеданий, и особенно, как я сказал, во время войны и во время моей работы в больнице, когда я еще студентом был. Потому что, когда человек лежит больной, ты его не спрашиваешь, какого он вероисповедания. Ты спрашиваешь: «Что у тебя болит?»

То же самое почти можно сказать об убеждениях людей. Когда они живы, здоровы, полны сил и борются с тобой, они тебе если не враги, то противники. Но когда он при смерти, он тебе не может быть противником, он человек.

Я помню, был такой момент во время войны, когда фронт был совсем рядом с нашим госпиталем и стали привозить раненых прямо с поля боя. Между ними было двое немцев. Кто-то ко мне подошел и говорит: «Вы говорите по-немецки, подойдите, скажите им что-нибудь, потому что они умирают и совершенно одиноки». Я подошел. Один уже совсем умирал, я ему сказал два слова, и он отошел. Я подошел к другому, он был при смерти, но был еще жив. Может быть, вас смутит то, что я сейчас скажу, потому что некоторых это смущало, когда я им рассказывал. Я к нему обратился и сказал то, что я мог ему сказать: «Очень больно? Очень страдаете?» Он на меня открыл умирающий глаз и выговорил: «Я не чувствую своей боли. Мы вас побеждаем» – и умер. Это был человек, который держался убеждений, диаметрально противоположных моим, мы с ним боролись именно идейно. Он был гитлерианец, а мы боролись с нацизмом. Но когда человек жизнь готов отдать за свои убеждения, то ты уже видишь в нем человека, а не убеждение.

Я вам это рассказываю, потому что, я думаю, это очень важно. В моей жизни это сыграло роль. Я рассказывал это раз-другой, и мне на это отвечали: «Ты что, одобряешь нацизм?» Нет, я не одобряю нацизм, я с ним тогда боролся, в армии был, но этот человек всю свою жизнь до смерти включительно отдал идеалу, в который он поверил. И это очень много значит. Я думаю, что, когда он встал перед Богом, его не стали экзаменовать на предмет, нацист он или нет, его стали спрашивать: «Жизнь ты отдавал? Отнимал ли ты у людей жизнь, иначе как в честном бою? Был ли ты мучителем? Был ты из тех, кто пытал людей? Был ли ты обманщик, предатель?» И это те вопросы, которые можно задать любому христианину, который проживет даже не военную жизнь и не трагическую.

И вот мне кажется, что нам надо в нашем веке сейчас сделать усилие, вернуться к истокам, а исток – только Сам Господь Бог.

Когда Русская Православная Церковь была принята во Всемирный Совет Церквей в Дели, кажется, это был 1962 год, я был из представителей Русской Православной Церкви. Нас принимали и ожидали от нас короткой речи. Попросили сказать слово покойного ныне владыку Иоанна (Венланда), который умер митрополитом Ярославским и Ростовским, а до этого жил в Америке, а еще до того, в советский период, был геологом и тайным священником одновременно. И он был замечательный человек. И я помню, как он вышел и сказал: «Мы хотим вас поблагодарить за то, что вы нас как братья принимаете». Я не повторю дословно его слов, но это основа его мысли. «Мы вам не приносим с собою новую веру. Мы вам приносим исконную веру Евангелия, которую мы сохранили и от которой вы отчасти отпали. Принесите из того, что мы вам отдадим, такие плоды, которые мы не сумели, несмотря на нашу неповрежденную веру, принесите». И вот это мне кажется очень важным. Да, мы обладаем в Православии такой чистотой вероучения, такой чистотой веры, которая, я думаю, нужна всему миру. Но мы этим лично, в частности и группировками не живем.

Было время, когда говорили о христианах: «Что это за люди, как они друг друга любят!» Можно ли это сказать сейчас? Я не говорю о христианах вообще, но о православных людях. Нет, нельзя. У нас разделение, у нас вражда, у нас напряжение. А было время – Тертуллиан об этом говорит – так определяли христиан: по тому, как они любят друг друга. И я помню, один писатель английский – Клайв Стейплз Льюис – в одной из своих передач во время войны говорил о том, что разница между верующим христианином и неверующим должна быть так же разительна, как разница между живым человеком и статуей. Статуя может быть прекрасна, но она – камень или дерево, и она мертва. Человек может быть и не прекрасен, но он живой! И когда люди встречают верующего, они должны остановиться и увидеть в нем то, чего они никогда не видали ни в одной из статуй, и сказать: «Господи! Смотрите, статуя стала живой». И мне кажется, что пока о нас, христианах, люди не могут этого говорить, мы еще не созрели для того, чтобы решить наши межхристианские разделения. Нам надо сначала перестать быть изваяниями прекрасными, но окаменелыми. И нам надо ожить, может быть, не совершенными стать, но ожить, чтобы на нас смотрели и говорили: «Эти люди знают Бога любви так, что друг друга любят, несмотря на все свои разделения, и нас умеют любить, несмотря на то, что мы не свои для них. И они готовы жизнь свою отдать, чтобы мы жили».

– Как вы относитесь к тому, что Патриарх и Папа не встречались в течение нескольких веков?

– Думаю, что, пока Папа будет себя считать единственным главой Церкви и будет себя считать наместником Христа, настоящей встречи быть не может. Он должен понять, что он человек среди людей. Он должен понять, что он епископ Западной Церкви, но и только. Говорить о себе как о заместителе Петра, как Папа Павел VI сказал: «Меня зовут Павел, но на самом деле я Петр», – это неприемлемо. Считать, что Папа является заместителем Самого Христа на земле, – нет, неприемлемо. Кроме Христа, никто не может быть главой Церкви.

Я помню, когда приезжал Папа сюда. Я встретил архиепископа Кентерберийского, и он мне говорит: «Вы придете на богослужение?» Я говорю: «Нет». «Почему?» – «Потому что меня не приглашали». Он говорит: «А вы хотите прийти?» Я говорю: «Нет, у меня никакого желания нет идти на похороны англиканского вероисповедания». Он говорит: «Что вы хотите сказать?» – «Папа и вы войдете в собор. Он ваш гость? Он будет идти впереди. Вы будете за ним собачкой бежать. Он займет первое место, и он покажет, что этот собор, который когда-то был католический, стал снова католическим. Что глава Католической Церкви здесь первенствовал». Ну, на самом деле, я был в этом соборе на богослужении, и у меня осталось такое впечатление, что да, Папа пришел и занял первенствующее место. Слава Богу, дальше не пошло, потому что это было бы ложное соединение. Это было бы соединение не по любви, не по единству веры, а по превосходству одной власти над другой.

– Что вы думаете о сегодняшней России и о том, что у нас происходит?

– Россия всегда была многосложная. В каком-то основном отношении Россия была и остается Россией. Неизменно русский дух остается русским духом, русская природа, русская человечность. Но когда Ельцин пришел к власти, меня попросили написать ему письмо. Я ему написал письмо, в котором я говорил: «Вы сейчас взяли бразды правления, знайте, что вы разом ничего сейчас не перемените. Вспомните, что было с еврейским народом после египетского плена. Сорок лет им пришлось блуждать по пустыне, которую можно было бы пройти в течение трех дней. Но они блуждали, потому что надо было, чтобы целое поколение, которое было воспитано рабами, стало свободными людьми. И с Россией должно совершиться то же самое. Я не хочу сказать, что люди в России были рабами, но они были под властью, которая не давала им свободы, не давала творческой свободы, свободы мысли, и поэтому целое поколение должно постепенно освободиться от состояния пленника и стать более свободным. Полную свободу, кроме отдельных личностей, целое поколение получить не может, включая и Вас». Он мне потом написал письмо и благодарил за то, что я ему сказал. Я не знаю, насколько он был рад этому, но я написал то, что чувствовал, – что сейчас Россия на положении еврейского народа после исхода. Должен пройти какой-то долгий срок, в течение которого изжито будет все то, что было пережито. Я не говорю о рабстве, но о свободе мысли, свободе жизни – и не только гражданской свободе. И это займет много времени, потому что это внутренняя перестройка, не внешняя. Вы человеку можете дать свободу действовать, как он хочет, но если он внутри не вырос до свободы, он все равно будет рабом своего прошлого. Это первое, что я хочу сказать.

С другой стороны, Россия всегда была изумительно творческой страной. Она переходила из трагедии в трагедию в течение всей нашей русской истории. И каждый раз из трагедии она выходила с новым опытом, с новой глубиной, с новым живым чувством и с новой творческой силой.

Я помню книгу, которая была написана князем Трубецким об иконописи. Изучая иконопись татарского времени, периода Сергия Радонежского и дальше, он говорил о том, что в иконописи татарского периода, когда весь народ страдал, страдание не сумело найти выражения. Оно нашло себе выражение тогда, когда самый ужас отошел и люди смогли посмотреть на ужас и ужаснуться и пережить страдание, которое предыдущее поколение не смогло пережить, потому что его задача была в том, чтобы живым остаться. Я думаю, что с Россией происходит нечто в этом роде.

То же самое я скажу, что я уже сказал: что России надо, надо укореняться в Боге и не становиться пленником уставов, правил. Нет, я верю в правило, вы не думайте, что я в этом смысле еретик. Я верю в правило, но, когда мне человек говорит, что я все исполнил по правилу, что я вычитываю утренние молитвы, вечерние молитвы, все каноны, готовлюсь к причащению, вычитывая все, пощусь и т. д., я его всегда спрашиваю: «А делая все это, вы когда-нибудь пережили или ощутили или даже искали встречи с Самим Богом?» И мне часто отвечают: «Нет, но мне сказали, что, если я

буду это делать, я буду верным православным христианином». Но это же только начало, и мне кажется, что очень важно людей учить тому, что вот, ты все это выполняешь и учишься из молитв святых, как молиться, учишься тому, как они думали о Боге, как они переживали себя самих в связи с Богом и с окружающим миром. И ты от них научись так, чтобы ты мог тоже своими словами это говорить.

Все наши правила, все наши чины молитвенные – это как раскрытие Небесной красоты. Но мы не можем всю жизнь сидеть и только смотреть на эту красоту и делать вид, что мы часть ее. Мы должны ее впитать и творчески жить. Сейчас в России очень большую роль играет Устав, правила и верность церковным формам, и надо, чтобы и наше духовенство, и миряне научились вычитывать из этих форм, переживать в пределах этих форм то содержание, которое их родило, потому что ни одна молитва не родилась у письменного стола.

Когда царь Давид в пятидесятом псалме говорил о своем покаянии, он не сел у письменного стола, чтобы написать прекрасное покаянное слово, он это написал тогда, когда в ужасе сообразил, что он стал причиной убийства человека, потому что он у него украл жену. И этот пятидесятый псалом вырвался у него, как кровь льется из раненого сердца. Вот так мы должны научиться читать молитвы святых, в той мере, в которой нам доступно понимание, в той мере, в которую мы уже выросли и чуткими стали. Чтобы те слова были бы нашими словами, чтобы рвались из нашей души.

– В России всегда была важна некая национальная идея. До революции одними из таких идей были Православие и Самодержавие. Потом это была идея коммунистическая. Сейчас трагичность ситуации заключается в том, что не существует никакой объединяющей идеи. Как вы думаете, что могло быть сейчас стать национальной идеей для русских?

– Мне очень трудно ответить на этот вопрос, потому что он для меня стоит только теоретически. Но я бы сказал, что объединить сейчас всю Россию вокруг Церкви займет много времени и, может быть, это не то, что соединит всех, потому что Россия состоит не только из православных людей. Россия состоит и из мусульман, и из людей разных вероисповеданий, и из многих людей, которые не имеют веры. Я думаю, что соединить людей может любовь к Родине. Россия – наша Родина, и ради нее мы должны друг друга попробовать понять, попробовать сотрудничать и работать друг с другом и не должны враждовать и бороться. Россия может нас соединить больше, чем что-либо другое.

Я думаю, что монархия, как она понималась до революции, сейчас неосуществима. Я сказал бы даже – нежеланна. Я принадлежу к монархической семье, у меня монархические идеалы и мечты, но я понимаю, что восстановить самодержавие, где один человек должен встречаться со всеми проблемами жизни, и изнутри себя решать их, и решать их не только для себя, но и для других – это немыслимо. Было время, когда это было мыслимо. Мне вспоминаются слова Николая I, которого не очень почитают, но который меня поразил этим своим словом. Он говорит, моя роль (не могу вспомнить сейчас точной цитаты) – это заниматься тем, чтобы жизнь России была стройная и единая для того, чтобы люди могли всецело отдаться духовной жизни. Восстановить такую монархию, о которой мечтал Николай I, или даже такую, которая существовала при Николае II, и даже монархию, о которой думал Александр II, думаю, невозможно. Может быть, можно выдумать новую монархию, но на основании прошлого, я думаю, ее создать нельзя.

Теперь другие формы, скажем, республика. Но все будет зависеть от зрелости правителей и народа. потому что правители, если говорить, например, о парламенте, о Думе, – это люди, которых народ выдвигает. Народ должен быть зрелым, для того чтобы выдвинуть зрелых людей, а правители выдвигаются вот этой Думой, этим парламентом, который должен выдвигать людей ради Родины, а не ради политической партии или политических идеалов.

Я говорю это немного впустую, в том смысле, что у меня нет политического опыта. Я только формальный гражданин, но я никогда не принимал участия ни в политической жизни Франции, ни тем более здесь, и в России, конечно, никакой роли не играю.

– В большей степени интересны не политические решения проблемы, а именно духовные.

– Думаю, нужно так любить Россию, чтобы строить ее вместе с людьми инакомыслящими, но тоже ее любящими, и не как державу, которая может победить весь мир, а как страну, где люди друг друга понимают, уважают, друг друга любят и хотят творить настоящую, глубокую культуру.

– Сейчас в России многим тяжело, низкий уровень жизни, люди живут ниже черты бедности. Что могло бы поддержать их в эту минуту? Существует опасность бессмысленного и беспощадного русского бунта, многие люди дошли до озлобления. Можете вы пожелать им что-то?

– Вы знаете, я воспитывался в бедности, в период, когда у нас храмов не было. Мы снимали какие-то трущобы и из них делали место Боговселения и место, где мы могли встретить Бога, Который снизошел на наш уровень. Мы жили бедно настолько, что, например, в Трехсвятительском подворье, где я вырос уже сознательно под руководством отца Афанасия, но главным образом под руководством молитвы церковной, денег на содержание духовенства не было. Они жили на то, что бедные люди клали в ящик, а ели они только то, что прихожане оставляли в картонке у дверей, что осталось от их собственной еды. Так – несколько лет. И тогда действительно царствовал дух.

Я помню, как-то раз пришел поздно вечером на Трехсвятительское подворье, поднялся в коридор, где были двери в кельи наших священников и монахов, и вижу: владыка Вениамин лежит на каменном полу, закутавшись в монашескую рясу. Я спрашиваю: «Владыка, что вы здесь делаете?» «Да знаешь, – говорит, – моя комната занята». – «А кем же она занята?» – «На моей кровати лежит один нищий, на моем матрасе – другой, на ковре – третий, а мне места там уже не было, и вот я здесь устроился спать».

Такая Церковь может обновить целый народ, и даже неверующих, потому что, когда ты видишь, что человек может так любить своего ближнего, ты совсем иначе смотришь на него и на его убеждения. Меня ранит, что сейчас мы занялись церковным строительством, построением храмов, когда вокруг есть люди, у которых нет жилья. Я предпочел бы, чтобы слишком мало было места для верующих в существующих храмах, но чтобы мы построили хотя бы несколько домов, где люди смогли бы найти приют.

Скажем, в этом я расхожусь, кажется, со всеми, но я с ужасом думаю о восстановлении храма Христа Спасителя, который стоит миллионы, когда их можно было направить на избавление от нищеты. Но опять-таки, я живу не в России, и, может, люди иначе чувствуют, чем я, но у меня болит душа. Я счастлив лишь тем, что мы, священники, здесь живем бедно. Скажем, говоря о себе: мой годовой оклад от епархии 1500 фунтов в год, и, принимая в учет мою старческую пенсию, – у меня 3500 фунтов в год.

В тяжелые времена одна из самых больших опасностей для всякого народа, и для русского народа в частности, заключается в том, что каждый борется за жизнь, заботится о том, как бы ему не погибнуть, как бы своих поддержать. В результате рождается чувство соперничества, противопоставления, желание иметь то, что у другого есть, а у тебя нет. В трудные времена появляется большая опасность, что люди, вместо того чтобы сплотиться и бороться за единство, которое только и может дать конечную победу, начинают не то чтобы враждовать друг с другом, а именно соперничать, не желая составлять одно целое. Это большая реальная опасность для России. Единственное, к чему можно призвать людей, – это к тому, чтобы друг другу помогать всеми силами, потому что, только если друг другу помогать, страна и народ могут окрепнуть и спастись. Бороться

врозь значит разрушать что-то. Ты свое создаешь, чужое разрушаешь, и в конечном итоге единства любви, крепости не получается. И вот в России сейчас это – проблема, потому что материальные условия очень трудные, идеологии единой, которая собирала бы людей, нет, а будущую Россию можно строить только с мыслью о единстве, о том, что мы – дети одной страны, люди, готовые друг другу помочь и всеми силами создать собственную жизнь и через собственную жизнь создать жизнь общую. Идеология в этом смысле не всегда помогает, потому что идеология имеет большую власть тогда, когда тебе не так плохо. Если голодно и холодно, то тебе не до идеологии, а до куска хлеба и до крыши. И вот тут надо бороться за то, чтобы каждый человек каждому человеку был братом и сестрой и помогал, чем только можно. И для этого не нужно богатства, нужно другое: нужна любовь и сострадание. Сострадание у русского человека есть, и любовь есть. Но есть и обратное: есть способность на большую резкость, на соперничество, а еще есть оставшееся от прошлых десятилетий убеждение о необходимости такой власти, которая бы нас всех скрутила, но наплатила бы, скрутила бы, но объединила бы, – но это не выход. Это не выход, потому что рано или поздно этой власти приходит конец. Да, бывают трагические времена, и самый факт такой власти – трагедия. Сейчас Россия на таком переломе, где она должна научиться спасаться всеми силами тем, что один человек спасает другого, поддерживает другого, помогает другому, забывает излишества свои, и это, конечно, относится в значительной мере к Церкви.

Я помню, до войны был пастух в Румынии, который говорил: «Страшные времена приходят. Были времена, когда чаши у нас в Церкви были золотые, а попы деревянные, но придет время, когда попы будут золотые, а чаши станут деревянными». Но хотелось бы, чтобы чаши в России стали деревянными, и чтобы попы стали золотые. Не позолоченные, а именно золотые.

Лондон, 1999 г.

Беседовал В. Васильев

Митрополит Диоклийский Каллистос (Уэр),
профессор, настоятель благовещенского прихода в Оксфорде
(Константинопольская Православная Церковь)

– Дорогой владыка, расскажите немного о себе.

– Я митрополит Каллистос Диоклийский, нареченный митрополит Вселенского Константинопольского Патриархата, а также один из епископов православной епархии Фиатирской и Великобританской. Я не был рожден православным, но был воспитан в англиканской церкви. К Православию я пришел в двадцать три года, а спустя семь лет был рукоположен в диаконы и священники и стал клириком греческой епархии Фиатирской и Константинопольской. Я принял монашеские обеты в монастыре Святого Иоанна Богослова на греческом острове Патмос. В течение тридцати пяти лет, с 1966 до 2000 года, я преподавал Восточное Православие здесь, в университете Оксфорда; также с 1966 года я был в распоряжении греческого прихода Святой Троицы в Оксфорде. После ухода на пенсию из университета десять лет назад я продолжаю жить в Оксфорде. Принимаю участие в различных делах Православной Церкви. Например, я сопредседатель Международной комиссии по отношениям между Англиканской и Православной Церквями, а также член Международной комиссии по отношениям между Католической и Православной Церквями.

– Расскажите о вашей первой встрече с митрополитом Антонием.

– Насколько я помню, в первый раз я с ним встретился в 1955 году, когда слушал его выступления на собраниях Братства Святого Албания и Преподобного Сергия – братства, посвященного связям Востока и Запада. Он, безусловно, был активным членом братства, и мне кажется, что именно это сообщество пригласило его приехать из Парижа в Лондон. В течение многих лет он выступал на их собраниях, и с того времени я видел его довольно часто. Мы встречались также в Оксфорде, поскольку он нередко бывал там и посещал местный приход. Я бывал на литургиях, которые он совершал, а также разговаривал с ним лицом к лицу, в основном в 1970-х годах. С начала 1980-х я видел его не так часто. Я никогда не был членом его духовенства, так как всегда принадлежал к греческой епархии, но мы часто работали вместе.

– Помните ли вы, о чем тогда разговаривали?

– В первый раз, когда я его услышал, темой его проповеди было учение о Святой Троице, но особенно я потрясен был его последующими проповедями на тему смерти – его размышления об этом очень глубоки. Те проповеди, которые я слышал, были позже опубликованы в журнале Братства Святого Албания и Преподобного Сергия. В наших личных разговорах (был период, когда я исповедовался у него) мы обсуждали гораздо больше тем, таких, например, как молитва. Я помню один его совет очень отчетливо – не надо бояться, надо быть самим собой. Не позволяй другим оказывать на тебя влияние, познай себя. Я пересказал это сейчас своими словами, но оригинальный смысл его слов сохранился, и я нахожу это типичным для его учения в целом.

Можем ли мы называть его богословом? Конечно, он не был академическим богословом, он не мыслил систематично, но он был хорошо начитан, притом что не предлагал чересчур сложные объяснения и советы. Его подход был искренно личным, и он подчеркивал, что христианская жизнь состоит из личных встреч. Быть христианином для него значило не только формальное принятие правил – таких как пост и поклоны, он не заострял на них внимание, хотя и не недооценивал. Для него христианская жизнь состояла из встречи человека с Богом, личной встречи со Христом лицом к Лицу, напрямую. Я вижу его в первую очередь как проповедника именно этой идеи – личной встречи с Богом.

Помню, он рассказывал о своем собственном приходе к вере, как, будучи неверующим, подумал: «Так, надо мне узнать что-нибудь о христианстве, возьму-ка я одно из Евангелий». Посмотрев на четыре Евангелия, он увидел, что Евангелие от Марка было короче других, и выбрал его. Он вспоминал, что начал читать Евангелие неверующим, а закончил с чувством, что Христос стоял перед ним. Он имел в виду не видение или чей-то голос, а внутреннее чувство присутствия Христа. С этого момента он стал христианином. Важно, что он сам был убежден не философским аргументом, а чувством живого присутствия Бога.

– Сегодня существует много его книг. Его имя – одно из самых известных в России, и даже в мире, как великого учителя Православия. На ваш взгляд, какие черты его характера были самые сильные и какие слабые?

– Не думаю, что владыка когда-нибудь садился за стол и писал книгу. Наверное, первой и единственной вещью, написанной им, была статья на французском языке на тему психосоматических приемов, используемых в молитве Иисусовой, позже переведенная на английский. Все последующие издания – транскрипции его проповедей, слегка поправленные иными людьми; я не думаю, что владыка сам их поправлял. Его сила заключалась в словах, речах. Он говорил по-английски точно и четко, но, конечно, этот язык не был для него родным, хотя он свободно владел им и эффективно использовал. Слушая его речь, можно было почувствовать силу его христианских устремлений. Он говорил с явной искренностью, и было видно, что каждое слово, произнесенное им, таило в себе глубокий смысл. Он никогда не говорил по бумажке, поэтому не всегда четко придерживался

намеченной темы, но, тем не менее, сила его характера держала все на своих местах. Бывало так, что при чтении его проповедей в книгах мне не был понятен тот или иной аргумент, ибо владыка переходил от одной темы к другой довольно часто без какой-либо видимой связи. Во время проповеди это бывало незаметно, однако обнаруживалось в письменной форме. Исключение составляет, по моему, одна из его малоизвестных книг, названная «Размышления на тему»; однажды я заметил издательству, что эта книга отличается от других. Оказалось, что редактор многое поправил перед изданием книги. Но мне кажется, лучше позволять владыке разговаривать так, как ему хотелось.

Его уникальный дар – умение разговаривать с большим количеством людей так, будто он говорил с каждым лично. Сидящему перед ним казалось, что он говорил именно ему, напрямую, несмотря на то, что в комнате сидело несколько сотен человек. В книге такое передать невозможно. Перечитывая его проповеди, я вспоминаю свои чувства в тот момент. Хотя бывало, что его слова производили на меня не столь сильный эффект, сколь должно, именно потому, что были произнесены, а не написаны, мне не хватало доказательной структуры в его аргументации.

Владыка имел глубоко личный, свойственный только ему взгляд на вещи, который мог быть нетрадиционен. Я знаю нескольких человек, которых это смущало гораздо больше, чем меня. Архиепископ Василий (Кривошеин) часто критиковал книги митрополита Антония, он говорил мне, что никогда не мог прочитать его книги от начала до конца, терял к ним интерес. Конечно, архиепископ Василий был чрезвычайно систематическим человеком, ученым. Подход митрополита Антония был совсем другим. Что меня удивляет – это то, насколько много я помню из его проповедей, сколько мыслей и примеров, которые он приводил, остались в моей памяти. То же самое могу сказать и в отношении наших разговоров. Немалая доля того, что он мне, таким образом, передал, продолжает жить во мне и доныне. Я, например, часто ловлю себя на том, что в своих собственных проповедях и исповедях использую раз за разом те самые мысли, которыми в свое время поделился со мной владыка Антоний.

– Скажите, пожалуйста, несколько слов об окружении владыки, о тех, кто был ему близок, и вообще об известных людях британского и русского общества.

– Мне хочется быть правдивым с вами – между владыкой и мной не всегда были легкие отношения. Да, было время, когда я исповедовался у него, но так близки мы были не всегда. В первые годы жизни в Православии, находясь в Греческой Церкви, во Вселенском Патриархате, у меня был нередкий контакт с Русской Зарубежной Церковью, а в 1950-х и 1960-х годах мнение этой Церкви о владыке было далеко не положительным.

Сильной стороной митрополита Антония я бы назвал умение говорить, прямо обращаясь к сердцу собеседника. Я знаю многих людей, чьи жизни были разломаны на кусочки, а владыка смог собрать их воедино и поставить на свое место. Я также знаю людей, чьи судьбы были творчески преображены им. Вспоминается один конкретный человек, который много лет не вылезал из психиатрических больниц, и вот буквально всего после нескольких проповедей жизнь этого человека изменилась, и в больницах он уже тридцать лет не появлялся. Я оцениваю это качество как сильнейшее во владыке.

Но пожалуй, у всех есть обратная сторона положительных черт. На мой взгляд, ошибка владыки заключалась в том, что он позволял некоторым людям, особенно женщинам, полностью зависеть от него. На мой взгляд, необходимо держать некую дистанцию с духовными чадами. И, находясь в такой близости, владыка мог резко прекратить контакт с человеком, и мне известны несколько случаев, когда это происходило. Об этом честно пишет, например, Джилиан Кроу в своей биографии владыки Антония. На мой взгляд, его ошибки шли рука об руку с его умением менять жизни людей.

Впервые я услышал о владыке от русских жителей здесь, в Оксфорде. В частности, от Николая Зернова и его жены Милицы, которые имели к митрополиту Антонию глубокое уважение, не

поклонялись ему как святому и не возносили его на пьедестал, но уважали. Однако наряду с этим они высказывали и здоровую критику в его адрес, не боясь говорить о предметах, на которые взгляды их не совпадали. Кроме того, и другие русские, которых я знал, были глубоко восхищены им, но это восхищение тоже было не без критики.

Однажды митрополит Антоний сказал: «Если бы я был мертв, то люди бы слушали мои послания, а не становились бы слишком преданны моей персоне». Это показывает, что он сам часто в словах окружающих людей находил лесть, он был ею окружен, что было непросто для него, хотя он ее и не отвергал, – своего рода парадокс. Я помню, еще в 1950-х годах была одна дама в приходе, которая всегда стояла впереди, и всякий раз, когда его имя было упомянуто диаконом в ектенье, она совершала поклон до земли. Он попросил ее встать в задней части церкви. Это выражение крайней преданности несколько стесняло его. Думаю, что именно поэтому он иногда неожиданно отвергал просьбу какого-либо человека, что причиняло тому глубокую боль.

– В 1970-е годы митрополит Антоний отказался ехать в США на постоянное место жительства. Он остался, чтобы укреплять Православие в Великобритании. Он ввел, например, двуязычные службы на церковнославянском и английском языках. Расскажите о его влиянии на Православие в Великобритании.

– Да, это действительно важно, что он, насколько я знаю, никогда не бывал в Соединенных Штатах. Если бы он поехал туда, он мог бы совершать туры, которые привлекали бы тысячи людей. Еще в 1960 году он много проповедовал в разных частях Британии, в основном неправославному слушателю. Если бы он принял решение поехать в Америку, он имел бы гораздо более широкую аудиторию. Насколько я понимаю, это был осознанный выбор, – я уверен, что его приглашали. Это заставляет меня задуматься над еще одним интересным аспектом его жизни. В 1950-х, 1960-х, может быть, и в 1970-х годах он посвящал большую часть своего времени посещению различных групп, возможно, под покровительством Братства Святого Албания и Преподобного Сергия. Однажды он принял участие в одной из миссий, которые мы проводим каждые два или три года в Оксфордском университете. Его беседы оказывали такое влияние на слушателей, что с каждым разом аудитория становилась все больше.

Реакция в Лондоне была обратной. Некоторые люди в его лондонском приходе как раз возмущались этим, чувствуя, что он тратит слишком много времени за пределами своей церкви. Мне говорила одна дама, что на приходском собрании некоторые предложили сократить его зарплату, так как он не проводил достаточно времени с ними. Тогда эта дама встала и с крайним негодованием выступила против, сказав, что они должны гордиться и быть благодарны Богу, что владыка Антоний свидетельствует о Православии за пределами прихода. Тут надо заметить интересный поворотный момент. Я бы сказал, что к концу 1970-х годов (и наверняка, в 1980-х годах) он проводил гораздо меньше времени в других местах, сосредотачивая свои усилия на создании общины в Лондоне и развитии устройства Сурожской епархии. В какой-то момент он, кажется, намеренно повернулся спиной к внешнему миру и сконцентрировал всю свою энергию на заботе о своих непосредственных прихожанах. Он не переставал общаться с внешними группами, но придавал этому меньшее значение.

Я с интересом изучаю опыт митрополита Антония в использовании английского языка в богослужении. Когда я сам пришел к Православию в 1950-х, не существовало ни одного православного прихода в Великобритании, который бы регулярно использовал английский язык в службах. В греческом соборе и греческих приходах в Лондоне все службы совершаются по-гречески. В русском соборе на Эннисмор-Гарденс в то время все было по-славянски. Единственные английские литургии служились под началом Братства Святого Албания и Преподобного Сергия, я присутствовал на этих литургиях, совершаемых священником общины, который подписывался как «Монах Восточной Церкви», а также ходил на службы, совершаемые митрополитом, а точнее, тогда еще отцом Антонием.

Я не помню, когда он начал служить на английском в рамках русского прихода на Эннисмор-Гарденс, но я помню, как он говорил мне, что ему не нравится смешение языков в рамках одной службы. Он предпочитал служить либо полностью по-английски, либо полностью по-славянски.

Митрополит Антоний, правда, признавал, что совершение служб на разных языках таит опасность разделения прихода на англичан и русских вместо одного сообщества, и видел в этом угрозу единству прихода. Была ли эта практика введена митрополитом Антонием? Думаю, что да; и так продолжается при нынешнем епископе Елисее.

Митрополит Антоний был первым, кто поистине привлек внимание широкой британской публики к Православию; через его появление на телевидении и радио, через многочисленные лекции и книги, которые широко распространялись, о Православии узнавало больше людей. Я бы сказал, что он вновь открыл Православие для народа этой страны.

– Мы знаем, что религия не является центром сегодняшней жизни. Как владыка Антоний сочетал свое служение с современным ему обществом?

– Митрополит Антоний представлял собой соединение традиционного и современного. У него были корни в русской традиции церковной жизни, он не был революционером. Но он признал, что в конце XX века, в неправославной стране, какой является Великобритания, Православие не должно пытаться выражать внешнюю пышность и византийское величие. Так что как епископ и священник, как глава епархии, он подавал пример простой жизни. Он жил скромно, когда кто-то звонил, чтобы встретиться с ним, он сам открывал дверь. В приходе не было никаких секретарей или сторожей – только он. Таким образом, он был достаточно прост в личном плане, не подчеркивая внешние привилегии и славу. В свои ранние годы, если прихожане сами не убирали церковь, он брал это дело на себя, просто засучивал рукава и делал. Даже будучи епископом, он сохранял простоту – никогда не имел официального шофера, служебной машины и тому подобного. Он признавал, что епископы, а также все духовенство сегодняшней Церкви должны вести простой образ жизни и не ожидать для себя особых привилегий. Он призывал своих священников глубоко и серьезно осознавать священство и не искать помощи со стороны. Он не хотел, чтобы священники прятались за преимуществом священства, чтобы их жизнь расходилась с их словами. Для него важнее была не внешняя формальность, а внутренний настрой и поведение.

Богослужения на Эннисмор-Гарденс совершались торжественно и чинно, но дабы службы не были монотонными и однообразными, митрополит Антоний приветствовал использование священниками минимальных актерских навыков. Да, богослужения были хорошо организованы, но митрополит Антоний не настаивал на помпезных деталях. Однажды он сказал мне: «Я не против церемоний, если они имеют духовное значение, но я не вижу смысла в зафиксированных формальностях».

– Могли бы вы рассказать нам об отношениях между митрополитом Антонием и старцем Софронием?

– Отношения между митрополитом Антонием и старцем Софронием не были простыми. Митрополит Антоний был в монашеском постриге, но он никогда не жил в монастыре. Мне не доводилось слышать от него критику монастырского общежития, но я не думаю, что он особенно симпатизировал ему, и не слишком беспокоился о развитии монастырей, находящихся в Сурожской епархии. Когда отец Софроний хотел переехать из Франции в Англию, владыка сказал ему: «Мы не нуждаемся в вас в Англии» – и после добавил: «Не ожидайте финансовой поддержки со стороны наших приходов». Думаю, что отец Софроний мог быть обижен этим. Я также знал отца Варнаву, который жил какое-то время в Париже и тоже намеревался приехать в Англию в 1963 году. Митрополит Антоний ответил ему теми же словами: «Мы не нуждаемся в монастырях в Англии». Отец Варнава, тем не менее, приехал в Англию, но он также был задет его ответом. Все это очень

хорошо иллюстрирует мысль митрополита Антония, который считал, что монастыри не были необходимы для развития Православия в Великобритании. Как мы знаем, Предтеченский монастырь отца Софрония покинул юрисдикцию митрополита Антония и ушел под Вселенский Патриархат в 1964 году. Я подозреваю, что существовала определенная личная несовместимость между митрополитом Антонием и отцом Софронием, отчасти из-за отношения владыки к монастырям. Конечно, митрополит Антоний был расстроен уходом монастыря отца Софрония, и эта ситуация поставила его в очень неловкое положение перед Священным Синодом Московского Патриархата. Ему сказали: «Монастырь отца Софрония являлся единственным действующим монастырем в Западной Европе, и вы его потеряли». К счастью, позже митрополит Антоний и отец Софроний помирились. Отец Варнава также оставил Сурожскую епархию и ушел в греческую архиепископию, чувствуя, что митрополит Антоний был равнодушен к работе, которую тот был намерен начать в Англии.

Случилось также, что митрополит Антоний потерял небольшой женский монастырь в Центральной Англии: те также присоединились к греческой архиепископии. Проблема, возможно, была в том, что митрополит Антоний никогда не посещал их, и они чувствовали, что не получали пастырского попечения, на которое надеялись.

– Митрополит Антоний признавался, что был страстным русским патриотом и это было его главным личным грехом. Каково было его мнение о Московском Патриархате в коммунистический период?

– Да, это правда, митрополит Антоний был глубоко русским, и он ценил свои связи с русской культурой. На фоне его миссионерской работы, с любовью обращенной к западному человеку, не всем это было ясно видно, но он был поистине русским. Это можно проиллюстрировать рассказом об одной его встрече со своим духовенством в Оксфорде, на которой я присутствовал. Он тогда говорил достаточно долго и крайне интересно о недавнем своем визите в Россию, о том, что он видел там, о будущем христианства в России, и один из его священников, который сам был русских корней, сказал: «Но, владыко, мы не живем в России. Мы собрались здесь, чтобы обсудить пастырскую работу нашей Церкви, в Англии. Почему вы всегда говорите с нами о России?» Митрополит Антоний был несколько смущен этим.

Знаю, что владыка был монархистом и хранил идеалы христианской монархии. Я очень хорошо помню, как он служил особую панихиду в 1958 году на сорокалетие со дня смерти царской семьи. Митрополит Антоний с уважением и почтением относился к царскому двору. Он не любил распространяться на эту тему, старался держать это при себе, но, так как знал, что и я был монархистом, однажды он говорил мне об этом.

По убеждению он всегда принадлежал к Московскому Патриархату. Будучи воспитанным в Московской Патриархии, он был прихожанином одного очень маленького московского прихода в Париже и всегда твердо и ясно понимал, под чьей юрисдикцией он находится.

Мне кажется, что митрополит Антоний никогда не брал деньги у Патриархии, в отличие от других заграничных приходов, которые принимали средства для финансирования своей деятельности.

Однажды он сказал: «Я не приму в Сурожскую епархию священника, который является советским гражданином». Он был глубоко русским, при этом преданным Московской Патриархии. Однако когда Солженицын уехал из России и появилось письмо в газете «Таймс», подписанное заместителем Патриарха, митрополитом Серафимом, в котором говорилось, что они не рассматривают Солженицына как верного члена Русской Церкви, то через несколько дней появилось ответное письмо митрополита Антония. Владыка выражал глубокое несогласие с митрополитом Серафимом, полагая, что его мнение крайне ошибочно, и, наоборот, оказывал поддержку Солженицыну как патриоту и

верному члену Русской Церкви. Но это лишь показывает, что он продолжал быть твердым как в своей преданности Московскому Патриархату, так и в своей независимости от советской власти.

В связи с этим я хотел бы вспомнить его слова, которые он однажды сказал мне о Зарубежной Церкви: «Я их уважаю, хотя думаю, что они не правы, но они были стойкими в своей позиции». Он говорил, что не мог уважать другие юрисдикции таким же образом, например, приход в Париже под Вселенским Патриархатом или православный приход в Америке, несмотря на то, что они были лояльными к Московскому Патриархату. Всем им он предпочитал Зарубежную Церковь. Его слова кажутся интересными и в очередной раз показывают, что митрополит Антоний, несмотря на все его личное обаяние, имел определенную твердость, жесткость и даже жестокость в характере.

– После смерти Патриарха Пимена митрополит Антоний был одним из возможных его преемников. Если бы он был выбран, каким Патриархом, на ваш взгляд, был бы он?

– Митрополит Антоний, конечно, не был одаренным администратором, он нередко совершал организационные ошибки. Его сила заключалась в его личной встрече с человеком. Не думаю, что он столь же хорошо работал с группами людей, хотя он и формировал различные собрания и комитеты. Я не знаю, насколько быстро и верно он разбирался в людях, но, конечно, если бы он стал Патриархом, его бы очень уважали, ведь его проповеди и книги были хорошо известны в России. Благодаря своему характеру, он был бы хорошим лидером и руководителем. Мне кажется только, что он перестал бы быть самим собой, так как Патриарх мало общается лицом к лицу с людьми, а именно это было сильной стороной владыки Антония.

– Дорогой владыка, возможно, у вас есть молитва, которая каким-то образом у вас лично соотносится с митрополитом Антонием?

– Да, я хочу прочитать молитву святого Филарета, митрополита Московского, – молитву, которую я часто читаю сам и которая отражает, на мой взгляд, дух пастырства митрополита Антония.

Господи! Не знаю, что мне просить у Тебя. Ты Един ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче! Дажь рабу Твоему чего сам я просить не смею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения: только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе отверзто; Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею Святою Волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Предаюсь Тебе. Нет у меня другого желания, кроме желания исполнить Волю Твою. Научи меня молиться! Сам во мне молись. Аминь.

Январь 2012 г.

Беседовал Е. Тугаринов

**Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк (Ардт),
первый заместитель председателя Архиерейского Синода РПЦЗ**

– Владыка Марк, мы с вами встретились, чтобы поговорить о митрополите Антонии, вашем собрате-архипастыре, главе Русской Православной Церкви в Великобритании в течение нескольких десятков лет. Каково было и есть ваше отношение к нему? Как и когда вы познакомились? Как складывалось ваше общение с ним?

– Когда я принял английскую епархию вместе с германской, я в какой-то момент решил, что все-таки нельзя быть на кафедре рядом с другим архиереем и не знать друг друга. Согласитесь, странно быть хорошо знакомым с греческим архиереем в Лондоне, а с русским – нет. И я попросил владыку назначить встречу.

Он меня принял у себя, принял очень скромно. Думаю, что он всех так принимал. Он появился как послушник – в простом подряснике, без панагии. Сначала он мне показал храм, потом мы посидели в библиотеке и поговорили, чтобы просто познакомиться. Мы говорили с владыкой Антонием об общих делах. Я думаю, что понятно было с обеих сторон, что мы не хотели поднимать никакие серьезные вопросы, а просто хотели лично познакомиться. Владыка Антоний мне очень помог в этом, он не касался никаких тем, которые могли бы оказаться для нас конфликтными. После этого знакомства наши встречи стали более или менее регулярными, думаю, что мы встречались с ним приблизительно раз в году.

Уже начиная со следующей встречи мы поговорили о беспокоящих меня вопросах, потому что я считал невозможным для себя общаться с человеком, зная, что существуют какие-то вещи, которые меня смущают в его практике. Тогда я прямо обратил его внимание на эти вопросы, попросив заранее прощения. Сказал, что не хочу его огорчать ничем, но просто хотелось бы понять, что происходит в другом приходе, чтобы он мне сам объяснил, а не чтобы я слышал это через третьих лиц, потому что такая информация всегда может быть неправильной или с уклоном каким-то, который будет неправильно воспринят.

И мы очень свободно и непринужденно говорили обо всем этом. Владыка мне объяснял свою позицию в этих делах. Я понял, почему он так поступает. Конечно, я видел, что владыка в очень и очень большой мере исходил из чисто миссионерских побуждений и целей. Миссионерство он всегда считал своей первой задачей в Англии, он хорошо понимал, что русская эмиграция будет постепенно вымирать и что после этого можно будет опираться только на английскую часть прихода.

В нашей Церкви мы смотрели иначе. Мы также ожидали, что большая часть русской эмиграции будет вымирать, это естественный процесс. Но все-таки наша позиция была противоположной. Скажем, у нас останется костяк, который будет обрастать новыми людьми естественным образом.

Его позиция была такой: есть английское окружение, из него надо черпать новые кадры и строить уже на этом иноязычном и национальном фоне. Я понимал его позицию, видел то, как он это воплощал и фактически всю свою архиерейскую жизнь на этом строил – на развитии английского Православия. Я думаю, что именно это потом привело к тем трудностям, которые переживал его приход уже после ухода владыки.

Было несколько моментов, когда отношения между Московским Патриархатом и Зарубежной Церковью крайне осложнялись, обострялись. Это началось в 1997 году, когда у нас отобрали наш монастырь в Хевроне. Должен сказать, что владыка Антоний меня поддерживал в моих переживаниях. Это мне помогло сильно, хотя сначала было какое-то отторжение, отчуждение, потому что эти вопросы меня лично касались очень сильно. Его позиция была крайне ясная, однозначная, он таких действий не мог ни одобрять, ни принимать. Я нашел в нем человека, который действительно не только понимал, но и поддерживал меня морально.

У меня состоялась еще в 1997 году (или позже) поездка в Россию. Меня пригласили на научную конференцию в Твери. Мне показалось, что это хорошая возможность встречи с Патриархом. Поскольку времени было очень мало, я никому об этом особенно не говорил, тем более было непонятно, состоится ли такая встреча или нет. Я попросил владыку обратиться к Святейшему с этим вопросом, и благодаря ему встреча состоялась.

Владыка Антоний знал и поддерживал мои стремления к тому, чтобы проложить дорогу к восстановлению единства. Одновременно он сам понимал, что в России, несмотря на внешние перемены, многое еще нуждается в изменении, и даже меня предупреждал о некоторых трудностях, которые могут возникнуть, т. е. он ни в коем случае не старался скрывать что-либо от меня. В этом я ему очень благодарен. Совершенно открытый человек, он абсолютно откровенно говорил со мной обо всем.

Я, конечно, чувствовал в нем какую-то боль. Он предвидел, что у него нет настоящего наследника. Он понимал, что наследник должен быть двуязычный, а такого он не мог найти. У меня было такое чувство, хотя, как я уже говорил, я его видел редко, с большими временными промежутками, но чувствовал, что он очень сильно переживал этот момент в последние месяцы своей жизни.

Я не помню точно, когда состоялась последняя наша встреча перед его кончиной, но она была незадолго до нее. Во всем этом процессе, который привел к единству нашей Церкви, мы с ним совершенно совпадали. Для него было большой радостью, что это может случиться. Любой церковно-активный человек, думаю, в течение всех десятилетий нашего разделения всегда чувствовал эту рану, всегда надеялся на ее излечение. Но как это будет происходить, никто фактически себе не представлял. В моих мыслях, как я сказал уже, владыка Антоний меня очень сильно укреплял и поддерживал.

Где у меня были с ним не то чтобы разногласия, просто я придерживаюсь другой практики, — это в отношении исповеди. Я слышал, что владыка практикует так называемую общую исповедь, и прямо его об этом спросил. Он объяснил мне, что это происходит после тщательного длительного разговора с людьми, на который уходит фактически целый день. Его объяснение вполне меня убедило в том, что есть моменты, где определенный священнослужитель волен так поступать, но это дело не для всех. Это возможно для священников с большим опытом, большим духовным внутренним развитием, поэтому я бы никому не советовал так поступать, но в данном случае я его лично понимал и принимал его позицию. Сам я это не практикую, ибо считаю, что нахожусь не на столь высоком духовном уровне, чтобы это делать правильно. Но почему он это делал, я понимаю.

Комментарий. При жизни владыки Антония мне только один раз удалось побывать на подобной общей исповеди в соборе. Это было Великим постом 2002 года. Владыка называл такие субботние встречи говением, и предназначались они в основном для прихожан лондонского собора. Но в них принимали участие люди и из других приходов Сурожской епархии. Такие говения происходили в течение многих лет и стали традицией.

Обычно это происходило так. Утром в субботу владыка начинал беседу на тему, которая была созвучна посту, например, объяснение молитвы Ефрема Сирина, разговор о покаянии, жертвенности, любви и т. д. Такой разговор занимал около двух часов. Потом шла небольшая трапеза, и беседа продолжалась вновь. После нее владыка отвечал на какие-то вопросы со стороны присутствующих, и далее наступал особый момент-он предлагал всем погрузиться в молчание. Наступала тишина. Люди, которые давно посещали эти говения, знали, что владыка отводил этой части встречи примерно двадцать-тридцать минут. Кому-то эти полчаса казались непривычно тягостными, долгими, люди начинали ерзать на стульях, смотреть на часы, пытались общаться с соседями, кто-то вставал и куда-то уходил. Владыка шутиливо говорил по этому поводу:

— На самом деле совсем нетрудно увидеть, кто молчит, а кто нет. Даже если кто-то в это время ничего не говорит, мне понятно, что некоторые совсем не умеют уйти в себя и молчать. (От составителя.)

Есть какие-то вещи, которые один человек может делать, а другой нет. Что-то особенное не поддается общему подражанию. Недаром в Русской Церкви возникло такое выражение, как «кронштадтец». Святой Иоанн Кронштадтский мог делать какие-то вещи, которые никто другой не может. Тут не надо подражать, считать это образцом. Господь дает особые дары тому или иному человеку.

Безусловно, у владыки Антония была особая харизма, и то множество англичан, которых он привел в Православие, говорит именно об этой харизме. Другой вопрос, удержатся ли эти люди, смогут ли они существовать при другом священноначалии, при другом руководстве уже после владыки? Но это вопрос не о его личном подвиге, а о качестве этих людей.

– *Что еще вы обсуждали с митрополитом Антонием?*

– Кроме вопросов исповеди, треб мы с ним обсуждали вопрос, как он видит возможность объединения Русской Церкви. Ни у кого не было готового рецепта. Как я говорил, многие мечтали, чтобы это когда-то случилось, но никто не знал, как подойти к этому. Что делать и как делать? Вот с этим вопросом я обращался к нему, потому что он имел опыт жизни на Западе и в то же время участвовал в архиерейских соборах в России. Он знал настроения тут и там, мог оценить ситуацию с другой колокольни.

– *Те пути, которые видел митрополит Антоний, совпали с реальными путями, которыми Церковь пришла к объединению?*

– Мы в Германии устроили собеседование между двумя епархиями – русской и зарубежной. На каком-то съезде мы встретились с владыкой Феофаном, когда он был назначен в Германию, где мы решили вместе проводить такие семинары. Раз в году мы встречались и обсуждали многие спорные вопросы. Я должен сказать, что митрополит Антоний был согласен с моим подходом, что через такие беседы и встречи мы должны узнавать друг друга, знакомиться с позициями друг друга.

Исходя из своего опыта, он критически относился к тому, чтобы приглашать служить священников из России. По его наблюдениям, русский священник, тем более если он недостаточно знает местный язык, не может правильно ориентироваться и очень многое делает таким образом, что это здесь вызывает проблемы, конфликты. Тут нужна своя школа. Я потом сам пришел к заключению, что надо воспитывать свои кадры. Нельзя полагаться на то, что есть возможность черпать ресурс из России. Владыка Антоний полностью сочувствовал такому подходу.

– *Факт объединения вызвал как положительную реакцию, так и отрицательную. Как вы думаете, время уже залечило эти раны?*

– Самые тяжкие раны – это раскольники, которые отошли именно на этом пункте. У меня в Англии было два монастыря, немногочисленные, но все-таки два монастыря. Они ушли в раскол, как и некоторые приходы во Франции и отдельные личности. Это, вероятно, неизлечимо, разве что Господь совершит невиданное по человеческим меркам событие. Пока это не поддается никакому излечению.

В истории Церкви фактически нет подобного случая, чтобы две части Церкви после столь длительного разделения опять воссоединились. Почти нет. Но примеров отделений – уйма. Человеческая гордыня приводит к этому, неприятие воли Божией, настаивание на своей воле.

В отношении владыки Антония надо сказать, что его видение единства Церкви проявлялось задолго до самого объединения. Манчестерский приход, который отошел от меня без благословения, подчинялся владыке Антонию, но он поручил владыке Анатолию, который там служил все эти годы, всегда почитать меня. Это именно показывает, что он не видел границ разделения и всегда считал, что мы в одной Церкви.

– *Была ли у вас с владыкой особенно запомнившаяся встреча?*

– Я думаю, что у каждой встречи было свое лицо, свои особенности. Был один момент, который как раз свидетельствует о стремлении владыки к соборности.

Меня к нему обычно привозил отец Вадим. Владыка принял его тоже очень тепло с самого начала. Однажды он меня пригласил, когда у него были собораны владыка Василий, владыка Анатолий, по-моему, несколько священников. Был какой-то очень серьезный разговор, и он меня просто попросил участвовать в нем. Я понял, что для него границ нет. Я себя спрашивал, поступил бы я так? Я думаю, что, скорее всего, нет. Владыка Антоний действительно не видел преград. Я даже не помню, о чем мы рассуждали. Мне кажется, что уже назревали какие-то трудности, которые потом привели к разделению его прихода, но мы просто находились в полном единстве.

– В нашей епархии обсуждалась тема создания Западно-Европейской митрополии. Было ли это движение преддверием объединения?

– Мы обсуждали этот вопрос с владыкой. Эта идея потом выразилась в одном обращении, которое написал Патриарх Алексий, когда он планировал создать такой митрополичий округ и предлагал владыку Антония как его главу. Но это было очень незадолго до кончины владыки. В частности, мы надеялись привлечь те приходы во Франции, которые подчиняются Константинополю, но были основаны русскими эмигрантами и имеют те же корни, что и мы все. В свое время они предпочли подчиняться Вселенскому Патриархату, потом несколько раз меняли свою принадлежность. Все это большое несчастье, и, к сожалению, до сих пор не преодолено. Мы пока не можем разрешить этот вопрос.

– Как вы можете оценить влияние митрополита Антония на христианскую жизнь на Западе и в России?

– На Западе он, безусловно, был глашатаем Православия. Он для многих представлял не только лицо Русской Церкви, но вообще Православия. Особенно в Англии, но и в православных кругах Европы его глубоко почитали. Его проповеди и беседы были очень востребованны, и многим служили духовной пищей.

Среди русской эмиграции, точно так же, как в самой России, его личность имела полярные оценки: были те, которые горячо приветствовали его самого, его слова, его деятельность, и другие, которые были довольно резко настроены против. Это я наблюдаю в России и теперь.

На Западе, в Европе во всяком случае, его приветствовали в основном люди, которые были каким-то образом связаны с Сергиевским подворьем в Париже своим воспитанием, своим внутренним расположением. В России, я думаю, более резкая критика исходит от монашествующих, а большая приверженность в среде мирян и белого духовенства.

Успение 2011 г.

Беседовал Е. Тугаринов

Протоиерей Иоанн Ли

священник с начала 1960-х годов, настоятель настоятель

Успенского прихода церкви Святого Апостола Андрея в Холборне (Лондон)

– Я отец Иоанн Ли, родился в Америке и приехал в Англию сорок лет назад. Поначалу я не намеревался оставаться здесь, но так случилось, что моя жена захотела остаться, потом здесь родились наши дети. Так я остался в Англии.

Моя бабушка по линии матери была из Восточной Европы, из Австро-Венгрии. Время от времени она ходила в православную церковь. Хотела ли она быть присоединенной к ней, мне неизвестно. Так или иначе, я увидел православную литургию, будучи ребенком. В то же время воспитывался я в лоне римско-католической веры. Сначала я ходил в католическую школу, а затем в институт, чтобы стать католическим священником. Я окончил пятилетний курс и в тот момент решил жениться, т. е. создать семью, что, разумеется, допускалось.

Я женился на православной девушке, приехал в Англию, как думал тогда, на два года, но остался навсегда. Моя жена была православная сирийка и хотела, чтобы я вместе с ней ходил в

сирийскую церковь, и я ходил, правда, мало вдался в подробности того, что видел там, потому что уже начал посещать русскую церковь.

К тому времени Католическая Церковь внесла очень большие изменения в свою службу, она стала походить на светское мероприятие, а не на богослужение. Поэтому мы с женой решили, что, поскольку она православная, я тоже должен стать православным и мы будем ходить в русскую церковь, так как атмосфера в ней нам нравилась. Там было тихо, мирно. Там молились.

Митрополита Антония я встретил очень странным образом. Обычно я брал своих детей побегать в парке, который находился почти напротив собора. В тот день мы с сыном расположились на скамейке. Рядом с нами сел человек зрелых лет и спросил с русским акцентом: «Могу я сесть рядом?» Мы разговорились, и казалось, что разговор наш его сильно заинтересовал. Он сказал: «Почему бы вам не прийти ко мне?» Я спросил: «А где это?» Он ответил: «Это совсем рядом, почти за углом, в соборе». – «Да, пожалуй, мне бы хотелось. Когда мне прийти?» Тогда он сказал: «Приходите, если можете, в пятницу утром».

Вот так я познакомился с ним.

Я стал ходить к нему и видел, что он интересуется моей жизнью. Он задавал мне много вопросов, в том числе почему я не стал священником? Однажды, когда я уходил из собора, он пошел со мной и прямо спросил: «Вы не ответили на мой вопрос о священстве». Я сказал: «Я думаю, что не было воли Божией». Он остановился, положил мне руки на плечи и, глядя мне в глаза, сказал: «Я думаю, Бог поменял Свое мнение».

С этого момента я стал ходить к нему каждую пятницу утром в течение года до того момента, когда он предложил мне рукополагаться. Самое интересное, что он не отменил ни одной нашей встречи, и мы виделись буквально каждую пятницу. Вот так это началось...

Поначалу наши встречи были очень формальные, он был архиепископом, потом митрополитом, я был никто. Но почему-то постепенно мы сближались, и я думаю, это происходило отчасти потому, что я не боялся его. И действительно, годы спустя он, шутя, удивлялся: «Я не понимаю, как мы до сих пор остаемся друзьями?»

Не знаю, но это сохранялось до последних дней, и я был с ним, когда он болел, заботился о нем в последний год его жизни и был с ним, когда он умер. Это все, что я могу сказать о начале наших отношений.

Владыка Антоний умел, как вы знаете, всегда так строить общение с людьми, что каждый человек чувствовал по отношению к себе его искренний, неподдельный интерес. И я убежден, что так было на самом деле. Он действительно интересовался каждым конкретным человеком. В этом не было игры, это была правда.

Под конец его жизни мне приходилось видеться с ним каждый день, возить его на необходимые встречи с врачами, на процедуры. И так продолжалось до самого его ухода.

Но когда он еще был довольно молодой, он нередко навещал своих друзей. К нам сюда, в этот дом, владыка обычно приезжал на Рождество. Он любил праздновать с нами этот праздник. Я думаю, что не меньше, чем сам праздник, его привлекала возможность пообщаться с детьми. Он играл с ними, как родной дедушка, садился на пол, и ему это нравилось, и как-то шло ему, во всяком случае ничуть не принижало. Дети залезали ему на спину, возились, такая у них была игра. И мы никогда не видели в нем епископа, если вы понимаете, что я имею в виду. Он приезжал сюда, играл и вел себя как их дедушка, а не как епископ. При этом я всегда обращался к нему – владыка, а дети – епископ Антоний.

Конечно, мы с ним общались только по-английски. Как я уже говорил, у него был русский акцент, который не исчез в продолжение тех тридцати лет, которые я его знал. К тому времени, когда

мы познакомились, он уже хорошо владел английским языком и говорил свободно. Его речь была правильная с точки зрения грамматики, словаря, но русский акцент не менялся. Кроме этого, он любил разговаривать на немецком и французском языках, на которых говорил с детства. Не знаю почему, но он частенько спрашивал меня, как будет то или другое слово по-венгерски. Наверное, потому что моя мать была оттуда. Он вообще многим интересовался, и, когда он приходил к нам в дом, он благословлял нас как архиерей, но после этого епископ в нем исчезал и он становился просто членом семьи. Дети его очень любили. Мы с женой старались учить их уважать сан владыки, относиться к нему как к епископу, просить его благословения и т. д., но он практически не принимал этого, а предпочитал бегать, сидеть на полу, дарить им подарки и играть с ними.

Владыка Антоний любил смеяться и всегда принимал то, что было смешно. Я думаю, что наши отношения поменялись после того, как он понял, что я не боюсь его. Как-то раз я хотел спросить его совета, что мне взять в аптеке, была какая-то проблема. Под вечер я пришел к нему. Он открыл дверь, и я понял, что у него болит голова. Я начал объяснять причину моего появления, но он неожиданно захлопнул дверь. Я стал стучать в дверь, желая сказать, что еще не закончил и мне есть что сказать. Мне показалось это грубым с его стороны. Я никогда не занимал его время сверх меры и не был человеком, который любит поболтать, и думаю, что особо не задерживал его по пустякам. Когда он все-таки снова открыл дверь, я ему так и сказал, что я еще не закончил говорить, но увидел его глаза, сияющие и озорные, он засмеялся и сказал: «Проходи и закончи». Тогда я зашел внутрь, и все дело заняло несколько минут.

Мой опыт общения с владыкой Антонием говорит, что самые лучшие отношения возникали, если ты не боролся с ним, а вел себя естественно.

Уже под конец его жизни я приходил к нему каждый вечер, после операции оставался с ним на ночь в его комнате. Я чувствовал, что мы стали очень близкими друзьями. Владыка знал, что у него рак. Поначалу он думал, что просто годы принесли ему мужскую болезнь старости, но моя жена – медсестра сказала мне, что те симптомы, которые имел владыка, указывали на что-то другое. И он пошел в один частный госпиталь, который я не хочу называть, потому что он оказался ужасным. Лечение в нем требовало очень больших средств, при этом там были допущены серьезные ошибки в отношении владыки. Он доверил мне заключать договора, подписывать бумаги, и я смело действовал от его имени. Владыке назначали определенное лечение или рекомендовали операцию, и я, просматривая направления врачей, видел, что он не может следовать этим предписаниям. Я говорил докторам, что у него есть определенные ограничения по состоянию, по показателям и ему нельзя назначать это лечение или операцию. И это был очень дорогой лондонский госпиталь, что было особенно плохо и совершенно непостижимо. Придя однажды к нему, я застал его ходящим по коридору и сказал: «Владыка, находиться здесь больше не следует. Государственный госпиталь гораздо лучше, давайте перейдем туда, и это не будет стоить вам ни пени. Разрешите мне все устроить». И он ответил: «Да, разрешаю. Все, что ты делал до сих пор, было хорошо, поступай, как считаешь нужным».

И мы перевели его в Чаринг-Кросский госпиталь, где его лечили несравненно лучше и бесплатно.

Владыка умер 4 августа, и вы, наверное, слышали о сне, в котором он видел свою бабушку? История такая. Мы с ним приехали в тот частный госпиталь на осмотр. Я его ждал, и, когда он вышел оттуда, я спросил, что ему сказали. Он ответил: «Понимаешь, они сказали, что у меня есть неплохой шанс, что опухоль надо удалить, что можно остановить процесс и т. д.». Я обрадовался: «О, это хорошие новости, я рад это слышать». Но он сказал: «Они ошибаются». И тогда я спросил: «Как ты можешь знать, что они ошибаются? Ты уже более пятидесяти лет назад оставил врачебную практику». Я говорил примерно в таком духе. Он сказал: «Потому что прошлую ночь я видел сон. Мне приснилась

моя бабушка, у которой в руках был календарь. Страницы календаря перелистывались месяц за месяцем, все медленнее и медленнее, пока не остановились на 4 августа». И он сказал со всей определенностью, как говорил всегда, когда был уверен: «Я умру 4 августа».

Так и случилось. Я вообще редко спорил с ним, и в этом случае я тоже ничего не возразил ему, потому что подумал, что это, скорее всего, правда, во всяком случае я не удивился бы, если бы это оказалось правдой.

Владыку многие при жизни называли святым. С одной стороны, он был им, с другой – не был. Объяснить это трудно. Я не знаю такого человека, кто бы сказал, что митрополит Антоний не встретил Бога. Он Бога встретил. И у него были с Богом, со Христом свои личные отношения. Никто не в силах опровергнуть этого. В то же время он, подобно всем людям, имел свои недостатки. Если кто-то лгал или в каком-то смысле предавал его, то ему было трудно простить такого человека. Конечно, у него был свой характер, свой темперамент, которые он не всегда открывал, но все это было внутри него. Я думаю, что в последние две недели жизни он стал чего-то опасаться. Как-то он позвонил мне около шести часов вечера и попросил меня приехать. В этой просьбе для меня не было ничего необычного. В последние три недели я приезжал к нему и оставался в комнате до тех пор, пока он не засыпал. Но я заметил, что в какой-то момент он действительно поверил в свою скорую смерть за несколько дней до нее. Так вот, в тот раз он позвал меня для исповеди и соборования, что я исполнил. И после этого он начал угасать, но до последнего дня владыка находился в сознании, оно покинуло его за день до кончины.

Так случилось, что я оставил владыку за четверть часа до смерти. Я вышел из комнаты, чтобы позвонить Борису Хазанову и просить его повременить ехать в больницу из-за жары. Я опасался, что у Бориса может случиться инфаркт. Когда я вернулся в комнату, владыка Антоний уже умер. Там был епископ Василий и кто-то из священников, но я сейчас не могу вспомнить кто. Так вот, они меня очень опечалили, сказав, что буквально перед самой кончиной владыка звал меня. Умирая, он звал меня, и я чувствовал себя очень виноватым, что в этот самый таинственный момент перехода был не рядом с ним. Владыка умер в мире и очень тихо. Я думаю, что он умер, всех простив, не унеся с собой зла или обиды на кого-то.

Облачать владыку довелось мне. Тело забрали в похоронное агентство, чтобы приготовить его к погребению, омыть и одеть. Облачение было туда заранее доставлено, но там никто не знал, как надлежит всем этим распорядиться. Поэтому они позвонили мне и просили приехать, чтобы помочь все сделать правильно. День, когда я должен был поехать, выдался особенно жарким, я чувствовал, что ехать должен, но вести машину не могу. Тогда отец Александр позвонил мне, сказав, чтобы я ехал на такси и взял его с собой. И это было очень кстати – иметь рядом в помощь еще одного священника. Мы выполнили то, что должны были, положили его в гроб и уехали.

Гроб в собор доставили за день до отпевания и похорон. Было невообразимо жарко, и мы не рискнули привезти владыку раньше. Я сам изнемогал и почти умирал из-за этой жары, поэтому сразу после отпевания в соборе уехал домой и не был на кладбище. Я был совершенно больным от всего напряжения последних недель и дней и просто не выдержал бы погребения.

Возвращаясь ко времени, когда владыка Антоний впервые узнал о своем диагнозе, скажу, что он был уверен, что вылечится. Не потому, что боялся смерти, а потому, что еще многое надо было успеть сделать. Главное – это созидание приходов. Это его заботило больше всего, не Западно-Европейская митрополия, образование которой обсуждалось в то время, об этом он мне никогда даже не упоминал, а именно забота о приходах в епархии. Он страдал, видя или чувствуя, что может наступить момент, когда православные русские и православные англичане разделятся и пути их разойдутся. Об этом болело его сердце, не желая этому случиться.

Болезнь владыки довольно быстро распространялась, он испытывал страшную боль, которую заглушал огромными дозами морфия, о выздоровлении речь уже не шла. Вопросы жизни и смерти решает Бог. И я думаю, что владыка понимал и принимал мысль о том, что его жизнь и предназначение исполнены.

– Рассказывал ли вам владыка о своих близких: маме и бабушке, которые жили с ним в Лондоне, или о других родственниках, например оставшихся в Москве?

– Последний раз я был в России именно с владыкой Антонием. Он попросил меня поехать туда повидать его родственников в Москве. Мы пришли в их квартиру на Арбате и провели там целый день, говорили о музыке, о композиторах, о жизненных путях, говорили о Франции и т. д. Разговор шел в основном по-французски, по-английски и по-русски. Поскольку я тоже говорю по-французски, я принимал участие в том приятном для всех разговоре. Но у всех, и у меня тоже, было ощущение, и владыка Антоний сам высказал его вслух по дороге в отель, что видит своих родных в последний раз. Да.

– Владыка знал несколько языков. Насколько это важно для священника?

– Это зависит от того, где вы живете. Если вы живете где-нибудь вроде Лондона, Парижа или Москвы, вы должны знать больше чем один язык. Особенно сейчас, когда люди переезжают с места на место и вам надо находить с ними общий язык.

Владыка Антоний легко объяснялся со своими прихожанами. Он знал немецкий, французский, английский и русский языки. Но кроме того, он безо всяких усилий знакомился с людьми в силу своей доброжелательности, открытости. Среди множества людей, его окружавших, было всего несколько личностей, которые ему не нравились. Рано или поздно он давал им понять свое отношение к ним. Почему было так? Тут либо эти люди были жадными, либо много лгали, чего он не терпел. И может, год спустя или больше он говорил им: «Послушайте, мне трудно поверить в то, что вы говорите. И я не вижу смысла в наших встречах и общении».

Быть может, я не должен рассказывать об этом, но владыка Антоний несколько раз обращался к состоятельным своим прихожанам с просьбой о помощи малоимущим семьям в приходе, и, когда те отказывали, он становился очень сдержанным и даже холодным к ним.

– Люди это замечали?

– Кто-то да, кто-то нет. И те, кто замечал и понимал причину, иногда меняли свою позицию. Я помню один такой случай, когда прихожанин, первоначально отказавший в помощи, впоследствии выписал чек на большую сумму одной нуждавшейся семье.

Когда владыка Антоний сердился, это было достаточно серьезно. Но в целом он любил всех, кто не вставал с ним на путь войны.

– Имели вы подобный личный опыт?

– Да, конечно, имел. Это случилось, когда мы поехали с ним в Уолсингем на престольный праздник и везли с собой все, что понадобилось бы нам в таком случае. Машина оказалась страшно переполненной багажом. К тому же погода была ужасная. Еще по дороге туда я спросил его: «Можем ли мы не задерживаться там и вернуться пораньше домой?»

На это владыка Антоний ответил так: «Хорошо, но мне еще нужно поговорить с людьми».

Я сказал: «Может быть, и не нужно, если ты этого не хочешь». Он согласился: «Хорошо, хорошо», но все равно ушел разговаривать.

После службы он был занят разговорами целых три часа, и я ждал его. Стемнело. Я заметил ему: «Я попросил тебя уехать пораньше, и вот что получилось. Уже совсем поздно». – «Я могу пойти

пешком». Шутя, я ответил: «Иди на здоровье». Он сразу рассмеялся и, разумеется, никуда не пошел. Мы сели в машину и поехали в Лондон.

– От отца Михаила Фортунато, от других известно, какое большое значение придавал владыка Антоний молчанию. Не могли бы вы рассказать, что означала для владыки Антония тишина в храме, в человеке?

– Владыка Антоний действительно ценил в храме тишину. И этот момент оказался одним из тех, что стали предметом спора между англичанами и русскими. Русским было привычно читать часы перед литургией. Большинству нерусских нравилась тишина, чтобы ставить свечи и молиться. Когда пошли такие разговоры, я предложил: «Давайте сделаем так: одну неделю будем молчать, другую читать часы и т. д.». Кому-то эта идея показалась правильным компромиссом, например отцу Михаилу Фортунато, но кто-то эту мысль не принял.

Несколько раз мне пришлось ездить с владыкой Антонием на его выступления в разных аудиториях, и его беседы всегда предварялись молчанием, после которого он иногда говорил: «Я думаю, что мне теперь не обязательно выступать перед вами, потому что все уже сказано в молчании».

Вы не можете быть религиозным, если не умеете погружаться в тишину. Это невозможно. Состоянию мира и внутреннего покоя в себе надо учиться. И владыка очень быстро умел уйти внутрь себя, уйти в молчание.

Практически все священники епархии и собора, конечно, были его духовными чадами, как и многие прихожане. Я знаю, что каждого он вел по-своему, каждому он советовал свое. То, что он говорил мне, что он говорил Мише, Алеку или Джону Марксу, я полагаю, все было разным.

У нас бывали пастырские собрания. Обычно они открывались словами владыки Антония. Он кратко о чем-то говорил, а затем шла дискуссия между священниками и т. д. И вот то, что он говорил вначале, касалось самих священников, каких-то сторон их жизни. В этом ключе проходили и мои с ним разговоры в течение первого года знакомства, когда я ходил к нему по пятницам. Он объяснял мне, какими должны быть жизнь и дела священника. Кроме этого, мы обсуждали вопросы крещения, венчания и тому подобных вещей, с которыми священнику постоянно приходилось иметь дело.

Я не знал матери и бабушки владыки, но слышал о них от него и от людей, которые их застали. Никогда я не слышал от владыки что-то плохое ни о ней, ни о бабушке. Они очень любили друг друга. Теперь они вместе.

После смерти владыки Антония он несколько раз снился мне. И вообще лично для меня его уход был огромной потерей. Он был для меня как мой собственный дедушка-фермер. Не думаю, чтобы он когда-нибудь прилагал какие-то особые усилия, чтобы как-то направить меня. Помню случай, когда уже после его ухода передо мной стоял вопрос выбора между «да» и «нет», выбора между хорошим и плохим, и, если бы владыка был со мной, он бы сказал: «Джон, перестань сомневаться, ты знаешь, как правильно поступить, делай свой выбор и следуй ему».

Со своими внуками я часто просматриваю фотографии владыки, рассказываю им о нем. Но многое они знают не от меня, а от своих родителей, которые тоже хорошо знали владыку. Но когда встает какой-нибудь вопрос, касающийся веры, то я обычно стараюсь дать им тот совет, какой дал бы им владыка Антоний.

Декабрь 2011 г.

Беседовали Д. Розов и Е. Тугаринов

Протоиерей Максим Никольский,
клирик Успенского кафедрального собора в Лондоне,
настоятель православных приходов в Свиндоне и Дорсете

– Я очутился в Англии вскоре после войны. Мы жили далеко от Лондона, далеко от церкви, так что я сначала ходил в местную католическую или англиканскую церковь. Вокруг нас никого русских или православных не было, общаться было не с кем. Молились дома, но по большим праздникам ездили в Лондон в русскую церковь.

Учился в школе, затем в университете в Лондоне. Еще во время учебы начал работать, и, поскольку жил в Лондоне, я стал регулярно ходить в русскую церковь. Пятьдесят лет назад здесь было две русских церкви: московская и зарубежная. Я ходил в зарубежную.

Комментарий. Мне неоднократно приходилось разговаривать с отцом Максимом о прошлом времени, которое он застал в Англии, особенно о православной церковной жизни на острове. Действительно, перед глазами протоиерея Максима Никольского прошла целая историческая полоса событий разного рода. Когда он приехал с родителями в Англию, Русская

Православная Церковь в Великобритании проживала непростой этап своей истории. Это так на первый взгляд кажется, что трагедии происходили исключительно в Советской России, а на Западе все обстояло спокойно, мирно и благополучно. Отнюдь! Если обратиться к источникам, к газетным публикациям, к воспоминаниям современников, к свидетельствам еще ныне живущих очевидцев событий тех лет, а речь идет о конце 1940-х годов, то картина предстает совсем не безоблачная и мирная. Русская Православная Церковь жила в ситуации разделения, раны на ее духовном теле не залечивались, а кровоточили и по-настоящему ныли и давали о себе знать ежедневно.

Вместо единства, которое естественно вытекало из самого смысла и духа эмигрантского существования на чужбине, был раскол. Вместо накопления духовных и физических сил, которые только и возможны были бы в единстве и мире, эти силы растрчивались на взаимные обвинения и вражду. Пусть это не выражалось в реальных физических батальных, но и словесные войны и противостояния не менее чувствительны и вредоносны. Именно они трещину первоначального непонимания и разделения раздвигали до размеров пропасти, перепрыгнуть которую были уже не в состоянии ни отдельные личности, ни приходы в целом. Разделившись в 1926 году, обе части некогда единого посольского прихода Русской Православной Церкви в Лондоне стали стремительно отдаляться друг от друга.

Приходы служили поочередно, священники обоих приходов враждовали, нередко клевета в адрес оппонента, но миряне, приходившие в храм помолиться, порой даже не подозревали о том, что молятся о разном, поминают разных владык и патриархов и вообще пришли в храм тогда, когда не надо было бы приходить.

Во всем этом была своя трагичность, хотя и не без доли комичности. Приходы делили одно здание, имели общий хор. Церковный сбор был разный, но плата за свет, воду и тепло была совместная. (От составителя.)

Время шло. Я продолжал работать, женился. Венчал нас владыка Антоний, к которому мы вскоре и перешли. Владыка рукоположил меня в диаконы и послал служить в Оксфорд. Когда я стал священником, то продолжал некоторое время служить в Оксфорде. Теперь, вот уже более десяти лет, служу в Успенском соборе в Лондоне.

Фактически я вырос в Англии, но никогда не чувствовал себя нерусским. Когда один, молюсь только на церковнославянском языке, но с другими могу молиться и на английском.

Среди наших прихожан есть и русские, и англичане-большинство из них те, которые переходят в Православие из англиканства, реже из католичества. Это не поток, но все-таки это происходит регулярно. Вы спросите, почему они переходят в Православие? Я отвечу так: они чувствуют, что им чего-то недостает в своей Церкви, в своей вере, и когда они заходят сюда, в русский храм, то чувствуют какой-то отклик, эхо внутри себя от всего, что происходит вокруг них. Они не понимают по-церковнославянски, не говорят по-русски, но чувствуют что-то свое, близкое. Некоторые даже говорят, что как будто вернулись домой. И это немудрено. Потому что они именно вернулись обратно в свой дом, в то место, откуда они ушли, т. е. в Православие. Британия была православной задолго, за несколько столетий до Руси. Она много испытала трудного и трагичного. Уже после раскола Церквей здесь в XVI веке король Генрих VIII разрушил Католическую Церковь, упразднил все монастыри, уничтожил все мощи святых.

Комментарий. В 2004 году мне посчастливилось участвовать в православной литургии, которая служилась в старинном английском городе Сент-Олбанс, названном так по имени первомученика британского святого Албания. Служба совершалась в кафедральном соборе города, огромном, каменном, со множеством витражей, переходов, приделов. В одном из них было выделено место для регулярных православных служб, которые совершались примерно раз в месяц. Так было при митрополите Сурожском Антонии. Именно в этом приделе произошло «чудо» «Сюда вернулись мощи первомученика святого Албания, которые были укрыты от варвара-короля, вывезены из страны и до 2004 года сохранялись в Германии. По этому случаю был отслужен православный молебен в присутствии местного англиканского духовенства во главе с епископом, после чего ковчеге мощами был торжественно опущен в приготовленную нишу в полу. Как бы сказали раньше, произошло их обретение и помещение в новую раку, которая в данном случае должна именоваться спудом.

Примеров безудержного варварства короля Генриха VIII в Англии много. Некоторые из них впоследствии стали местом туристического бизнеса, родовым достоянием знатных семей, а некоторые совмещают и то и другое одновременно. Например, замок на горе Архангела Михаила в Корнуэлле. Это место-одна из жемчужин английской культуры, раньше здесь был уединенный католический монастырь, который постигла бы участь разорения, как и многие другие монастыри Англии, но остров с храмом, садом, парком и постройками был подарен Генрихом своему очередному фавориту и потому уцелел. С тех пор им так и владеют потомки первого и единственного владельца острова-горы Архангела Михаила. Теперь, благодаря тому, что остров вошел в число культурных достопримечательностей Англии, он стал охраняемой зоной с допуском внутрь замка туристов-паломников. Гора Архангела Михаила входит в Национальный благотворительный фонд объектов культурного, исторического и природного наследия Великобритании, что означает, что теперь о нем заботится государство, и его посещают десятки тысяч туристов. (От составителя.)

Потом была Реформация, Контрреформация. И вот эти англичане чувствуют, что они вернулись в ту Церковь, откуда их предки ушли. И это не славяне, не русские, а настоящие англичане. Как один из них сказал: «Я чистый англичанин. Такой, как лондонский двухэтажный автобус».

Некоторые из англичан стараются выучить русский язык, чтобы произносить молитвы на церковнославянском и понимать богослужение. Например, в хоре были англичане, которые по-русски не говорили, но по-славянски пели. Понять и освоить язык нетрудно, но, что бывает поначалу для них совсем непонятно, это почему в русской церкви так часто и много крестятся или прикладываются к иконам. У англикан икон нет, а крестятся они раз или два за службу. Тогда ты им объясняешь, что мы кланяемся и целуем не дерево, а первообраз: изображение Христа, Божией Матери, святых, со временем они это понимают. Некоторые из перешедших в Православие так серьезно воспринимают свой переход, что меняют свое имя с английского на русское или предпочитают ходить чаще на славянские службы, чем на английские. Вот такое странное явление.

Владыка Антоний был уникальным человеком. Его имя знакомо во всех странах мира. Его слова, даже записанные на магнитофонную ленту, ощущаются как живые. Тем более когда видишь его. Он мог выразить самую глубокую мысль ясными и простыми словами. Это у него дар Божий. Великий был человек. Некоторые англичане заходят в храм и спрашивают, когда он станет святым.

Владыка Антоний приехал в Англию еще молодым. Я его тогда не знал, ходил в другую церковь, но я помню, что некоторые из Зарубежной Церкви говорили: «Как жалко, что он в Московской Патриархии. Хорошо бы, чтобы он был у нас».

Их в первую очередь привлекало его слово, но также его манера общаться, культура, его уважение к человеку, к любому человеку. Когда он говорил, он говорил с тобой, и все его внимание сосредотачивалось на человеке, с которым он общался. Иногда мы с кем-то говорим, а думаем о другом. У владыки это никогда не чувствовалось.

О владыке есть книги, фильмы, в которых его называют апостолом любви. Это очень точное наименование. Он был апостолом. Он призвал множество людей к Православию, проповедовал во всех крупных соборах Англии, в университетах, еженедельно выступал по радио и телевидению Би-Би-Си. Когда он был помоложе, то пешком ходил по городу в доки, туда, где порт, ходил в те места, где промышляли хулиганы. Они видели – идет дядька с бородой, ничего не боится. А он разговаривал с ними и находил общий язык. И они чувствовали: «А, ну это тоже наш».

Его приглашали в квартиры, может, даже предлагали выпить стаканчик: а почему бы нет – свой человек. Некоторые из них потом приходили в храм, обретали веру, которой у них до того не было. Он одинаково легко и серьезно мог разговаривать с докером, шофером или с королевой, с детства владел несколькими языками: русским, немецким, французским, здесь выучил английский.

Владыка Антоний умер, но некоторые продолжают ходить в этот храм, благодаря тому, что он связан с его именем. Это, конечно, не совсем правильно, потому что мы ходим не к человеку, а к Господу. Но к Богу мы часто приходим через людей, а через владыку Антония многие нашли путь в храм. Вот совсем недавно к нам приехала молодая девушка из России. Прямо с чемоданом из аэропорта. Английского не знает, в Англии первый раз. Как-то нашла собор и приехала. Она владыку никогда не видела, только читала его книги. И вот она приехала в Англию из-за него, чтобы посмотреть и помолиться в храме, где он молился. Такое случается регулярно.

Я часто бываю в России, на Украине и слышу даже от архиереев, что они пользуются многими мыслями, которые высказал владыка Антоний. Некоторые слышали и видели его, когда еще учились в Московской духовной семинарии и Академии, куда он приезжал, и до сих пор помнят его слова.

У владыки никогда не было своей машины, и он практически никого никогда не просил его возить. Только в каких-то особенных случаях. В первые годы его жизни в Англии такую помощь ему оказывала Милица Зернова. Милица и ее муж Николай Зернов фактически создали приход и построили храм в Оксфорде. У Милицы была очень маленькая машина. Я тоже несколько раз ездил с ней, но всегда чувствовал, что это было опасно. Милица никогда не соблюдала правил движения и ехала туда, куда ей было надо. Позже владыку возила Ирина Кириллова, профессор в Кембридже, сейчас в отставке.

Владыка был очень скромным. За продуктами шел или ехал сам. Вот из-за скромности своей он и был очень уважаем людьми. И если он все-таки просил кого-нибудь помочь ему добраться куда-то, то все с радостью соглашались. В дороге можно было и поговорить, и совета попросить. Время у него было очень ограничено из-за большого потока людей к нему. Встречи с людьми он назначал всегда сам, но и часто отменял по каким-то обстоятельствам. Иногда по болезни.

Но если кому-то было очень нужно к нему попасть, то это всегда получалось. Если же он чувствовал, что человеку вроде бы и не очень надо, то он мог и отменить встречу. Люди часто шли к

нему с семейными вопросами. С вопросами – как жить? Нужно ли избирать монашеский или мирской путь? Англичане спрашивали, как стать православным? И владыка всем отвечал.

Владыка мог иногда быть довольно жестким, когда это было надо. Но я думаю, что никто и никогда не отказывался от его совета. У нас часто на приходском совете бывали споры. Человек пятнадцать – двадцать спорили, доказывали свое. Владыка слушал разные мнения, слушал, и, когда говорил, что он думает, все с ним соглашались. С ним можно было открыто говорить, свободно высказывать свое мнение. Он всегда выслушивал внимательно. А к его словам прислушивались и воспринимали их так, как мы воспринимаем Евангелие. Владыка сказал – значит, так и надо.

Но владыка Антоний был человек, и, как у каждого человека, у него были слабости. Вот у нас служил здесь очень хороший священник – отец Иоанн Ли, который всегда был с владыкой, и, если тому что-нибудь было надо особенное, он его звал, именно отец Иоанн принял последнюю исповедь митрополита Антония. Даже у них бывали небольшие стычки. Пару раз случалось, что владыка Антоний сердился на отца Иоанна, или, наоборот, бывало, отец Иоанн уходил, хлопнув дверью. Но вскоре они мирились.

Обыкновенно владыка брал отпуск летом и уезжал из Лондона, чтобы побыть одному, чтобы ему никто не мешал, никто не знал куда. Целый год он принимал людей в храме, служил, в его дверь без конца звонили и знакомые, и незнакомые. Бывало так: звонят, владыка идет открывать. Дверь открывается, и посетители видят, что перед ними стоит старичок в ношеном подряснике, в сандалиях на босу ногу. Люди думают – стоит привратник.

«Мы пришли поговорить с митрополитом Антонием». – «Да, а что?» – «Это не твое дело, зови митрополита Антония». – «Это я». – «Ах, вы, да?» – И в недоумении осматривают его с ног до головы: рваный подрясничек, босые ноги. – «Ах, простите». Владыка их приглашает в храм, и они разговаривают.

Но когда он летом уезжал, то в соборе не знали куда. Однажды перед такой поездкой отец Михаил Фортунато спросил его: «Владыка, а если что-то случится и нужно будет вызвать вас, как мы это сделаем?» Ведь тогда еще не было мобильных телефонов. Владыка ответил: «Ну, ничего, ничего, если случится, я приеду». А кто-то подходит и говорит: «Отец Михаил, если будет надо вызвать владыку, то Ангелы призовут его сюда».

Комментарий. Отец Максим уже много лет несет послушание, данное ему митрополитом Антонием, – ходить в тюрьмы. В основном это личные встречи с заключенными. Отец Максим приходит в камеры, беседует с людьми, готовит их ко крещению, исповеди. Раз в два или три месяца он служит литургию в тюрьме. На нескольких таких богослужениях мне одному или с кем-то из певчих пришлось присутствовать, т. е. быть церковным хором. Служба происходила в тюремном храме. Заранее составлялся список заключенных, которые выразили желание прийти на православную службу и причаститься. В основном это были греки-киприоты, румыны, украинцы и русские. Особенностью этих литургий было то, что службы всегда служились тогда, когда у одного из охранников был выходной день. Охранник был православным киприотом и в свой выходной день мог сопровождать заключенных в храм. Он был хорошо знаком отцу Максиму, всегда встречал нас у высоченного тюремного забора, и мы следовали за ним через несколько тюремных дворов, через ряд дверей до храма.

Среди заключенных встречались осужденные за разные преступления: в основном за иммиграционные нарушения, воровство, хулиганство, но встречались и те, кто имел пожизненный срок т.е. убийцы.

В тюремном храме все было устроено так, что напоминало клуб или дом культуры. Большой зал англиканской церкви был заставлен стульями, впереди была сцена с ударной установкой:

барабанами, тарелками, микрофонами. Там же, на сцене, стоял святой престол. Собираясь на богослужение в тюрьму, мы привозили с собой все необходимое: утварь, иконы, книги, аналои. Еще до прихода заключенных отец Максим совершал проскомидию, а с их появлением получал записки, заканчивал приготовления и начинал службу. Всегда существовал жесткий лимит времени. У заключенных, скажем, был всего один час. Это означало, что мы выпевали и вычитывали все, но по сокращенному тюремному уставу. Отец Максим всегда отводил время для исповеди: кого – по-русски, кого – по-английски, кого-по-украински. Служба же всегда шла на двух языках. При этом отдельные категории заключенных не понимали ни того, ни другого. Это были в основном румыны. Как и все остальные, они сидели в продолжение всей службы, никак не реагируя на происходящее, надеюсь, молились, кто их знает? Но к исповеди и причастию шли строго по очереди, наверное, по старшинству, в соответствии с тюремной иерархией, крестились, усердно кланялись и целовали иконы. После службы для всех устраивался чай: мы приносили заключенным печенье, конфеты, заварку, русские газеты. Во время чая шло общение, рассказывались истории взлетов и падений, высказывались планы на будущую свободную жизнь. (От составителя.)

Вы просите рассказать немного о тюрьмах. Да, к сожалению, здесь в Англии довольно много нашего брата, и сестричек тоже, ибо есть и женские тюрьмы. В них много русских, белорусов, грузин, прибалтийцев, украинцев и, конечно, местных англичан. Я главным образом посещаю православных. Но при тюрьмах есть англиканские или католические священники, которые посещают всех. Бывает, что и ко мне подходят заключенные из неправославных. Я стараюсь уделить время тем, которые подолгу находятся здесь в одиночестве, многие из них в церковь никогда не ходили или по крайней мере не ходили очень давно. Как ни странно, буквально совсем недавно у меня был первый случай, когда человек, к которому я зашел поговорить, сказал мне: «Я не хочу говорить. Не хочу ни с кем разговаривать», я ответил: «Не хочешь – хорошо, не надо, не будем разговаривать». Я уже собрался уходить, в двери повернулся к нему и говорю: «Если все-таки захочешь поговорить, можем выйти, тебе разрешат». И он вышел, и мы поговорили.

Есть и другие люди, которые нуждаются в священнике, просят, чтобы я пришел к ним. Я не спрашиваю их, за что они сидят, очень часто они сами рассказывают о содеянном, почти все они исповедуются и каются, многие из них признают, какой грех совершили. Вот почему так важны службы в тюрьме.

В правовой системе любого государства случаются несправедливости, когда человека осуждают, сажают в тюрьму, но вина его сомнительна и он не должен сидеть. Такое бывает. В основном же все сидят за дело. Например, в Англии суд всегда прислушивается к свидетельству женщины, и если муж поссорился с женой и побил ее, например, то его непременно посадят в тюрьму, может быть, ненадолго, но он свое отсидит.

Заключенные часто просят меня принести им православный молитвослов, иконки, крестики, и на богослужение они приходят буквально все, я не помню случая, когда кто-то не захотел бы прийти помолиться. Всего в тюрьме, в которую я хожу, сидит тысяча двести человек, это большая тюрьма на западе Лондона, около БиБи-Си, из них наших православных – человек сорок-пятьдесят, поэтому нам разрешают иметь свое отдельное богослужение в тюремном храме. Заключенные-англичане часто идут в храм, чтобы не оставаться в своей камере. Наши же православные идут молиться. У нас есть два офицера православных, которые часто сопровождают группу на службу. Но хочу отметить, что те неправославные офицеры, которые иногда тоже приводят в храм православных заключенных, всегда говорят: «Какая у вас молитва!» Они – неправославные, но чувствуют нашу молитву, какой не чувствуют в своих богослужениях. Людям, которые сидят в тюрьме, не хватает, прежде всего, человеческого общения. Они сидят по одному или по двое двадцать три часа в сутки, едят в камере, только на час их выводят гулять. Поэтому так важно, чтобы кто-то ходил в тюрьмы, посещал заключенных, разговаривал с ними, что очень облегчает им пребывание там.

Однажды я шел по улице в храм и вдруг услышал, как кто-то зовет: «Батя, батя!» Я сначала не обернулся. «Отец, отец!» Я обернулся – стоит один из тех, кто сидел в тюрьме и кого я навещал. Я узнал его лицо. Так вот, он шел в храм, что было очень радостно видеть. Такие встречи радуют душу. Многих после срока в тюрьме депортируют в страну, откуда они приехали. Надеюсь, что те из них, кто здесь уже начал ходить в храм и молиться, будут продолжать это делать и дома.

Потом надо посещать семьи, где есть старики, больные, дети. Нас, священников, здесь не так много, это тяжелая работа, конечно. Часто бывает так, что тебе звонят из больницы и просят прийти к больному, он, может быть, очень давно не ходил в храм, и ты идешь. Часто это люди уже очень больные, раковые. Вот один случай. Я познакомился с женщиной, которая в церковь не ходила, а только захаживала, все у нее шло успешно: бизнес, семья, путешествия, ей не было еще сорока лет. Внезапно она заболела раком. Позвала священника. Я приехал. Она очень боялась смерти и очень надеялась выздороветь. Я посещал ее довольно регулярно и стал замечать, что этот ее большой страх постепенно начал отходить. Мы подолгу разговаривали, я ей давал иконки, она начала молиться. Надежда на выздоровление почти не оставляла ее, но под конец она уже понимала, что не поправится. Она перестала есть, теряла в весе, но продолжала молиться и отошла очень спокойно. В моей практике было несколько таких случаев. Это мне напомнило владыку Антония, который не раз в своих беседах вспоминал подобные случаи из своей практики. Я помню один из них.

Один молодой человек умирал и боялся смерти. Он говорил владыке, что у него никого нет, тогда владыка сказал: «Я с вами останусь здесь. Я буду держать вас за руку, пока вы живы. Не бойтесь, я все время буду с вами».

Это произвело огромное впечатление на тех, кто слушал его. Владыка остался и молился, и этот молодой человек спокойно умер буквально у него на руках. Священник, который посещает умирающих, должен дать надежду такому человеку и веру в Господа, чтобы тот понял: этот мир временный, кто-то раньше, кто-то позже должен отойти от этого мира, но нас всех ждет вечный мир. Парадоксально звучит, но многое в руках самого человека: хочешь – молись, хочешь – меняй образ жизни, с тем, чтобы получить вечную радость с Господом Богом. И когда понимает это человек, ему становится легче находиться в больнице, легче прощаться с этим миром и покидать его. Труднее приходится родственникам, которые находятся рядом с ним. Здесь, конечно, и слезы, и печаль, и понимание скорой потери близкого человека, потому что они еще не смогли глубоко понять ту истину, которую понял этот больной и обреченный.

В англиканской церкви часто случается, что вот еще чуть-чуть – и человек будет православным или еще чуть-чуть – и человек вообще перестанет верить в кого-либо. У владыки Антония однажды была очень интересная беседа по радио с известной женщиной, писателем, философом. Беседа называлась «Разговор христианина с атеисткой». В конце концов она осталась при своем мнении, но владыка в течение передачи больше говорил не о Православии, а о Христе, о христианстве. То есть он никогда не отходил от Православия, но иногда даже не произносил это слово. Люди часто думают, что раз Бог один, то и неважно, в какой ты Церкви, главное, что Бог у тебя в душе. И если мне сейчас некогда, то потом у меня будет время. Но будет ли? Вот о чем следует нам всем помнить и думать.

Июль 2011 г.

Беседовал Д. Розов

**Протоиерей Стефан Платт,
настоятель Свято-Никольского прихода в Оксфорде**

– Здравствуйте, отец Стефан. Давайте начнем наш разговор с того, как вы узнали о владыке Антонии и помните ли вы свою первую встречу с ним?

– Я стал членом Православной Церкви, будучи подростком, это было еще до встречи с митрополитом Антонием, разумеется. Я слышал о нем, прочитал некоторые его книги и знал о нем как об известном проповеднике и епископе в Лондоне. Я вырос в Центральной Англии, недалеко от города Бирмингема. Но я не имел никакого личного контакта с ним, так как мое знакомство с Православием произошло через Греческую Церковь, когда я был еще ребенком. Потом я сблизился с архимандритом Варнавой (Бёртоном), который первоначально принадлежал Сурожской епархии, но потом покинул епархию – в начале 1970-х годов.

Когда я учился богословию здесь, в Оксфорде, я встретил девушку Аню, с которой мы вскоре поженились. Она была прихожанкой собора в Лондоне на Эннисмор-Гарденс. В тот период два православных прихода в Оксфорде – греческий и русский – молились вместе в одной церкви как одна община, но два отдельных прихода. Аня принадлежала к приходу Русской Церкви, а я принадлежал к Греческой, но у меня не было особого чувства партийности к одному или другому; мы скоро решили пожениться и не желали принадлежать к разным приходам. Поженившись, мы с Аней решили, что поменять приход нужно мне: присоединиться к русскому приходу в Оксфорде и попроситься вступить в Сурожскую епархию. К этому времени я начал ходить на службы в соборе на Эннисмор-Гарденс во время университетских каникул, начал петь в хоре у отца Михаила Фортунато, подружился с отцом Иоанном Ли, который был духовным отцом Ани, и написал письмо митрополиту Антонию с просьбой быть официально принятым в епархию. Много-много месяцев, может быть, даже полтора или два года спустя, я наконец получил ответ, напечатанный на машинке, с некоторыми опечатками, исправленными ручкой, и подписанный митрополитом Антонием, который приветствовал мое принятие в епархию. Вскоре после этого у нас состоялась первая встреча.

Я выразил ему свое желание и готовность служить Церкви в сане диакона или священника, но он уже знал об этом, так как я говорил об этом с протоиереем Иоанном Ли за некоторое время до того. Должен заметить, что всю мою жизнь, с тех пор как себя помню, я хотел быть священником. Подростком я представлял себя в будущем монахом. Я проводил все свое свободное время и каникулы с отцом Варнавой, предполагая, что пойду изучать богословие в Оксфорде, и уже с нетерпением ждал конца учебы, чтобы затем принять постриг. Но на самом деле все пошло совсем по-другому: первая девушка, которую я встретил, когда приехал в Оксфорд, была Аня, вскоре она стала моей женой, так что стало ясно, что у меня не было призвания к монашеской жизни. Однако желание служить в качестве священника не покидало меня. Я начал встречаться с митрополитом Антонием регулярно уже тогда, когда был еще студентом в Оксфорде, вероятно, двадцати лет. Я виделся с ним каждые две или три недели, чтобы поговорить. Это было его предложение – регулярно встречаться один на один. Когда я спросил, какова цель этих встреч, он ответил, что это для того, чтобы мы могли узнать друг о друге. Сейчас я понимаю, что эти встречи происходили с целью возможного моего рукоположения в диаконы и священники.

После того как я переехал из Оксфорда в Лондон, я стал учиться в аспирантуре Королевского колледжа в Лондоне и продолжал встречаться с митрополитом Антонием. В 1995 году, в двадцать три года, я был рукоположен им в диаконы. При епископе Василии был рукоположен в священники 14 октября 2001 года, на праздник Покрова Божией Матери.

Священники в соборе, за исключением отца Иоанна Ли, были против моего рукоположения в столь молодом возрасте. В самом деле, в то время в Сурожской епархии рукоположение любого молодого человека в священники было довольно трудно вообразить.

– Мог ли митрополит Антоний настоять на этой идее?

– Митрополит Антоний редко настаивал на каких-либо идеях, он неоднократно менял свое мнение по поводу моего рукоположения. Несколько раз дата была уже им установлена, но в последнюю минуту он передумывал. Для меня это было нелегко, потому что я готовился к этому, а он в последний момент отступал. Другие священники возражали просто на основании моего возраста или по совсем уж странным причинам. Мнение отца Михаила Фортунато, например, было таким: «Он слишком уж этого хочет».

Подобный подход свойственен не всей Русской Церкви. Например, протоиерей Владимир Воробьев, настоятель Николо-Кузнецкого прихода в Москве, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, благословлял рукополагать молодых людей в священники в возрасте двадцати – двадцати трех лет. Такими же принципами руководствовался отец Иоанн Ли в Лондоне. Он вырос на земле, был воспитан на ферме в США, в нем смесь ирландской и украинской крови, и его позиция была такова: «Это хорошо, что священник молодой. Молодой священник как молодая жена. Если вы женитесь на молодой жене, вы можете научить ее тому, чему считаете нужным». Он так и сказал владыке Антонию: «Вы должны рукоположить его молодым». Я был рукоположен в двадцать девять лет – в те времена для Сурожской епархии такое раннее рукоположение было чрезвычайно необычным.

– Кто был самым молодым священником?

– Я. Помимо отца Сергия Гаккеля, который был тоже рукоположен рано, я был, вероятно, самым молодым священником в епархии на протяжении многих лет. Помнится, в первые годы своей службы я был единственным членом духовенства епархии моложе пятидесяти лет. С тех пор все изменилось, и это хорошо.

Цель наших встреч, по мысли митрополита Антония, состояла также в том, чтобы дать мне дополнительное образование для подготовки к принятию священного сана. Тогда, как и сейчас, у нас не было семинарии в этой стране, не было официального православного богословского образования, но ведь я изучал богословие здесь, в Оксфордском университете, под руководством профессора и православного епископа – а ныне митрополита – Каллиста (Уэра). Это было хорошим началом – изучать традиционный курс теологии в знаменитом британском университете, а в дополнение ходить на уроки к владыке. Так что я посещал его регулярно, и он преподавал мне пастырское богословие. На практике это означало, что в течение нескольких лет он рассказывал мне, как правильно исповедовать. Я также навещал отца Иоанна Ли, с которым мы остаемся близкими друзьями. Он также позволял мне набираться у него опыта, как, впрочем, и отец Михаил Фортунато, который учил меня правильно возглашать в церкви, а также ознакомил меня в неофициальном контексте с Типиконом и церковным пением.

Большую часть этого, однако, я узнал еще в подростковом возрасте с отцом Варнавой. Он был валлиец – англиканский священник, принявший Православие в Париже в 1960-х годах, и был участником небольшой группы западных православных во главе с архимандритом Деннисом Шонбо. Это была одна из групп, принадлежавших к Московскому Патриархату в Париже. Существовали два различных направления западных приходов Парижа: одна группа, во главе с Евграфом Ковалевским, пыталась восстановить древние корни христианства, а другая, во главе с отцом Деннисом, – это бывшие католики, которым было разрешено Московским Патриархатом служить на латинском и оставить бенедиктинские обычаи, с некоторыми изменениями. Это сообщество отца Денниса, которое сейчас практически забыто, не заслуживает забвения, как пример монашеской жизни в то время. Они

жили в крайней нищете в очень бедном районе Парижа. Многие считают митрополита Антония единственным православным миссионером в Великобритании, хотя он был частью общего движения вместе с другими – отцом Николаем Гиббсом, отцом Лазарем Муром, отцом Львом Жилле, отцом Варнавой, архимандритом Давидом, митрополитом Каллистом, отцом Софронием.

Владыка Антоний рассказывал мне о некоторых интересных встречах, которые происходили, когда он жил в доме святого Василия, вместе с его мамой и бабушкой, а также с отцом Львом Жилле. У них было заведено собираться в часовне, довольно необычной в том смысле, что она представляла собой смесь православных и англиканских свойств, в частности, в ней был примечательно англиканский алтарь. Так вот, каждый день все живущие там приходили на утренние молитвы, и однажды владыка Антоний спускался по ступенькам в часовню, как вдруг чуть не был сбит с ног отцом Львом, который мчался вниз по лестнице, чтобы быть первым – но не в часовне, а... к утренней газете! Владыка Антоний заметил ему с некоторым удивлением: «Мы еще даже не помолились, а вы уже мчитесь увидеть газету». Отец Лев ответил: «Как же я могу молиться о нуждах мира, если я не знаю, что в нем происходит?» Судя по всему, там было весьма интересно жить!

– Что, на ваш взгляд, было значительным во взаимодействии митрополита Антония с другими людьми?

– Интересно, что многие люди считают, будто у них были совершенно особые отношения с ним. У него было настоящее умение помогать людям – люди могли прийти к нему с некой реальной проблемой и уйти, чувствуя большое облегчение.

И в результате этого у многих людей сложилось впечатление, что владыка Антоний относился к ним как-то особенно, молился и думал о них все время. На самом деле было совсем не так. Для него это было своего рода самосохранение, так как огромное количество людей приходило к нему за советом. Одним из негативных аспектов характера митрополита Антония было то, что он бросал людей. Люди нередко становились слишком зависимы от него, и, когда они становились слишком близки, он закрывал свои двери, тем самым огорчая многих людей. Вполне вероятно, что эта черта связана с детством: эмоционально он сильно зависел от матери и так и не оправился после ее смерти.

Вспоминается интересная история: во время пострига митрополита Антония, так как он не был привязан к монастырю или епископу, он дал обет быть послушным своей матери. И одна из вещей, которые его мать не позволяла ему делать, – это отращивать бороду, поэтому мы видим его на ранних фотографиях без бороды. Кроме того, его мать находилась в напряженных отношениях со своим сводным братом, композитором Александром Скрябиным, и однажды я спросил владыку о нем: он мне сказал, чтобы я больше никогда не спрашивал его о Скрябине: он был персоной нон-грата для митрополита Антония.

– Вы когда-нибудь говорили с митрополитом Антонием о музыке?

– Интересно, что владыке Антонию нравилось, чтобы люди думали, что у него нет музыкального таланта, – хотя это было не так, он был талантливым музыкантом и имел богатый голос. Думаю, что это была часть его негативной реакции против своего дяди. Я помню, как однажды служил вместе с ним в качестве диакона и в один момент заметил выражение его лица в ответ на пение хора, не из-за технических достижений, а, скорее, из-за выбора репертуара. Я помню, один раз пели «Милость мира» Виноградова, в момент «Свят, свят, свят» его лицо выражало физическую боль. Мой первый ребенок, Тео, еще в утробе своей матери отреагировал на то же песнопение толкаясь и пинаясь в животе – мне кажется, что реакция была отрицательная!

– Могут ли ваши дети стать священниками, регентами или духовными композиторами?

– Моя мечта, чтобы каждый из моих детей нашел свое предназначение в жизни, но, скорее всего, мальчик, который способен стать священником, – это Бенедикт.

Я хорошо помню то время, когда перед рукоположением я пошел поговорить с митрополитом Антонием. Тот период времени был страшным для меня, я считал себя недостойным стать священником. Я столкнулся с реальным смыслом собственных грехов. Представление о том, что я стою в алтаре и совершаю Божественную литургию, наполняло меня страхом, я думал, что не могу пойти на это. Поэтому я спросил совета митрополита Антония, стоит ли совершать этот шаг, мне казалось, что я не подходил для этой работы. Он сказал мне, что чувствовал себя аналогично во время празднования своей первой литургии, ему хотелось просто снять с себя облачение и уйти. Он молился: «Я не могу пойти на этот шаг, единственный честный выход – это снять облачение и закончить с этим». И в этот момент почувствовал что-то между ним и престолом, он видел свои руки в движении и слышал звук своего голоса, но был уверен, что всем этим управлял Кто-то иной – он чувствовал присутствие Христа рядом с собой. Эти слова стали утешением для меня, он сказал, что все священники недостойны – я должен помнить об этом, и эта история часто приходит мне на ум, когда я служу литургию.

– *Какие стороны характера митрополита Антония, по вашему мнению, самые сильные и какие слабые?*

– Одной из самых впечатляющих вещей в нем как епископа и священника было его чувство святости здания церкви, божественности литургии и встречи с Богом, которая там происходит. Мои воспоминания о митрополите Антонии складываются не только из того, что он говорил на личных встречах, но и из его манеры служения литургии: он был абсолютно сосредоточен и установил строгую дисциплину вокруг алтаря, он не позволял разговоров и не терпел шума или обмена словами между священниками – он просил абсолютной тишины. Когда он стоял перед престолом, было видно, что человек стоит лицом к Лицу с Богом. Все его человеческие слабости и проблемы оставались позади, и действительно чувствовалось, что он искренне молился за тех, кто был на его попечении. Слабыми чертами характера я бы назвал его нередкие перемены решений, отвержение людей и внезапные отмены назначений и встреч. Иногда люди ехали издалека, чтобы увидеть его, и находили записку на двери с просьбой приехать в иной раз, так как он не мог прийти на встречу.

Митрополит Антоний часто ошибался в людях, поначалу он заинтересовывался новыми людьми и представлял их идеальными, а затем обнаруживал, что они несовершенны, и начинал меньше обращать на них внимание. Он позволял людям становиться слишком близкими к себе, а затем вдруг отходил от них, когда те попадали в зависимость от него.

У священников собора – отца Михаила, отца Александра и отца Иоанна – были сложные отношения друг с другом, так как каждый из них полагал, что у него особые отношения с владыкой и именно он ближе остальных к митрополиту. На самом деле самым близким человеком к митрополиту Антонию был отец Иоанн. Мне кажется, что это было преднамеренное желание владыки Антония, чтобы священники были не слишком близки друг к другу. Однажды кто-то сравнил митрополита Антония с огромным деревом, под которым ничего не может расти. И отец Михаил, например, не мог процветать под владыкой Антонием.

– *Как вы думаете, владыка когда-нибудь говорил неправду?*

– Митрополит Антоний, как вы знаете, любил рассказывать истории. И с возрастом подробности его историй начинали распадаться; смысл всегда оставался одинаковым, но детали: кто что сказал, в каких условиях и в какой обстановке – менялись. Я однажды заметил ему: «Владыка, вы рассказывали эту историю раньше, но с совершенно другими людьми», а он улыбнулся и ответил: «Я забываю уже». Митрополит Антоний был великим проповедником, и его рассказы иногда становились ближе к притче, чем к реальной истории. От разных людей вы можете услышать множество различных версий одной истории, и не только потому, что люди помнят по-разному, но и потому, что митрополит Антоний по-разному рассказывал. Он просил слушателей остановить его в случае, если он рассказывал

ту же историю прежде, но я никогда не делал этого, поскольку, во-первых, это было бы просто невежливо, а во-вторых, мне всегда было любопытно узнать новую версию истории владыки.

Митрополит Антоний был широко начитан. Я помню одну интересную дискуссию между ним и Лосским: они обсуждали, основаны ли восточные религии – буддизм и индуизм на Боге. Лосский был убежден, что нет, но митрополит Антоний не соглашался. В процессе дискуссии владыка принес Лосскому подборку цитат и попросил его подсказать, каким богословам могут принадлежать эти высказывания, и тот приписал их нескольким христианским отцам. И тогда митрополит Антоний удивил его, сказав, что на самом деле это были выписки из индуистских писаний, и спросил: «Вы все еще верите в то, что в восточных религиях нет ничего хорошего?» Эта история показывает не только чувство юмора и смекалку владыки, но и то, что он был очень начитан. Хотя Коран, например, он не любил, отзываясь о нем как об одной из самых скучных книг, которые он когда-либо читал.

– Был ли митрополит Антоний практикующим врачом, уже являясь иеромонахом?

– Он работал врачом во Франции, и, что интересно, рукополагающий его епископ сказал, мол, это очень хорошо, что он врач, и так как теперь он становится священником, то другим членам духовенства не придется платить ему за медицинскую помощь. Здесь, в Англии, владыка не практиковал как врач, кроме как на самом себе, – вспоминается один шкаф, которого уже нет, раньше полный многочисленных таблеток, которые он себе прописал.

– Чем митрополит Антоний обогатил Англию?

– Значительное количество людей пришли к Православию через него, но еще большее число людей, так и не ставших православными, тем не менее, пришли ко Христу с его помощью. Духовная жизнь многочисленных англикан была обогащена общением с митрополитом. Одним из них является бывший архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс – митрополит Антоний оказал глубокое влияние на его религиозную жизнь. Трудно сказать, сколько человек обратилось в Православие через него, но я не сомневаюсь, что число достигает сотен, может быть, даже тысяч. Однако повторяю: это неправда, что митрополит Антоний был единственным человеком, предложившим православную веру англичанам. Отец Софроний, отец Варнава, может быть, менее заметно, но с не меньшей отдачей действовали в том же направлении. Отец Варнава, например, основал много приходов по всей Англии, которые и сегодня существуют – спустя много лет.

– Митрополит Антоний рукоположил многих людей. Требовал ли он от них богословского образования?

– Нет, и это было проблемой. Я не знаю, искал ли он харизматических людей для священства или нет. Большинство людей, которых он рукоположил, были достойными, трудолюбивыми мужчинами. Идея владыки Антония была проста – он рукополагал отца семейства и назначал его в соответствующее место, чтобы Церковь начиналась там с семьи священника и постепенно перерастала в приход.

Октябрь 2011 г.

Беседовали Д. Розов и Е. Тугаринов

Анна Платт,

*супруга протоиерея Стефана Платта, постоянный организатор детского летнего лагеря
Сурожской епархии и детских программ в период работы епархиальных конференций*

– Летом 1983 года, когда мне было двенадцать лет, я приехала из Москвы в Лондон – с мамой, старшей сестрой и бабушкой. Мама преподавала английский в МГУ и там же встретила англичанина, который вел курсы повышения квалификации. Они поженились, и через пару лет мы всей семьей уехали в Великобританию.

У нас была вполне обычная интеллигентская семья, и к Церкви мы относились нейтрально: никаких семейных церковных традиций не было, но и воинствующий атеизм, разумеется, никто не проповедовал. Поэтому, когда мы с сестрой решили креститься, особых возражений не было, и единственное, что волновало маму, – то, что «девочки попадутся в лапы дружинников» в пасхальную ночь.

Когда стало ясно, что мы скоро переезжаем в Англию, крестивший нас священник объяснил, что лучше страны и придумать невозможно, так как во главе Православной Церкви в Великобритании стоит знаменитый митрополит Сурожский Антоний, который периодически приезжает в Союз и проводит полуподпольные беседы на частных квартирах, на одной из которых наш батюшка как раз побывал. Меня, по молодости, это совпадение не особенно удивило: я и так знала, что на Западе всего в изобилии – и колбас, и машин, и университетов, и уж наверно, православных епископов. Но по неисповедимым путям Господним это «совпадение» во многом определило мою дальнейшую жизнь.

В первый раз я увидела владыку Антония в июле 1983 года в лондонском соборе на Эннисмор-Гарденс. В те времена литургия служилась на церковнославянском три воскресных дня в месяц, а каждое четвертое воскресенье служба шла исключительно по-английски. Я попала как раз на это «английское» воскресенье, но, в отличие от моей сестры, английское богослужение меня не удивило. Я наивно считала, что в Англии, естественно, все будет по-английски – и учеба в школе, и врач в поликлинике, и служба в церкви. К тому же нельзя было бы сказать, что я так уж часто посещала храм в России или особенно хорошо знала службу (точнее, кроме «Верую» и «Отче наш», я не знала ничего), поэтому мне просто не с чем было сравнивать. Однако когда в конце литургии на проповедь вышел владыка Антоний, я поняла, что происходит что-то особенное. К слову сказать, хотя в моей московской спецшколе по английскому у меня были одни пятерки, в Англии оказалось, что ни понимать, ни говорить на этом языке я толком не умею. Школа еще не началась, но было и так понятно: при всех моих пятерках, английского я не знаю. Когда заговорил владыка – по-английски, медленно, с расстановками, – я сначала просто стала прислушиваться к его голосу. Тембр был настолько приятен для слуха, что я буквально почувствовала, что у меня «открылись уши»: я услышала слово resurrection, и в голове у меня сразу засветилось «воскресение». Слово за словом, я «проследила» всю проповедь – это была первая английская речь, которая дошла до моего сознания, смысл которой я смогла бы пересказать, как говорили в школе, «своими словами». Мне казалось, что совершилось чудо.

Это было начало – и моей жизни в Англии, и знакомства с владыкой Антонием. Мне исполнилось тринадцать лет, я уже довольно хорошо училась в школе. Каждое воскресенье я приезжала в собор за час до начала службы, чтобы попасть на исповедь до литургии. Обычно исповедовал владыка, но только до определенного времени. Расписание было таким: в девять тридцать владыка сам отпирал двери собора. К тому времени там уже собиралась небольшая кучка всегда одних и тех же людей, среди которых непременно была и я (только я, естественно, была моложе всех остальных лет на пятьдесят). Владыка бодро здоровался и еще бодрее убегал от нас в алтарь, чтобы начать проскомидию. Кто-то из кучки (не я) обходил собор и зажигал лампадки, а остальные спешили к скамье на северной стороне поджидать выхода владыки на исповедь. В это время владыка не спеша служил проскомидию, а мы, затаив дыхание, слушали снаружи. Отчетливым, несколько глуховатым

голосом владыка объявлял «в воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», и с ним вспоминали и мы. Чтение часов до литургии владыка не благословлял – он настаивал на полной тишине до начала литургии, как, впрочем, и во время нее.

Где-то в десять часов начиналось каждение собора – опять кадил владыка сам, не спеша, негромко, но отчетливо читая пятидесятый псалом. К тому времени отец Михаил уже был на клиросе, отец Иоанн – в алтаре, а прихожане – буквально на цыпочках – подходили приложиться к иконам, ставили свечи и отходили к своим местам. Все происходило чрезвычайно чинно, тихо и благочестиво. Мы же, сидя на своей «скорбной скамье», волновались, что вот-вот начнется литургия, а владыка все не идет.

Наконец минут за десять до начала службы владыка выходил исповедовать. Наша чинная очередь сразу смешивалась, так как все хотели невозможного: и к владыке попасть, и по-христиански пропустить соседа вперед. Все знали, что, хотя владыка и служит простым иерейским чином, исповедовать во время литургии он не будет: самое позднее после первого антифона он уйдет обратно в алтарь.

Как самая младшая, я, конечно, пропускала всех старушек подряд и к владыке я попадала очень и очень нечасто. Обычно за пару старушек до меня он уходил в алтарь и высылал вместо себя многострадального отца Иоанна. В этот момент девяносто процентов остальных кающихся расходились по своим местам, и отец Иоанн обреченно подзывал меня к аналою.

Много лет спустя, уже давно став моим духовным отцом, отец Иоанн признался, что при виде меня в очередной раз у него падало сердце. «Я всегда думал: вот, ходит девочка каждую неделю, чтобы исповедоваться у владыки, и каждый раз получает меня!» Поначалу я действительно чувствовала некое разочарование, хотя бы потому, что надо было исповедоваться по-английски, и с тоской мечтала, что уж в следующее воскресенье точно никого не пропущу и пойду к владыке первая. Но на самом деле Господь все устроил лучше, чем я могла бы придумать. Исповедь у владыки, его добрые, простые советы об устройстве духовной жизни оказали большое влияние на меня. Более того, я смело могу сказать, что этот пятилетний период моей жизни, с тринадцати до восемнадцати лет, оказался одним из самых интенсивных и духовно насыщенных. Эти воскресные часы в безлюдном соборе до начала литургии, ожидание и подготовка к исповеди, это «подслушивание» молитв проскомидии и спокойная уверенность в голосе владыки Антония, читающего их, оказались важнее иных непосредственных встреч и разговоров. Отсюда, из этой «школы благочестия» и от ее разных «учителей», я вынесла драгоценные дары: от отца Иоанна – молитвенное заступничество духовного отца, от отца Михаила – любовь к богослужению и некое знание Устава и, может быть, самое главное, от владыки Антония, – опыт дерзновения к милости Божией.

Декабрь 2013 г.

Протоиерей Милун Костич,

***многолетний настоятель прихода Святителя Николая в Лондоне
(Сербская Православная Церковь), ныне на покое***

– Расскажите немного о себе, о вашей семье. Как вы приехали в Англию?

– Я родился в Западной Сербии, девятым ребенком в семье. После смерти отца моя мать осталась с нами, а три сестры стали монахинями. Моя мать вскоре также решила пойти в монастырь и умерла монахиней под именем Агапия, а я женился и переехал жить в Австралию. У меня есть два племянника, которые тоже стали священниками, моя племянница вышла замуж за будущего священника, и мой шурин тоже священник. В то время было по-настоящему трудно быть верующим,

ведь властвовал коммунизм. Трудно было и учиться в семинарии, тем не менее мне это удалось, и я окончил богословский факультет в Белграде и женился на Добриле, которая была в то время учительницей. Вскоре после свадьбы мы переехали в Австралию, жили там в течение шести с половиной лет и стали австралийскими гражданами. Я часто путешествую с австралийским паспортом, который мне очень помогает!

Епископ Лаврентий — в то время епископ Западной Европы и Австралии — попросил меня приехать сюда, в Англию. Двое моих детей родились в Австралии, а один здесь, в Англии. Я отправился в Австралию в качестве диакона, а затем был там рукоположен в священники епископом Лаврентием в 1970 году.

– Как вы встретились с митрополитом Антонием?

– Я помню, как мы были в трапезном зале в соборе на Эннисмор-Гарденс в Лондоне и заговорили об изучении английского языка. Он сказал, что часто повторял новые слова, чтобы их лучше запомнить, произнося одно слово снова и снова, до тех пор, пока одна женщина не подошла к нему и не заметила, что он ведет себя крайне неприлично, — она же не знала, что он лишь практиковал английский язык. Мы, помнится, над этим с владыкой посмеялись — он был очень хороший человек и ценил юмор.

Я услышал о нем еще до своего приезда в Лондон и очень хотел встретиться с ним лично. Митрополит Антоний неоднократно бывал в нашей сербской лондонской церкви на службе Всеправославной вечерни, его проповеди всегда производили глубокое впечатление. Помню, что у храма был приходской дом в районе Шепердс-Буш, который впоследствии был продан. Многие спрашивали меня про местонахождение митрополии, про дом, где живет митрополит. Я им отвечал, что это всего одна комната рядом с церковью, что это и есть митрополия, — все удивлялись и хотели посетить его и увидеть это собственными глазами. Я всегда молился за него и верю, что он молился за меня. До сих пор помню его лицо и его глубокий голос — я ясно ощущал, что он мог видеть насквозь человека, с которым общался; при этом он был добрым и кротким, никогда не бывал слишком напористым или строгим. Он был как настоящий отец. Я очень горжусь, что его знал, это много для меня значит.

– Я помню встречу, состоявшуюся несколько лет назад с Патриархом Павлом в кенсингтонском Доме Совета. Это было уже после смерти митрополита Антония. Была ли между ними какая-то связь?

– Думаю, что была. Сербский Патриарх Павел был епископом в Косово в течение многих лет. Он был исключительно святым человеком. Всякий раз, когда священник в его епархии заболел, он приезжал на место и просто служил литургию вместо священника. Он не любил путешествовать в дорогих машинах, предпочитал пользоваться поездом, так как это было дешевле. Патриарх Павел сам был очень простым человеком, я хорошо знал его и часто вспоминаю. Особенно запомнился мне его приезд сюда на пятидесятилетие освящения нашей церкви епископом Николаем Велимировичем.

– Знаете ли вы, кто положил начало Всеправославным вечерням в Англии? Это был митрополит Антоний?

– Трудно сказать, потому что очень часто сами священники по общему согласию решали собраться вместе — русские, сербы, греки, антиохийцы, болгары, румыны и другие. Мы решали эти вещи между собой непосредственно. Возможно, что митрополит Антоний предложил идею, но я не могу сказать вам наверняка, кто ввел эту традицию. Для нас эти собрания играли важную роль в принятии серьезных решений, когда, например, Англиканская Церковь проводила свои реформы. Всеправославные встречи сводили наши Церкви вместе, и так мы могли ответить на изменения в других Церквях соответствующим образом.

– *Что вы можете еще рассказать о своих встречах с владыкой Антонием?*

– У меня было много встреч с ним, и я всегда был очень рад видеть его. Существовали тысячи людей, желающие увидеть его, – он был символом Православия на этой земле. Мне очень повезло, что владыка Антоний находил время увидеться и поговорить со мной. Он был столь занят, что у него никогда не было свободного времени для отдыха. Он нередко присутствовал на передачах Би-Би-Си радио и телевидения, в то время как тысячи людей ждали возможность получить его благословение или обменяться несколькими словами с ним. Он был человеком простой молитвы, никогда не писал книг, только проповедовал и проповедовал, а люди, слушавшие его, записывали его проповеди и беседы. Владыка принимал всех людей, но это не значило, что он принимал их убеждения и взгляды. Он был одним из немногих людей, выступавших в своих проповедях против коммунизма, и не боялся возможных последствий этого. Он бывал в России несколько раз, и там было море людей, которые хотели встретиться и поговорить с ним. Я также знаю, что митрополит Антоний был очень разгневан высылкой Солженицына из России.

– *Какова была роль владыки Антония в объединении людей?*

– Он одинаково принимал людей всех религий и традиций, в то же время оставаясь в лоне Православия. Это, с моей точки зрения, очень важно. Он был невероятно открыт для всех, что было причиной того, что люди других конфессий часто приходили к Православию или находили утверждение в христианской вере с его помощью. Хор в кафедральном соборе на Эннисмор-Гарденс почти целиком, на девяносто процентов, состоял из англичан, которые пришли к Православию через владыку Антония. Он был по-настоящему святой человек.

Сентябрь 2011 г.

Беседовали Д. Розов и Е. Тугаринов

Архимандрит Иероним (Тестин),

настоятель храма Всех Святых, в земле Русской просиявших, Санкт-Петербург

Встреча с отцом Иеронимом произошла как бы случайно. Выйдя из собора после воскресной литургии, я увидел высокого красивого человека с внешностью священника. Обмануться было нельзя. Мы познакомились, я пригласил его к нам домой. Батюшка как-то просто и сразу согласился. Мы пошли домой пешком, сели за стол часа в три дня попить чаю, а расстались около полуночи. (От составителя.)

– *Отец Иероним, расскажите немного о себе.*

– Представиться легче всего. Меня зовут архимандрит Иероним, я служу в городе Санкт-Петербурге, сейчас исполняю послушание настоятеля храма при кадетском ракетно-артиллерийском корпусе. Те, кто знает отца Иеронима, знают и про байки отца Иеронима. Почему я так говорю шутливо, потому что еще в самом начале моей церковной жизни я стал наиболее запомнившиеся, наиболее яркие истории облекать в словесную форму коротких рассказов. И таких рассказов уже скопилось множество. Наверное, за все двадцать три года моего церковного служения уже не одна сотня. Все эти рассказы написаны в документальном жанре, это были действительно подлинные истории, которые я постарался превратить уже в рассказы. И вот, собственно говоря, история моего приезда сюда, в Англию, тоже уже превратилась в рассказ.

Однажды я, молодой иеромонах, приехал в Псково-Печерский монастырь и пришел к отцу Андриану (духовнику монастыря) за очередным советом. Я ездил туда советоваться о делах своей службы, о своих переживаниях. И когда я пришел к нему, чтобы рассказать о каких-то своих

трудностях или даже на что-то пожаловаться. он встретил меня в дверях своей кельи и вдруг сказал такие странные слова: «Ты знаешь, я тоже хотел уехать». Я говорю: «Да? Ну и что?» Ну, представьте себе – старец и молодой иеромонах – я с абсолютным доверием и с абсолютным удивлением переспросил его: «И что?» А он посмотрел на меня внимательно и взял с тумбочки какое-то письмо. Я обратил внимание, что лист был исписан удивительно правильным почерком. В России так не пишут. А тут все было написано правильными строчными буквами, но одна фраза в середине письма была написана буквами заглавными. Я присмотрелся, молодые глаза быстро различили, что там было написано: «С Креста не сходят, с Креста снимают».

Я удивленно посмотрел на него второй раз. Теперь уже его глаза смеялись, и он спросил меня: «Ну что, еще вопросы есть?» Я сказал: «Нет» – и собрался выходить, потому что действительно в эту секунду все вопросы, которые я тащил с собой в кармане, они все получили один и очень точный ответ. Я только спросил его: «А это кто?» А он сказал: «Отец Софроний».

И тут меня поразила мысль, что если у наших старцев, к которым мы приходим советоваться, есть свои старцы, к которым они приходят советоваться, то, наверное, надо найти этих старцев. И вот, собственно говоря, все лето 1991 года я собирал с каждой требы копейку, чтобы поехать в Англию. Но сначала было другое.

В Санкт-Петербургской духовной семинарии, где я тогда учился, со мной обучался парень, который подружился с моей двоюродной сестрой, и благодаря этому мы познакомились. Он был англичанин.

– Это был Филипп?

– Да, это был Филипп Холивел.

– Ваша двоюродная сестра – Таня?

– Нет, он женился на Тане, а ухаживал за моей двоюродной сестрой Катей, из-за чего сильно пострадал, потому что моя крестная к этому отнеслась очень предвзято, ревниво. Она, видимо, какие-то лишние эмоции вложила в свое отношение и даже написала письмо владыке Антонию, как бы подозревая Филиппа в нечестных намерениях, что ли. Но она не поняла простой вещи – что в Англии уже одно такое подозрение могло вполне навлечь на человека неприятности, и, к сожалению, так и произошло. Владыка Антоний отозвал свое благословение на обучение Филиппа, а Танечка в это время работала в колокольне Александро-Невской Лавры. Они вместе с Полиной Бойцовой (теперь Феодорой Берт) работали там в швейной мастерской и создавали, реставрировали и шили уникальные церковные вещи. Но их основным занятием было изготовление и ремонт церковных облачений. Вот именно там, в этой мастерской, мы начали общаться.

С Филиппом связаны очень интересные истории. Мы хотели показать ему Россию и однажды пригласили его ко мне в приход. Я служил в это время на Волге, в Ивановской епархии, и в каникулы мы решили осуществить наш план и показать ему Россию. Это была зима, январь. Филипп приехал к нам на Рождество. Поезд довез его до станции, а дальше мы решили проявить свое русское гостеприимство. Мы прислали за ним не автомобиль, а сани с лошастью. Нормальные розвальни в нормальные пятнадцать или восемнадцать градусов мороза по нормальному снегу по пояс.

– А доху?

– Вот именно про доху мы и не подумали. И он в своей курточке в этих санях пока доехал до нас, так замерз, как говорят, продрог до костей. Но когда он приехал к нам в приход, мы истопили баню и сразу же его повели туда отогреться. И потом сели за стол, а поскольку алкоголь в Ивановской области был тогда по талонам, у нас был только самогончик. На столе стояли пироги, самогон, и совершенно обалдевший Филипп пытался поддерживать разговор в такой английской

манере, очень вежливо, деликатно. Я запомнил этот разговор. Когда он вышел из бани, мы сели за стол, мой помощник налил Филиппу этот самогон, а это был хороший самогон – градусов семьдесят, и Филипп спросил: «Это что, водка?» Мы говорим: «Нет, это самогон». Филипп не знал этого слова и спрашивает: «Что это?» Почему-то русские думают, что если сказать то же самое громко и медленно, то будет понятно. Мой помощник дважды повторил ему, чуть ли не криком: «Са-мо-гон!» Но Филипп сказал: «Я не понимаю». И тогда он не нашел ничего лучшего, чем зажечь спичку и сунуть ее в самогон. Нет, сначала мы его выпили, а потом Филипп снова спросил: «Что это?» И тогда мой помощник снова сказал: «Это самогон» – и бросил спичку в стопочку, где оставалось чуть-чуть самогона, и он вспыхнул. И Филипп грустно посмотрел на него и сказал: «О, ну тогда я, наверное, сейчас умру». А потом, видимо, самогон согрел, у него наступил инсайт, и он сказал: «О, я понял, что такое Россия!» Все за столом замерли, охваченные глубиной его инсайта, и спросили: «Что?» И Филипп, помолчав секунду, сказал: «О, Россия – это или очень холодно, или очень жарко! А нормально не бывает!» И вот прошло почти двадцать пять лет, но, когда меня спрашивают, что такое Россия, я вспоминаю Филиппа и говорю, что Россия – это когда очень холодно или очень жарко, а нормально не бывает.

Но тем не менее он тогда сделал мне приглашение, а это тоже было важно, потому что именно благодаря ему сначала моя двоюродная сестра оказалась в Англии и увидела монастырь Святого Иоанна Крестителя и старца Софрония, потом моя крестная поехала сюда. И таким образом, я уже был третьим человеком из своей семьи, который отправился за море в неведомую страну в поисках духовной мудрости. Что же я сказал себе? Я удивляюсь, насколько резонируют те вещи, которые я храню в своей душе уже двадцать пять лет, и те вещи, о которых вы спросили меня. Вы спросили меня о том, а что, собственно, заставило меня приехать? Так вот, когда я увидел, что есть старец, с которым советуются старцы, я сказал себе: «Боже мой, когда эти люди уйдут, то уже ничто и никто на земле не сможет передать этот опыт. Нужно делать это сейчас, нужно ехать сейчас, нужно бросать все и ехать». И это решение пришло просто в одночасье. И я понял, что я поеду обязательно, если только какие-то стихийные бедствия меня не остановят.

Но во-первых, нужно приглашение – это же капиталистическая держава, нужен же паспорт какой-то, нужно же визу получить, билет купить, надо туда доехать, это же надо там с кем-то разговаривать. А мой школьный английский мне в этом не помощник, и, в общем, была тысяча, тысяча, тысяча «но», но они все становились маленькими, когда вопрос вставал о духовной пользе. С тех пор в принятии решений я использую этот критерий душеполезности или недушеполезности. Если это душеполезно, то надо делать. Если недушеполезно, то зачем? Я понял, что это необходимо. И я понял еще одну вещь. Я понял, что было бы наивно и глупо рассчитывать на то, что я что-то там пойму или что-то постигну в общении с такими людьми. Сейчас я рассказываю о поездке в Эссекс, но это предыстория встречи с владыкой Антонием. Я сказал себе: «Да, я, конечно, ничего не пойму, но я хотя бы увижу, и это станет моим опытом. Я смогу сказать, что да, я видел своими глазами, я слышал своими ушами. Ладно, что не понял, ладно, что ничего не сделал, но я видел и слышал, и это факт моей жизни, моей внутренней жизни. Не моей фантазии, не мое соприкосновение на уровне рассудка с книгой, которую написал этот человек, не мои фантазии о нем, а мой живой разговор. Это цвет, запах, это те минуты или те часы, которые удалось провести вместе». И поэтому я решил поехать.

Я не случайно перечисляю все эти подробности. Можете себе представить, сколько человеку из ивановской деревни нужно было употребить сил, чтобы получить все эти документы, которые можно было оформить только в Москве. Но наконец поездка назначается на конец августа, потому что, как вы знаете, в монастыре Эссекс до Успенского поста не принимают. Я в августе отправляюсь в Москву для того, чтобы получить свою визу, а в это время радио перестает работать, аэропорты закрываются. Получаю свои документы, но по радио вновь и вновь звучит «Лебединое озеро». И думаю: «Ну вот, видимо, нет воли Божией». Но был один знак, интересный очень знак, который мне

оставлял все-таки надежду. В очереди в английское посольство в Москве я стоял достаточно долго, и я был в духовной одежде. И когда я уже выходил, получив свою визу, один негр вышел из очереди, увидел меня, подошел ко мне и спросил: «А ты священник?» Я сказал: «Да». Он говорит: «Крест освятить можешь?» И снимает с себя крест, величиной со священнический, с камушками какими-то. Я, шокированный тем, что это было так неожиданно, в таком месте, в такое время, тут же прочитал молитву, достал святую воду, окропил его крест. Было такое изумление, и очередь безмолвствовала, все смотрели на нас, потому что все произошло очень быстро. И вот это знамение креста дало мне надежду. И действительно, когда наступил момент вылета, все открылось, я улетел и прилетел сюда, в Лондон. Здесь меня встретили, но у меня было две цели. Первая цель – увидеть старца Софрония и поговорить с ним. Вторая цель – я решил во что бы то ни стало добраться до Лондона и увидеть владыку Антония. Бог судил мне исполнить обе мои цели, Бог мне благоволил, и это удалось. Когда я собрался ехать в Лондон, меня спросили в монастыре, а как я собираюсь тут ориентироваться и общаться? Я сказал: «Я в школе учил английский». Вот-вот, люди в монастыре улыбнулись так же, как вы сейчас. Я уже слышал о том, что такое культурный шок, когда у человека от обилия информации просто заклинивает языковая функция и человек вообще перестает понимать, что происходит. У меня это тоже случилось в какой-то момент, но не суть. Я приехал, и, о ужас, я наткнулся на закрытые двери собора. Накануне, незадолго до этого, какой-то верзила, ворвавшись в собор, схватил кружку для пожертвований, угрожал, и после этого было принято решение закрывать двери собора. Как я потом уточнил, нужно было позвонить по телефону, наговорить на автоответчик свое намерение о встрече, сообщить возможное время и номер телефона для связи. Но представьте себе, что я не мог воспользоваться этим каналом, потому что у меня не было того номера в Англии, на который мне можно было ответить, и я просто сделал следующее. По вере вашей будет вам! Я позвонил по телефону, представился, кто я и что я, сказал, что сейчас приду, назвав какой-то час. В сообщенный мною автоответчику час я вновь пришел в собор – дверь открылась. Я сейчас уже не помню имен, но вот эта женщина, которая была его секретарем, она открыла мне дверь, спросила, кто я. Я ответил, что я из России, что я звонил по телефону. Она ответила: «Да-да, но вам нужно подождать. Владыка выйдет».

Я приложился к иконам, подошел ко кресту в правом приделе. Потом даже присел на скамеечку. В этот момент ко мне вышел человек ниже среднего роста, в подряснике, с простым монашеским поясом на животе. Меня, конечно, поразила открытость и доброжелательность, которая была написана на его лице.

Свой монашеский иску́с я проходил хотя и не в самом Псково-Печерском монастыре, но школу я прошел достаточно строгую. И, собственно говоря, окормляться я приезжал в Псково-Печерский монастырь к отцу Иоанну (Крестьянкину). То есть я наблюдал эту практику, и первые шаги в монашестве делал там. Это была та практика, на которую я ориентировался.

Но меня поражали две вещи. Почему-то в русском монашестве встречается такая традиция – смирать друг друга. Когда я заинтересовался этим вопросом, будучи сам уже иеромонахом или игуменом, то я наткнулся на одно интересное наблюдение. Кто-то из авторов написал такую статью. Он пишет, что Спаситель никогда не употреблял этот глагол в повелительном наклонении. Он всегда его употреблял в возвратном залоге – смиряться. Смирять себя. Он имел в виду только это, но Он никогда не предлагал никому смирать других. Понимаете, да? И действительно, я потом перелистал Евангелие, для того чтобы убедиться в этом. Это действительно так!

– Но почему? Ведь все же знают главную заповедь – «Возлюби ближнего...»?

– Да, да, да, но я говорю о практике. Вот я ехал с такими вопросами.

Мне кажется, это абсолютное духовное бескультурье – приходить к старцу и спрашивать: мне варить борщ или суп, мне покупать юбку или кофту, как это делают некоторые посетительницы. Я

понимаю так, что к людям этого уровня надо приезжать с адекватными вопросами или с проблемами, от которых зависит жизнь твоя и других людей. И я приезжал с вопросами, которые касались направления моей духовной жизни, моего монашества.

Да, и в русском монашестве есть еще вторая особенность. Считается, что образованность мешает духовности, что это враг духовности. Вот с такими вопросами я и приехал в Англию. Хотел задать их и тому и другому, и старцу Софронию и владыке Антонию. И у меня все получилось.

В нашей встрече с владыкой Антонием меня поразило то, что в его поведении отсутствовала не только какая-либо нарочитая важность, я боюсь употреблять более крепкие слова, но и сам намек на нее. Владыка Антоний порастил меня своей открытостью и простотой. Он выходил к тебе и приглашал как дорогого человека, как человека, которого он искренне рад видеть. Вот это чувство любви, которое обнаружило себя в первую секунду нашей встречи, оно, конечно, сокрушило и смирило мое сердце.

Вы знаете, я прошел достаточную жизненную школу, и за это время много раз попадал в ситуацию прямого или не прямого насилия, и духовного, и физического, но никогда моя голова не склонялась перед людьми, которые силой пытались заставить меня что-нибудь делать. Моя голова склоняется только перед теми людьми, которые превосходят меня в добродетели, т. е. в том, чего я достичь пока еще не смог. Перед ними я сам склоняю свою голову. Я говорю вам об этом потому, что перед владыкой Антонием моя голова склонилась. Он порастил, он потряс меня, прямо вот с этой первой секунды тем, что вышел, как евангельский отец, на порог дома, ничего не спросив у секретаря, без каких-либо специфических церемоний, просто вышел и пригласил меня в келью. Я уже знал, что он единственный, кто живет прямо в храме, в левой части, в этой пономарке, которая находится слева, и он так искренне позвал меня за собой. Я понял, что он хочет, как это принято у духовенства, пригласить меня в алтарь, чтобы я поклонился престолу. Я вошел, сделал положенные три поклона, приложился к престолу, и он сказал мне: «Ну вот, так мы и живем тут, молимся, это наш храм». Какие-то очень простые и радужные слова произнес он, предлагая мне оглядеться. Я огляделся, и это впечатление света, чистоты, оно тоже осталось в моем сердце.

После этого владыка повел меня на противоположную сторону и пригласил в маленькое помещение, где он жил. Оно поразило меня тем, что в нем не было абсолютно ничего лишнего. Там не было изысков, лишь его узкая кушетка без спинки, два кресла напротив друг друга и рядом с этими креслами – обогреватель.

Владыка усадил меня в кресло напротив себя и так, глядя на меня искренно и доброжелательно, как бы спросил: «Ну что?» Я говорю «как бы», потому что он даже не задал мне вопроса. Он присел, но его внимательное выражение лица слушающего человека, оно не только запечатлелось во мне, оно стало для меня чем-то особенным. Это уже мое личное, потому что я сам стараюсь научиться слушать людей. Я увидел перед собой слушающего человека. Я действительно растерялся, не совсем понимал, как себя вести, но понял, что мое время пошло, что долго, наверное, нельзя занимать такого человека.

В смущении я задал свои два вопроса. Я сказал ему: «Владыка, я не буду вас расспрашивать ни о чем внешнем. Я хочу спросить вас о том, что меня смущает и на что я хотел бы получить ответы. Первое. Препятствует ли образованность духовности? И второе. Может ли священник улыбаться?»

Тогда была очень серьезная дискуссия. На меня просто нападали, меня обвиняли в том, что я улыбаюсь. Мне говорили, что это не духовно. Ты не можешь. Как это так? Я спрашивал, а почему? И аргумент был: «Христос никогда не улыбался». Это обвинение меня очень задело, потому что я все время улыбался. Меня радость переполняла, особенно после богослужения, я не понимал, а почему человек не должен улыбаться?

– Разве это точно известно, что Христос не улыбался?

– Вы знаете, есть такие люди, которые утверждают это с убежденностью очевидцев. А я-то был молоденький иеромонах. Я думал, может, и действительно нельзя, откуда мне знать? И вот я сел и задал ему этот вопрос. Потом я уже понял, что старцы никогда не отвечают на вопрос прямо. Они рассказывают в образной, символической форме – либо в виде притчи, либо в виде события из их собственной жизни.

Владыка начал мне рассказывать, что когда он приехал в Англию, то здесь к нему относились с подозрением и ему частенько приходилось сталкиваться не только с непониманием, но даже с прямой враждой. Зачем он сюда приехал? Почему он сюда приехал? Или, например, его обвиняли в том, чего на самом деле не было, ему, например, говорили, что, мол, ты московский, значит, ты чуть ли не шпион. Владыка Антоний был в той ситуации, которую можно назвать словами «свой среди чужих, чужой среди своих». Он мне рассказывал о том, как он терпеливо преодолевал, смиренно, я бы даже сказал, преодолевал эту первоначальную недоверчивость, недоброжелательность, подозрительность, которая его окружала. Говорил, что только после того, как он получил эти передачи на Би-Би-Си, только после этого он понял, что его проповедь услышана. Он мне рассказывал о том (память, к сожалению, не удержала имен), как люди, англичане, приходили в этот собор, который был пустым, но приходили не для того, чтобы принять Православие, а для того, чтобы увидеть этого человека, благодаря которому они вспомнили о Христе. И хотя, возможно, они потом уходили в свои церкви, но, тем не менее, они приходили и приносили слова благодарности за то, что они слышали о Христе.

Мы беседовали с владыкой минут двадцать, но эти двадцать минут были для меня совершенно другим измерением. Выйдя от владыки, я понял, что получил ответы на свои вопросы, и сказал себе, что сейчас моя задача – запомнить дословно все, что он говорил, потому что понять я сейчас все равно ничего не смогу, потому что это шок, это переполняет, но я должен это унести, разобрать потом по деталям. И вот эти двадцать или тридцать минут, о которых меня предупредила его строжайшая помощница, прошли, и я стал прощаться с владыкой, но было так трудно себя отнять от его отеческой теплоты, от его потрясающей способности слушать и слышать, от этой его деликатности и потрясающе правильной речи, которые подкупили меня. Хотелось потянуть еще и еще, но совесть говорила о том, что нельзя просто так отнимать время у владыки.

Он пригласил меня на следующий день послужить. На следующий день или через два дня была служба, и я приехал. Вы знаете, что между монастырем в Эссексе и владыкой не было близкой дружбы. Какая-то там была странная ситуация, я не помню этого, но, тем не менее, в монастыре меня отпустили, мне помогли добраться даже, кто-то из прихожан меня привез сюда, в Лондон. И я был на этой службе с владыкой. Это было то христианское, о котором говорит Евангелие: кто хочет из вас быть старшим, пусть будет всем слуга. Я получил для себя достойный уважения образец и, самое главное, образ служения Богу и людям, который совпадает с моим восприятием Евангелия. Образ владыки, который сформировался у меня еще в России при прослушивании магнитофонных катушечных записей его бесед, его проповедей (а я был «первым христианином», таким же, как многие русские люди, пришедшие в церковь в доперестроечные и послеперестроечные годы), и вот этот образ владыки совпал у меня с тем, что сформировалось прежде.

Образ владыки формировался у меня еще в годы студенчества в университете, когда еще все происходило прикрито, когда молитвословы переписывали от руки, а Евангелия брюссельские привозили под полой из-за границы. Тогда была особая атмосфера, конечно. Так вот, собственно говоря, тогда лекции владыки – плохого качества, на магнитных бобинах, которые я слушал еще в университете, потом передачи Би-Би-Си, записанные кем-то, у кого была хорошая аппаратура. Книг ведь не было. Книг владыки Антония в тот момент не было! Вот это впечатление совпало. Совпали три вещи. Совпал его евангельский образ пастыря доброго. Совпало представление о человеке, сочетающем в себе высокую интеллектуальность и высокую духовность, при этом не потерявшем

евангельской простоты и обладавшем такой добродетелью, таким даром, как любовь или по крайней мере человеколюбие. Не человекоугодие, а именно человеколюбие. И конечно, потрясающая личная скромность. Наверное, эти вещи, соединившись в одно, сформировали во мне тот, еще раз повторю, образ, который я до сих пор считаю для себя достойным подражания, храню в своем сердце.

Октябрь 2011 г.

Беседовали Галина и Евгений Тугариновы

Лидия Григорьева,

прихожанка Успенского кафедрального собора в Лондоне, писатель и поэтесса

Из глубины молчания

1

Теперь, закрыв глаза, в любую минуту, я могу услышать его голос, медленно и проникновенно произносящий: «Царю Небесный (пауза), Утешителю (молчание), Душе истины (бездонное молчание), Иже везде сый и вся исполняяй (тишина), Сокровище благих и жизни Подателю (трепетная тишина), прииди и вселися в ны (углубленное молчание), и очисти ны от всякия скверны (звонящая тишина), и (как восклицательный знак, но почти не повышая голоса) спаси, Ближе, души ниша». Это митрополит Антоний Сурожский молится вместе с нами перед закрытыми алтарными воротами в гулком, просторном лондонском храме Успения Божией Матери и Всех Святых.

Уже много лет дважды в месяц, по четвергам, в семь вечера он проводит здесь свои знаменитые на весь православный мир беседы со всеми желающими, среди которых могут оказаться и постоянные прихожане храма, и случайные пришлецы, просто любопытные и путешествующие, наслышанные о знаменитом проповеднике. Неофиты и фанаты, верующие и жаждущие веры – всяк найдет себе свободный стул в большом соборе, построенном в XVII веке англичанами по типу первохристианских древнеримских базилик. Тут не спросят, по какому праву ты пришел. Ясно, что по праву Божией любви к человеку и человечеству. Эта тема – одна из любимых у владыки, он часто повторяет связанные с ней притчевые сказы из своей (и сторонней) жизни, длиною почти в целый век: он родился в 1914 году, и дай Бог ему сил и здоровья для дальнейших духовных трудов...

Слушатели собираются задолго до начала. Нешумно шепчутся новички, пытаясь узнать, куда лучше поставить зажженные свечи, и можно ли записывать беседу на магнитофон или видеокамеру, и возможно ли будет сфотографироваться с ним самим или хотя бы на фоне его (это особенно волнует тех, кто ненадолго приехал из России), и можно ли будет получить личное благословение или придется обойтись общим для всех... Мирские, в общем-то, заботы, приволокшиеся за нами в храм, как шуршащий лист, нечаянно, но накрепко прилипший к подошве. По себе знаю, ибо тоже мелко хлопочу, стараясь занять место в первом ряду, поближе к владыке, чтобы видеть и слышать его, не отвлекаясь. И диктофон, и фотоаппарат – тоже стараюсь прихватить с собою, потому что теперь-то уж точно знаю (но не сразу мне было дано это понять, о чем скажу позже), как ценно каждое услышанное слово и как важно попробовать оставить в памяти навсегда (а если удастся, то и на кино– или фото пленке) чудо преображения обращенного к нам лица, излучающего свет. Но и свет рождается не сразу...

Ровно в семь прекращается негромкий шум отдвигаемых стульев, потому что владыка удивительно точен – часы можно проверять. И вот он выходит – в сером подряснике, перетянутом по талии мощным, потертым, может быть, чем-то памятным ему ремнем (в России такой ремень

называют – офицерский). В руке – видавший виды портфель. Некий новичок может подумать, что вот сейчас из портфеля будут извлечены бумаги и прочтет нам пастырь свое слово, написанное в тишине уединения. Слово-то мы услышим, но никогда не зачитанное по ранее подготовленному тексту, а всегда устное и, в разной степени, вдохновенное. И вот мы, конечно же, встали, встречая его, он поставил портфель на резное, тяжелое, потемневшее от времени кресло, повернулся к закрытым Царским вратам и прочел предначинательную молитву.

Бывает, что он не в голосе, после, допустим, простуды, но мы все равно услышим каждое слово и, главное, услышим непостижимую, вселенскую тишину, гулкий космос вечности, скопившийся за века меж молитвенными словами.

Он открывает портфель и достает диктофон, потому что, как я догадываюсь, сам еще не знает, в какую словесную форму облечет объявленную накануне тему. А магнитная запись – это все же некий самоконспект. Нужен ли он будет самому автору импровизации для дальнейшего развития той или иной словесной материи, которая иногда самовольно разрастается и может не уместиться в рамки одной (всегда ровно одночасовой) беседы, Бог весть. Скорее всего, это нужно тем, кто порадеет потом о сохранении, размножении и будущем издании новорожденного пастырского слова.

Потом из портфеля на стол извлекается еще и маленький красный электронный таймер и заводится ровно на час; это очень характерный пример: аккуратное, почти благоговейное обращение с земным, отпущенным нам всем свыше временем.

Владыка обводит собравшихся взглядом глубоких, растворивших в себе зрачки темно-карих глаз, прикрывает их – и на несколько мгновений как бы уходит от нас, углубляется в невидимый и неосязаемый для других мир, чтобы вернуться и вынести оттуда то, что мы сейчас услышим и что прочтут потом в расшифрованных магнитных записях, ставших книгами, миллионы людей.

Способны ли мы, собравшиеся здесь случайно или целенаправленно, понять и осознать то, что на наших глазах (и на нашем, простите, слуху) рождаются мысли, столь востребованные людьми разных стран, жаждущими пастырского научения? И что мы вместе с пастырем на некое короткое земное время входим в световой поток Божия благоволения, в поток изливаемой на него, в этот «час» вдохновенной беседы, небесной благодати.

Только что перед нами сидел усталый, немолодой и, может быть, не совсем здоровый человек (в Лондоне такой сырой климат, так часто бушуют вирусные инфекции!), и вот он молодеет на глазах, голос крепнет, в глазах появляется блеск. И свет во тьме – и для нас теперь – светит... И можно унести его с собой на магнитной или цифровой, на фото– или видеопленке, но лучше всего – в душе.

1 августа 2001 г.

2

«Я к сегодняшней беседе приступаю особенно трепетно. Потому что есть вещи настолько святые, что мне о них и упоминать не следует...» (22.03.01) Например, так может начаться беседа... И польется плавная светоносная речь пронизанного Божиим присутствием человека.

А поначалу мне все казалось таким простым (да простится мне невольное кощунство, а зачтется искренность признания), едва ли не примитивным. Я помню, как долго зазывала меня на эти беседы друг дома Александра Ивановна Смирнова. И почему-то всегда зимой! Может быть, потому, что, обосновавшись надолго в Лондоне по семейным обстоятельствам, почти каждое лето я стремилась прожить в Москве...

Видимо, мне, к тому времени (середина девяностых) все силы потратившей на отторжение зимнего лондонского чужеземья, казалось лишним побуждать себя выйти во «тьму внешнюю», чтобы доехать до центра мегаполиса, спрятавшего, схоронившего в своих бездонных недрах чаемый храм

Божий. Не было сил – это в оправдание. Довольно, дескать, и того, что иногда посещаю воскресные службы и, как водится, двенадцатые праздники не забываю. А чему оправдания теперь уже не вижу, так это умственному и душевному (к счастью, временному) помрачению.

«Ну что он нового может мне сказать? Что Бог есть – я и без него знаю! И не пойду сегодня (холодно, сыро, болит голова, далеко ехать, страшно в темноте возвращаться домой, транспорт вечерами плохо ходит – да мало ли что за помехи!). Лучше дома, в теплом кресле под лампой, перечитаю Ильина или Лосского или, что лучше всего, наилюбимейшую пламенную „Исповедь“ святого Августина. Вот, вы говорите, была вчера беседа о молитве. Но я и так молюсь утром и вечером, без напоминаний! Зачем меня уговаривать? Пусть ходят те, кто еще не знает, что по молитве только нам и дается. Или с кем еще чудеса не происходили после молитвенного исступления. А у меня, вы же знаете, я рассказывала вам, Богородичная молитва сына спасла в армии!» И я в который раз готова была повторить рассказ, потому что в повторе этом таилась благодарственная память о чуде (и не одном), дарованном мне по молитве.

Но об этом – в следующий раз. А пока да примет Господь мое искреннее раскаяние в неразумии и непонимании того, чем одарила нас судьба. А одарила она нас, лондонцев, счастливой встречей с человеком, несущим в себе свет Божий, – с владыкой Антонием Сурожским.

3

«Простите, я повторяюсь, – может вдруг сказать владыка, – те, кто ходит сюда много лет, уже, возможно, слышали этот рассказ...» И следует очередная, удивительно внятная житейская притча, которую мы, может быть, уже однажды действительно слышали, но выводы из нее – никогда не повторяются. Они многообразны, как драгоценная руда, вышедшая на поверхность земли и жизни, – уже обогащенная, обожженная невидимым нам огнем в недрах духа.

Я приведу один пример такого «повтора» во время личной беседы с глазу на глаз с владыкой Антонием 30 июля 2001 года. Я очень волновалась перед этой встречей, не только потому, что ждала ее несколько лет, но и потому, что накануне во время воскресной литургии (которую владыка всегда служит сам), совпавшей с невиданной лондонской (к счастью, всего несколькихдневной) жарой, владыка почувствовал себя плохо. Но он не отменил назначенные накануне понедельничные встречи, аудиенции, со-беседы...

«А у меня вчера был обморок!» – с приветливой, почти радостной улыбкой сообщил он мне. «Да, я знала об этом, и думала, что вы отмените встречу». – «Нет, что вы! Мне уже лучше, я отказался ехать с ними в госпиталь». (Была вызвана «скорая» к одной из прихожанок, сомлевшей от душной и влажной английской жары прямо во время службы; врачи осмотрели и владыку Антония...) «Просто времени я теперь смогу уделить вам (пятнадцать минут! – обреченно ухнуло у меня внутри) только час». И улыбка. И прямой взгляд бездонных, безлунных, нездешних глаз.

«Господи, – молча взмолилась я, – отплачу ли когда – и кому? – за эту жертву? Да и стоит ли то, с чем я пришла сюда, его времени и заботы?» Но владыка уже положил на стол перед собой круглые серебряные (и по виду старинные) часы, время потекло, и я обязана была войти в его поток, не замутив его ложным, скорее всего, само-со-мнением.

И задала вопрос чрезвычайно личный и очень важный для меня. И вот что услышала в ответ: «Я уже раз-другой это людям говорил... Во время немецкой оккупации, когда я был во французском Сопротивлении, между двумя периодами в армии, один из наших сопротивленцев бежал от немцев, которые его преследовали. Ушел в горы, искал себе прибежище. Добежал до какой-то избушки, стоит там человек перед дверью. Он ему говорит: „Можешь ты мне указать какую-нибудь дорогу, чтобы я мог в горы уйти, чтобы меня не нашли? За мной гонятся немцы, они меня убьют“. А тот ему отвечает: „Зачем тебе в горы уходить? Зайди ко мне, я тебя спрячу“. Он спрятал. Пришли немцы. Офицер его

начал допрашивать. Не бил, а просто спрашивал. Офицер был, очевидно, умнее хозяина, потому что сказал ему: „Человек, которого мы ищем, спрятан у тебя! Где он?!“ И тот спокойно говорит: „Да, он спрятан здесь». Они ворвались в избушку, вытащили этого человека, бьют его, тащат... Тот повернулся к своему „спасителю» и говорит ему: „Зачем же ты меня спрятал?!» И тот ему отвечает: „Я – христианин. Я должен был тебе оказать гостеприимство». „А как же ты меня сейчас предал?!» И он ответил: „Я – христианин. Я никогда не лгу». Все это закончилось для беглеца побоями и, вероятно, концлагерем или смертью. Вот почему я к правде формальной отношусь с уважением, я не лгу, как правило. Но есть случаи, когда я не поколеблюсь солгать: я не предаю человека на смерть только для того, чтобы уста мои не осквернились ложью».

8 августа 2001 г.

4

Примнилось на днях во время вечерни, что скользнула по верхней галерее легкая тень, невесомая, воспаряющая над дощатым полом старого англиканского храма, ставшего русским православным собором трудами владыки Антония и его столь немногочисленной в те годы (конец пятидесятых) паствы.

И не примнилось, а припомнилось. Потому что видела это много раз своими глазами: он спешил, неслышно и почти незримо, на встречу к кому-то из тех, кого беда, как вода, захлестнула по самое горло. Что бы там ни было – вокруг нас, за стенами Божиего Дома, простирается цветущая и прекрасная чуждавшая сторона. И не всяк из нас, приходящих и припадающих, и молящих о «богатая милости», обладает нужной долей главных христианских добродетелей – смирением и терпением, чтобы осмыслить и понять: пагуба это или дар Божий – бытование вдали от родных осин.

Два моих личных друга (так уж совпало) удостоились таких вечерних, не исчисленных заранее, внезапных и долгих бесед в затемненном уголке храма, после вечерней службы. Достоверно знаю, потому что сердце мое облилось несправедливой ревностью: почему они, а не я? Так много проблем, кажущихся мне неразрешимыми, стояли тогда поперек горла и самой моей жизни. Я тоже хотела знать – как мне быть дальше!

Но – потому они (это я поняла только спустя несколько лет), что у них это был последний край, они были до телесной черноты обуглены изнутри, изъязвлены до самой душевной мякоти...

Знаю, что говорю. Оба два мне рассказали о том, что с ними было накануне, вернее, беспросветно длилось много дней. И как они пришли в храм. И как внезапно и неожиданно к ним подошел владыка. Они присели на скамью в пустом уже, с погашенными свечами храме, и беседа была долгой. И они живут себе, поживают. И один из них ходит в храм. А вторая (они даже незнакомы) так и не крестилась. Господь ее спаси...

А я выплыла. Видимо, гребла в нужном направлении – и потому-то уловляла внимание владыки множество дней и даже лет. И вот теперь мы беседуем. И вот о чем.

3 сентября 2001 г.

5

– Если нет удачи в профессиональной работе, то надо ли настаивать на своем и продолжать в том же духе или следует понять это как знак Божий?

– Я не пророк, но продолжайте то дело, о котором вы мне рассказали. И не беспокойтесь.

Так я получила личное и очень долгожданное благословение владыки на продолжение трудов.

– Вы мне дважды приснились, владыка.

– Ой...

– Один раз мне снилось, что вы изгнали меня из храма. И когда после одной из четверговых бесед (когда каждый, подходя под благословение, старается шепнуть на ухо вам нечто насущно-личное) я поведала вам об этом, вы вначале воскликнули: „Не верьте снам!» А потом, после паузы, добавили: „Но я же не разгневался и не изгнал...» А недавно мне приснилось, как будто вы стоите при воротах храма и отворяете их, чтобы я вошла. И я поняла, что мы стоим лицом к лицу и я могу наконец-то задать вам важный для меня вопрос. И впала в страшную панику: о чем, о чем я могу вас спросить? И я задала вам во сне этот вопрос, но ответить вы не успели, потому что я проснулась с бьющимся сердцем... И вот этот вопрос: я много раз пыталась войти в полное сочувствие к другому человеку, пыталась понять его боль и разделить ее, но у меня это ни разу не получилось. Свою боль мы чувствуем, но почему-то не можем взять на себя даже часть боли другого, даже очень близкого человека...

Получив благословение владыки на эти нечаянные заметки, почему же я вернулась к ним только через годы? Или живу, не исчисляя времени? И помню, и хочу написать, но, как во сне бывает, бежишь, а ноги налились свинцом – и стоишь на месте. Рад бы в рай – да грехи не пускают. Видимо, так и есть.

2001–2002 гг.

Из бесед с владыкой Антонием

(Листая записные книжки)

«Церковь – Дом Господа. Для верующих, собравшихся вокруг своего Бога, это – Царская Палата-место непостижимой Встречи... И это бывает страшно, не в смысле испуга. А в смысле душевного трепета – вспомним то потрясение мытаря, из которого и родилась его молитва. Ибо здесь живет Бог – невидимо и почти неощутимо для нас, но вполне ощутимо для святых и таких раскаявшихся грешников, как мытарь».

И тут владыка рассказал нам ставшую уже притчей реальную историю о неверующем человеке, который случайно пришел в наш храм, полный предубеждений и скептицизма. И то, как он неожиданно для себя ощутил во время литургии присутствие в храме «Живого Бога». И случилось чудо приобщения, т. е. он на несколько мгновений почувствовал себя причастным Вышнему миру. И этого было достаточно для того, чтобы он крестился и стал православным христианином. И после этой давней истории, прозвучавшей во время беседы, ты уже пожалуй что невольно будешь искать глазами такого человека в толпе молящихся в лондонском храме Успения во время воскресной или праздничной литургии и радоваться тому, что он вместе с нами. Каждый и любой мог оказаться этим человеком. Тем любезнее и приветливее хотелось быть с каждым, кто предстоял вместе с тобою перед непостижимым таинством.

Тогда же во время этой мартовской беседы – одной из многих и многих – я записала в записную книжку: «Как светится владыка! Хоть пиши с него икону». И это не было обманом зрения. Это был неслучайный восторг от лицезрения зарождающегося внутри владыки Антония огня. Огня его духовного прозрения, которое и осветило его лицо. Огня, который должен был согреть и всех нас, собравшихся тут, у костра его живого присутствия. Огня, который добывался из душевной глубины именно в миг общения с людьми и сотворения Слова, в этот конкретный, дарованный нам всем не по заслугам миг совместного постижения непостижимого.

После многих бесед лично у меня возникало ощущение, что я погрязла в бесконечной гордыне. Ведь убеждение мирского человека в своей безусловной правоте – всегда и во всем – вещь обычная. А во многих словах владыки звучало и сомнение в праве на истину, и смирение перед святынями, просиявшими ранее во славу Божию.

Именно в смиренномудрых словах, призывающих нас к самым известным евангельским добродетелям, как мне казалось и до сих пор кажется, и таилась суть поучения и наставления собравшихся в вечернем пустынном храме с приглашенными по ненадобности огнями. Никогда не напрямую, никогда не в лоб, всегда из самой глубины своих собственных прозрений, заблуждения, сомнений. Из своего духовного опыта. Только так. А что может быть деликатнее, чем разговор символами и притчами, разговор обиняками, но ведущий к осознанной и ясно видимой митрополитом Антонием цели?

Беседы эти происходили обычно по четвергам. Их общую атмосферу я попыталась передать в своем эссе на эту тему «Из глубины молчания». Но обещала продолжить, и вот продолжаю, заглядывая в старые (начала 2000-х) записные книжки, в которые вносила «ключевые» (как мне казалось) фразы, потом долго не оставлявшие меня своим присутствием в самой глубине души, во внутреннем моем пространстве. Думать и обдумывать эти невероятные, неслыханные доселе откровения стало для меня занятием привычным и обыденным. Чему, конечно же, очень завидовали мои российские друзья: «Как? Вот так запросто он сидит и с вами беседует? Да вы хоть понимаете, как вам всем повезло, что вы оказались в Лондоне и можете его слышать и видеть?!» Думаю, что не все мы это тогда понимали. Пропускать четверговые беседы – было делом обычным. У кого – работа, у кого – забота. Редко когда на беседах набиралось от двадцати до тридцати человек. И если учесть, что, по самым скромным подсчетам, в Лондоне тех времен уже проживало больше ста тысяч русских и столько же русскоговорящих из бывших советских республик, то становится ясным, насколько мы слепоглухонемые по отношению к гласу Божию...

«В мире, в котором мы живем, Бог – изгнанник. Есть страны, где безбожие победило. Бог изгнан из души, из домов, из жизни. Храм теперь – убежище, приют для гонимого Бога».

И вот с этим потрясением от услышанного мы должны были выйти из храма и вернуться в «мир», который давно уже потерял многие из значений, изначально заложенных в это слово. В мир – не мирный, воинственный, агрессивно настроенный ко всему, что не приносит сиюминутную выгоду или не доставляет удовольствия. Большинство людей хотят наслаждаться и благоденствовать, не особенно при этом утруждаясь. Ни физически, ни тем более духовно.

Но если ты был внимателен, то мог услышать в тот же вечер и слова надежды.

«Мир – это притвор Божьего храма. И верующий все время находится на грани двух миров – высшего и мирского. Но и в „мире» дышит Дух Святой.

Дух Святой – разлит во всей вселенной, даже там, где Бога отрицают, где Его не знают. Так море бьется о каждую скалу в надежде расшатать, расколоть, раскрыть ее, чтобы найти врата, которые ведут в алтарь».

Да это же настоящая поэтическая метафора! Притча о скале и море – об истине и ее отрицании. И разве можно не запомнить такой возвышенный и в то же время близкий к реальности образ?! Так мы постигали или должны были постигнуть то, что в самых доступных любому человеку словах и понятиях говорил нам владыка.

«Мир, оскверненный и растерзанный, дорог Богу. И если некоторые люди бессильны верить, то нужно самому выйти из храма навстречу миру с вестью для других. Тот мир, который вне пределов храма, нам не может быть чужд. Это мир, куда пришел Христос. Этот мир – Богу дорог. И нужно знать, что не восторженная встреча ожидает вестника. Он может быть отвергнут, растерзан, распят, потому что он отвергает их привычные устои. Все мы помним одиночество Христа в Гефсиманском саду, когда ученики Его бежали, покинули Его. Церковь – это место Преображения каждого из нас. И мы любимы Богом – не мы с вами, малое стадо, – а весь народ Божий, вся твердь».

Конечно, мы знали, что все беседы записываются, а значит, слово пастыря не канет, не пропадет и обязательно размножится во многих тысячах экземпляров книг, магнитных и видеокопий. Но услышать эти слова самому, когда они только что на твоих глазах рождались и исторгались в мир из молитвенной глубины, из возможного многодневного аскетического молчания, – это совсем другое дело. Это богатство, которое многим из нас – услышавшим и внявшим этому Слову – не растратить во всю свою жизнь.

Кстати, об аскетизме. Много раз я пыталась себе вообразить, как живет митрополит в своем одиноком затворе – в маленькой (по словам бывавших там священников) квартирке, на втором этаже храма. Чем заполнено его время, свободное от церковных служб и не таких уж частых бесед с посетителями. Молитвой, думалось мне. Многотрудной монашеской молитвой. В какие глубины мироздания погружалась его душа в эти долгие молитвенные часы, в какие выси она поднималась – одному Богу известно. Конечно же, он читал, и читал много. Нужно было читать еще и письма и деловые бумаги, но все это – не то, думалось мне. Нет. Мне не хватало воображения понять, как именно и в какие часы зарождались те мыслительные и духовные воздушные потоки, которые облекались потом в слова, понятные всем тем, чья душа уже была приуготовлена – как пашня под посев, только зерно туда брось...

«Строго говоря, в Церкви не может быть ненависти, неприязни и даже безразличия».

Но разве же это так? Разве вершится в мире хоть что-то благое по слову праведника или пророка? Даже в нашем лондонском храме люди зримо сторонятся друг друга. Никто не спешит к тебе навстречу с улыбкой благорасположения. Разве не видел этого наш пастырь? Видел и понимал. Но терпел и смирялся, побуждая и нас к тому же своим пастырским долготерпением.

В беседах с нами у владыки Антония был еще один важный момент: он никогда нас не поучал! Он говорил нам: «Главное – не учить, а делиться тем, чему сам научился, через что сам прошел, чему тебя научили те, кто неизмеримо лучше тебя самого...»

Иногда владыка просил задавать ему вопросы. Поощрялось также подавать их заранее, в письменной форме. И ни один вопрос не оставался без ответа.

Вопрос: Есть мир неверия, нехристианский мир. Как нам к нему относиться?

Ответ: Бог никогда ни от кого не отворачивается. Бывает так, что самый, казалось бы, безнадежный человек открылся к пониманию, к встрече с Богом. Такая встреча может произойти с каждым – везде и всегда. Так что не отчуждайтесь от неверующих, многие из них еще только встали на тот путь, который вы уже прошли.

Как писатель с большим литературным стажем, я не могла не отметить блестящую, плавно льющуюся, литературно организованную речь владыки. В ней были и прекрасные развернутые метафоры, и неожиданные сравнения, и сложные сюжеты, и притчевые обобщения. В этих беседах был свой стиль. Свой ритм, своя богатая словарная канва, по которой вышивался узор сложнейших философских и богословских обобщений. Были повторы некоторых знаковых для владыки событий, но и это тоже – литературный прием, который принято называть сюжетной, или смысловой рифмой, – для пущей усвояемости, насколько я понимаю. Ведь среди нас было и много неофитов, и новичков, и гостей из разных стран – ровно на одну встречу. И эти повторы звучали для них впервые, а для нас – постоянных слушателей – открывались, как правило, в новом свете. В свете, идущем из душевных глубин великого пастыря, просветителя и святителя. Эти беседы выражали и содержали в себе всю богоустремленность, всю тоску людей, замороченных обыденной повседневностью, по вышнему, Божию миру.

Митрополит Сурожский Антоний призывал нас к искреннему и осознанному Боголюбию, Богоприобщению, к Богоединению, если хотите! Эти сложно-сочиненные слова взяты мною из его бесед. Они остались и в моей памяти, и в беглых отрывочных записях тех, теперь уже далеких, лет.

При этом владыка Антоний много раз подчеркивал, что он не богослов, что у него нет специального богословского образования. Он предпочитал говорить о Живом Боге, не заслоненном излишне мудрыми, порою тяжкими для понимания размышлениями.

«Богословие порою заслоняет собою Живого Бога. Знать – это не всегда познать. Важно не то, сколько книг человек прочитал. А насколько каждый из нас душой приблизился к Богу. Очистил дух свой прикосновением благодати. Насколько он причастился Святых Таин. И во внутренней молитве своей насколько смог соединиться с теми, кто уже пребывает в святости и благодати».

Для постижения этих слов владыки Антония нужно постараться самому устремиться ввысь, возвыситься душою. Это неоспоримо. И это нелегко. Но воистину, Бог окликает того, кого хочет окликнуть.

Теперь в особом свете выглядит и то обстоятельство, что именно мы, постоянные прихожане лондонского храма, немногие счастливы, могли не просто прикоснуться к животворящему потоку его проповедей и бесед, но и прикоснуться к владыке Антонию в самом простом, житейском смысле этого слова. Несмотря на повседневно затворнический образ жизни, он был очень доступен для прихожан, когда выходил после службы или во время празднований в холл, пристроенный к старому храму уже в новейшие времена. Там проходили приходские и прочие собрания, принимались целые делегации прихожан и священников из разных стран – от Америки и Европы до российской глубинки. Там устраивались благотворительные рождественские и пасхальные базары с распродажей дешевой одежды и утвари, книг и иконок – для тех, кто еще только обжился в Великобритании. Вещи эти приносили сами прихожане, они же их сортировали, определяли цену, как правило, самую низкую, чтобы их могли купить даже малоимущие.

Владыка Антоний поощрял такие базары. И с радостью оповестил нас однажды, что поступивший с рождественской распродажи в церковную кассу доход равен годовой зарплате одного священника! Это была редкая удача, которую потом, к сожалению, уже не удалось повторить.

Можно было «перехватить» владыку в коридоре, взять у него благословение на текущие дела или задать вопрос. А праздный это вопрос или насущный – это уже было дело каждого вопрошающего и жаждущего ответа. Во время этих случайных, нечаянных встреч лицо владыки Антония, обращенное к каждому из нас, было освещено внутренним светом и приветливой улыбкой. Не будем лукавить, суровым и строгим мы его тоже видели. Взгляд его мог прожечь насквозь нерадивого или неправедного. Но милосердие и смирение – все-таки всегда преобладали.

В многочисленных беседах и проповедях, ставших со временем книгами стараниями всего нескольких подвижников (лично я знаю только сестер Татьяну и Елену Майданович), митрополит Антоний поведал миру и о своем пути, и о своей личной встрече с Богом. И свет его бессмертного пастырского наставления – пронизывает и просвещает всех, кто прикасался и прикасается к его немеркнущему Слову.

11–15 ноября 2013 г.

Николай Сергеевич Матвеев,
прихожанин Успенского кафедрального собора в Лондоне

– Николай Сергеевич, вы знали владыку Антония много лет. Вы, как и он, потомок русских эмигрантов. Пожалуйста, представьтесь нашим читателям.

– Я, Николай Сергеевич Матвеев, потомок эмигрантов первой волны и представляю уже третье поколение, которое живет здесь. Жили мы в разных странах: в Австрии, в США, в Англии, в Германии, теперь я снова живу в Англии. По профессии я филолог, преподаю русский, английский и немецкий языки и русскую литературу.

– Расскажите, как вы впервые услышали имя владыки Антония.

– Митрополит Антоний был очень хорошо известен в эмигрантских кругах, и отношение к нему было либо резко положительным, либо резко отрицательным. В Англии, после переезда из Америки, мы чаще сталкивались с последним. Говорили, что у него магические глаза и таким образом он воздействует на людей. Говорили, что он в Московской Патриархии, что само по себе подозрительно для Зарубежной Церкви, членом которой я тогда являлся.

Но когда мы жили в Германии, мы сталкивались, скорее, с положительным отношением к владыке.

Когда мы жили в Мюнхене, кто-то нам подарил книгу с беседами митрополита Антония на радио Би-Би-Си с одной английской атеисткой, совершенно неверующей, еврейкой. Там был один характерный момент. Когда эта дама – Маргарита Ласки ее звали – человек очень образованный, тонкий, ему призналась: «Что касается Бога, мне медведь на ухо наступил, я Его совершенно не воспринимаю», то владыка ответил ей: мол, хорошо, что вы не стараетесь делать вид, будто верите в Бога. Бог оценит вашу честность, ибо искренность в людях Он больше ценит, чем фальшивую религиозность.

Вот эта открытость, смелость по отношению к Богу, честность – одна из главных черт владыки.

Например, вы, наверное, знаете, что митрополит Антоний не любил проповедовать сразу после Евангелия, объясняя это тем, что он не чувствует себя достойным после Слова Божия выступать со своим словом, и всегда произносил проповедь в конце службы. Однажды он вышел на амвон и признался: «Мне нечего вам сказать. Сегодняшнее евангельское чтение меня не затронуло. Я остался холоден. Ничего не могу сказать, простите». И ушел. Это честность!

Люди тоже должны признавать, что иногда служба их не затрагивает, и они остаются холодными. Какими холодными пришли, такими же и ушли. Нельзя делать вид, что какая-то искра в тебе загорелась. Нет искры – признайся в этом. Стань перед Господом таким, какой ты есть, чтобы Бог имел дело с живым, настоящим, подлинным человеком, со всеми твоими черными сторонами, твоим холодом и отрицанием. Не будь призраком, и Богу тогда легче будет что-то делать с тобой. С призраком нельзя сотрудничать, с настоящим человеком можно. В этом проявлялась неординарность митрополита Антония.

Митрополит Антоний действительно особый человек. Представьте себе: в открытое окно дохнул свежий ветер – это митрополит Антоний. Вы привыкли к обстановке, не то чтобы вам душно было или какой-то затхлый воздух был в комнате, нет, все привычно – книги стоят на своем месте, разные предметы, мебель, все благоустроено. И вдруг открылось окно и свежестью повеяло, что-то новое появилось, не отрицая того, что было, но показывая это в новом свете.

Однажды некая дама, недавно приехавшая из Советского или бывшего Советского Союза, говорила, что надо строго придерживаться правил: надо сначала так-то поступить, потом так-то,

сначала исповедоваться, потом подойти к Чаше. А митрополит Антоний сказал, что не надо себя сковывать этим. Бывают случаи, что важнее подойти к Чаше без исповеди. Он привел такой образ: человек пришел с работы – грязный, совершенно разбитый, уставший, ему сейчас не до ванны, не до душа, он даже руки помыть не может, но скорее хочет чего-нибудь перекусить, просто умирает от голода. А ему говорят: «Вот, сел за стол – ванну не принял, душ не принял, руки грязные». Но быть может, в тот момент для него есть нечто более важное – этому человеку надо перекусить. Вот это было то, что владыка Антоний вносил в жизнь: свежий воздух, новый свет, помогал по-новому взглянуть на старую обстановку, не отвергать привычные решения, но и не сковывать себя ригоризмом, увидеть что-то новое и верное решение отыскать.

– За подобные отступления владыку Антония сильно критиковали – не так исповедовал, не так отпевал. А с другой стороны, сколько людей он привлек в православный мир, до этого Православия не знавших.

– Да, митрополит Антоний очень многих людей привел в Православие через свои выступления, книги, радио и телевизионные передачи, через личные встречи. Многие обогатили свой духовный опыт, не переходя в Православие. Один англиканский священник отзывался о нем: «Он один из святых людей Божиих», хотя это не мешало ему остаться англиканским священником. Сам владыка говорил так: «Я не проповедую Православие. Я проповедую Христа».

– Николай Сергеевич, вы много лет занимались литературой, поэтому мне хотелось бы задать вам вопрос из области творчества. Ассоциируется ли в вашем сознании с митрополитом Антонием какое-нибудь литературное, художественное или музыкальное произведение? Может быть, какая-нибудь мелодия?

– Что касается мелодии, однозначно могу ответить – нет.

Когда началась перестройка и стало легче выезжать из Советского Союза, к нам в Англию приехал на гастроли хор, исполняющий духовную музыку, кажется, воронежский. При том, что хор был церковный, многие из певцов этого хора были совершенно неверующими.

Они предложили дать концерт в соборе на Эннисмор-Гарденс. Владыке идея не понравилась, хотя они предлагали спеть литургию то ли Кастальского, то ли Чеснокова. Митрополит Антоний сказал: «Нет, этого я не хочу. Будет литургия, и вы будете петь литургию не как концерт, а как службу – тогда да. А концерт – нет». Они на это согласились. Назначили дополнительную службу в субботу утром и, поскольку она не была заранее запланирована, то ее в расписании приходском даже не обозначили или в последний момент вписали. Пришли люди на литургию и заодно послушать это пение. Царские врата были открыты, и я хорошо видел митрополита Антония в алтаре. Когда зазвучала первая нота, он просто съехался весь. Не то чтобы он каким-то маленьким стал, но как-то... О! Я понял, что это ему совершенно не по сердцу. Так что с мелодией никакой ассоциации нет, скорее, с ее отсутствием.

А по поводу литературы... Помню, в одну из наших встреч мы говорили о моей преподавательской деятельности, и он как-то подчеркнуто доносил до меня мысль, свое пожелание, чтобы я полнее передавал англичанам понимание специфики русской литературы, в чем ее отличие от западноевропейской литературной традиции. Он говорил, что в русской литературе есть тенденция, очень большая, важная, специфическая тенденция поднимать очень серьезные вопросы. Что произведение русской литературы – это, как правило, не просто интересная история, из которой можно извлечь для себя некую нравственную пользу, но что оно затрагивает глубинные, онтологические вопросы. Что русская литература не простое чередование повествований и анекдотов, он употребил именно это слово, но не в отрицательном смысле, а в смысле короткого рассказа.

Вот такая ассоциация с литературой возникает, но чтобы какой-то специфический автор, поэт, стихотворение – нет. Правда, помню еще один его комментарий касательно русской литературы, связанный с вполне конкретным автором.

Когда праздновали двести лет со дня рождения Пушкина, была специально отслужена панихида в храме на Эннисмор-Гарденс. Служил митрополит Антоний. Он обратился к тем, кто присутствовал на службе, с такими словами: «Будем молиться за упокой души Пушкина, и прежде всего не о том, чтобы Господь простил его многие грехи, но будем благодарить Бога за то прекрасное и вечное, что Пушкин нам подарил: за его поэзию, за его сказки, за его великолепные произведения».

С уверенностью могу сказать, что в душе митрополита Антония рождался живой отклик на русскую народную музыку. Я помню его реакцию на выступление в храме на Эннисмор-Гарденс одного хора, который исполнял русские народные песни. Выступление происходило в зале собора. Митрополит Антоний говорил, что русские народные песни затрагивают потаенные струны в душе человека. Хотя, возможно, это касалось русской культуры вообще.

4 декабря 2012 г.

Беседовал Е. Тугаринов

Джон Филлипс,
прихожанин Успенского кафедрального собора в Лондоне

– Джон, не могли бы вы рассказать немного о себе и своей семье?

– Меня зовут Джон Филлипс, я родился в Лондоне в 1926 году, 88 лет назад. По отцовской линии я коренной лондонец, по материнской – херфордширец. Иначе говоря, у меня есть как городские, так и деревенские корни. Мой отец работал в пекарне, выпекая хлеб. Я ходил в обычную начальную школу, после которой поступил в школу второй ступени, что для ребенка из рабочей среды было редкостью. Окончив ее, я начал работать.

Большую часть своей жизни я работал в государственных структурах. Позже поступил на дипломатическую службу и много путешествовал по миру. Такая работа особым образом сформировала мой характер, ибо мне приходилось сталкиваться с людьми разных стран и разных вероисповеданий. Несмотря на возраст, я продолжаю и сейчас много ездить по миру. Много раз был в России, Германии, Франции. Сейчас работаю переводчиком на английский с самых разных языков. Я жил в Германии и Франции и знаю немецкий так же хорошо, как и французский. В Америке выучил испанский. Военскую службу проходил в Италии, и знаю итальянский. Можно сказать, что я знаю все основные западноевропейские языки. Многократно путешествуя по России, я освоил русский язык. Много лет прожил в Центральной Азии в странах, где говорят на арабском языке, поэтому он мне тоже хорошо знаком, хотя свободно говорить на нем мне нелегко.

В течение многих лет я не имел никакого отношения к религии. Затем постепенно, отчасти благодаря армии, где мы в обязательном порядке ходили в церковь, потом благодаря моей дипломатической деятельности я начал интересоваться этой стороной жизни. Когда я увидел русские церкви, иконы, когда услышал прекрасные православные хоры, увидел людей, то был очень впечатлен и подумал про себя – вот то, к чему я хочу быть причастен, и попросил о крещении.

Крестившись, я начал ходить в церковь в Лондоне. Однажды я увидел митрополита Антония молящимся в центре храма и, поскольку обычно стоял впереди, то ясно видел его лицо и был им поражен. Его глаза сияли, в них жили искры света, он смотрел вверх, как бы в небо, и я подумал: такой

должна быть молитва, так мы все должны молиться, это был урок для меня. Этот случай оказал большое влияние на мою жизнь, стал частью моего жизненного опыта.

– Вы знали митрополита Антония достаточно много лет. Какие черты характера владыки Антония оказали на вас наибольшее влияние как на православного христианина?

– Он был очень лоялен к другим Церквам и даже другим религиям. Он не утверждал, что они обладают истиной, но, даже подвергая их учение сомнению, он допускал их существование. Этому качеству я научился у него. Каждая религия имеет нечто позитивное, и другие христианские Церкви тоже имеют немало хорошего. Многие православные не согласятся с этим, кто-то будет откровенно против такого подхода, но митрополит Антоний думал и поступал таким образом.

– Помогли ли вам личные встречи с владыкой Антонием в разрешении каких-либо проблем или жизненных вопросов?

– Не припоминаю, чтобы владыка Антоний занимался моими проблемами, поскольку сам старался оградить его от этого, но я помню одну его лекцию в Кембридже, в которой он затронул многие вопросы, которые мучили и меня тоже. Бывали случаи, когда владыка помогал мне советом, отвечая на мои вопросы. Вообще, одно его присутствие оказывало положительное влияние на меня.

Беседовал Е. Тугаринов

Ксения Павловна Боулби,

прихожанка и певчая митрополичьего хора

– Меня зовут Ксения Боулби. Моя бабушка приехала в Лондон в 1905 году и вышла замуж за англичанина. Моя мама родилась уже здесь, в Лондоне.

Мы всегда ходили в церковь, и я помню, как владыка Антоний, тогда еще просто отец Антоний, приехал в Лондон в 1948 году и познакомился со многими русскими, в том числе и с нами. Через год он снова появился в Лондоне, и с этого времени мы стали хорошими знакомыми. Однажды он пришел к нам домой, просто навестить, без особого повода, и очень много смеялся. Он вообще много улыбался и не боялся, а иногда даже старался быть смешным. Я помню, сказала ему тогда, просто и свободно, как маленькие дети обычно говорят, что он совсем не похож на себя в церкви, и он ответил: «Церковь – это совсем другое дело. В церкви надо быть серьезным, а здесь – дома – можно и шутить, и всякие такие вещи себе позволять».

– Что вы помните о близких людях владыки Антония – его маме и бабушке?

– Бабушка владыки была особая. Если бы я не знала ее и встретила на улице, то подумала бы, что она итальянская дама: одета в черное, голова всегда покрыта платком.

О маме владыки можно сказать, что у нее был неповторимый шарм, очарование. Она легко улыбалась, была со всеми очень мила. Но у нее были свои принципы, например, она не любила бороду у мужчин, и владыка Антоний, уже будучи епископом, первое время не носил бороды, потому что его маме это не нравилось. Только когда она умерла, владыка отпустил бороду.

– Его бабушка и мама с кем-то дружили или они жили замкнуто, своим миром?

– Не могу сказать, что они сторонились людей. Нет, они не были замкнутыми. Они жили все троем при церкви на Аппер-Эддисон-Гарденс, 34, на верхнем этаже. Я там бывала, но не как их приятельница. Мне случалось зайти к ним после службы или до беседы. Они жили очень просто. Помню, в квартире было много книг и очень простая мебель.

Там внизу была большая комната, где проходили беседы и устраивались детские праздники. И его бабушка, и мать общались со всеми, никого не избегая, но вот больших общих трапез в праздники, какие бывают сейчас, я не помню. Как я уже говорила, владыка предпочитал сам приходить в гости.

Его мама умерла незадолго до Пасхи в какой-то год, а я себе сшила к празднику ярко-красное платье. Все люди после службы подходили к владыке похристосоваться, я тоже подошла к нему, и он сказал, глядя на мое платье: «Воистину Пасха красная!» Меня очень тронули его слова, тем более что я знала о том, что его мама умерла совсем недавно.

– *Что еще сохранилось в ваших детских впечатлениях о владыке?*

– Я хорошо помню ощущение его тяжелой руки на моем плече, когда я ребенком исповедовалась у него, он не давил, конечно, но под весом его руки я сгибалась. Владыка не был строг на исповеди, сравнительно мало говорил сам, и я была потом очень удивлена исповедью в лагере во Франции, где священники говорили очень много. Владыка Антоний просил не рассказывать ему про то, как я потянула кота за хвост или что-то в этом роде, он не хотел слышать это от меня и ждал более серьезного разговора. Например, как я обхожусь со своими младшими братьями Севостьяном и Андреем, причем его мало интересовал сам факт ссоры, если таковая случалась, но он хотел услышать о моих чувствах в тот момент, переживала ли я что-нибудь или нет? Теперь я знаю, что он хотел от меня тогда услышать, – что мне было очень стыдно.

В последние годы у нас были говения, которые проводил почти всегда сам владыка. Сначала была беседа, потом короткая трапеза и потом еще одна беседа, после которой он принимал общую исповедь, одну для всех, и делал это замечательно. В моей жизни более не случалось таких исповедей. Было молчание. Все сидели и думали о своих грехах, молились, и владыка сидел перед нами и тоже молчал. Наступала тишина, которую владыка очень любил. У нас в церкви вообще было очень тихо, даже после службы. Тех, кто хотел разговаривать, он отправлял на улицу, аргументируя это тем, что в храме остаются те, кто хочет молиться. После смерти владыки церковь стала более шумной.

Однажды я его спросила: «Откуда ты знаешь (я ему всегда говорила «ты»), что я думаю и чувствую?», и он ответил: «Все, что я говорю, я говорю о себе самом».

– *Что позволяло владыке находить общий язык с самыми разными людьми?*

– Когда он разговаривал с кем-нибудь, то никого другого, кроме этого человека, для него не существовало. Ты был для него самым главным человеком в этот момент. Согласитесь, хочется общаться с таким человеком, который думает о тебе как о самом важном и любимом собеседнике. Владыка умел слушать человека, умел дойти в разговоре до сокровенных глубин этого человека.

Один москвич был здесь проездом и рассказывал, что когда-то не верил в Бога. Однажды в Москве он попал на службу с митрополитом Антонием и был поражен тем, каким был владыка в течение службы и как он проповедовал. Когда он подошел к причастию, владыка посмотрел на него внимательно – и тот почувствовал, что они встретились как бы душа к душе, после чего владыка причастил его. С того момента жизнь этого человека совершенно переменялась.

Владыка Антоний умел встретить человека. Для него было неважно, каким этот человек был: верующим, неверующим, молодым или старым, православным или протестантом.

Владыка вновь принес на Британские острова весть о Христе. Он оставался абсолютно верным основам Православия, но к тем правилам, которые установили люди сравнительно в недавнее время, относился с достаточной степенью свободы. Ибо кто сказал, что эти незначительные человеческие правила даны нам Богом?

Тем не менее я никогда и ни у кого не слышала такого чтения молитв перед причащением. Невозможно передать словами то, как он читал их, какая глубина, серьезность и неторопливость были

в его чтении, какой глубокий смысл он вкладывал в каждое произнесенное слово. И когда он произносил: «От них же первый есмь аз», – меня охватывало непередаваемое волнение.

– Владыка Антоний был человеком, а у человека есть и хорошие качества, и плохие. Можете ли вы сказать, что было сильного или слабого в нем как в человеке? Случались ли у него ошибки?

– Да, конечно, что-то иногда происходило не так, как следовало бы. Он иногда ошибался в выборе людей. И поскольку он был у всех на виду, то люди обращали большее внимание на его ошибки, чем на подобные промахи других людей. Без сомнения, владыка не был совершенным, ибо только Христос совершенен, но доброго в нем было несравненно больше, и его невеликие недостатки не заслуживают такого пристального к себе внимания.

– Как вы думаете, владыка по достоинству оценен нами? Мы понимаем, рядом с каким человеком мы жили?

– Я думаю, что большинство людей уважали, любили и принимали его. На Западе он был оценен по достоинству. Наверное, мы часто живем не так, как он бы хотел, но мы стараемся. Я не знаю, как относятся к владыке в России, потому что я никогда не жила там, но предполагаю, что так же. Я думаю, что миллионы людей слышали его проповеди или читали его книги и продолжают любить его как духовного отца и учителя.

Ноябрь 2011 г.

Беседовали Д. Розов и Е. Тугаринов

Анна Карпшитска,

прихожанка Успенского кафедрального собора в Лондоне, художник

– Аня, расскажите немного о себе.

– Я из Лондона, родилась в Уолхамптоне, на юго-западе от Лондона. Вся моя семья изначально из Польши, потом мы переехали в Вильнюс и долго там жили, потом приехали сюда. Для меня не было большой трудности выучить английский язык, так как нашей семье знание языков свойственно – никто из нас не знал менее трех языков. Русский язык я тоже знаю очень хорошо. Когда я была маленькая, мы в течение пяти лет снимали квартиру у русских, и хозяйка этой квартиры учила меня по книгам русскому языку. Кроме того, в доме всегда говорили по-русски, так что я постоянно слышала живую русскую речь.

– Как вы пришли в Русскую Церковь здесь?

– Я не знаю, кто в нашей семье первый узнал о владыке Антонии, но я помню, что моя старенькая тетя говорила мне: «Если у тебя есть проблема, иди к архиепископу Антонию». Он тогда еще не был митрополитом.

– Расскажите нам, пожалуйста, немного об истории Русской Церкви в Лондоне.

– Когда я впервые посетила этот храм, там было много старых русских людей и они держались вместе тесным приходом. Храм с тех пор очень изменился, особенно после смерти владыки Антония. В то время на воскресную службу приходило максимум пятьдесят человек. Теперь человек триста пятьдесят – четыреста.

– Какое впечатление на вас производил владыка Антоний?

– Поначалу я его боялась, в первый раз, когда мама привела меня в церковь, мне тогда было всего пять лет, я убежала – такой у меня был страх. Потом мы с ним подолгу разговаривали, и мои родители тоже беседовали с ним. Он не раз приходил к нам на ужин, и так мы познакомились с ним ближе. Однажды мы сидели за обеденным столом и смотрели на старинную картину, принадлежащую моей маме, «Гефсиманский сад», и вдруг выключилось электричество, и владыка Антоний взял меня за руку, чтобы я не испугалась. Мне тогда было одиннадцать лет.

– *Каким человеком был митрополит Антоний?*

– Редким, особенным. К нему постоянно приходили самые разные люди, со множеством своих проблем и вопросов, и он никого не отвергал, никогда. Он с каждым беседовал и относился к каждому по-своему. Если он лично знал человека, то беседовал с ним регулярно, но даже незнакомым людям, приходившим в церковь, каждому желающему, он уделял время. Что удивительно, он к каждому относился с одинаковой добротой, хотя к нему приходили самые разные посетители. Бывало, что к нему заходили нищие с улицы, и он доставал из своего кармана деньги и отдавал им. Бывали и очень важные гости, но и с ними он общался столь же просто и с той же добротой и заботой. К нам в церковь приходил и принц Чарльз, сын королевы, и с ним владыка Антоний был так же ровен и прост, как и со всеми остальными людьми. Принц Чарльз пришел в среду на Страстной неделе и остался на часть службы – я отчетливо помню, как он стоял совсем недалеко от меня и подошел под благословение митрополита Антония.

Владыка Антоний никогда не ставил себя выше кого-либо. Он был митрополитом, но, глядя на него, я видела обыкновенного, простого человека. Владыка вкладывал все свои силы в людей – он жил для людей. Я часто замечала ему, что у него необыкновенный характер, но он удивлялся, поскольку не верил в то, что чем-то лучше других, но, разумеется, никто, кроме него, так не думал.

– *Есть ли что-нибудь, что владыка Антоний дал вам и это осталось с вами на всю жизнь?*

– Конечно, есть, и не только на земную, но и на вечную жизнь. Он подарил мне, и не только мне – моему мужу и моим родителям, истинную любовь. Он всегда был рад нас видеть и с радостью приходил к нам в гости. Еще до того, как я вышла замуж, я познакомила своего молодого человека с митрополитом Антонием, и он мне ясно дал благословение на семейную жизнь с ним – он очень ему понравился.

Митрополит Антоний был редчайшим человеком, и такого, как он, больше не будет. Если бы передо мной сейчас стоял владыка, я бы честно ему сказала, что мне трудно жить.

Нам остались его книги, проповеди, которые были записаны Татьяной Майданович, в них можно найти сотни советов, которые были бы полезны многим людям сейчас.

Сегодня наше общество не стремится к объединению – я думаю, что владыка Антоний был бы огорчен этим. К нему приходили не только русские и англичане, он беседовал с греками, румынами, поляками, даже с эфиопами, и стремился всех объединять в один приход православных христиан.

Октябрь 2011 г.

Беседовали Д. Розов и Е. Тугаринов

Александр Александрович Некрасов,

прихожанин Успенского кафедрального собора в Лондоне, писатель

– Как и всем мирянам, мне трудно писать о своих встречах с владыкой Антонием, которого некоторые люди уже считают чуть ли не святым, хотя он сам был против такого к нему отношения. Как высокодуховный человек, да к тому же еще и глубокообразованный, владыка Антоний был очень

скромен и, я даже сказал бы, относился к своим «обожателям» с некоторым удивлением. Вроде как бы изрекая: «Простите, господа, но я говорю такие очевидные вещи, что почитать меня за какого-то нового пророка было бы совсем неразумно».

В этом и было все очарование владыки Антония и его привлекательность в глазах стольких людей, не забывая, конечно, о его способности объяснять сложные вещи просто и доходчиво. (Кстати, я где-то слышал, что души усопших страдают на том свете, если их пытаются превратить в святых безосновательно в этом мире.)

Так вот, о владыке Антонии я знал еще до того, как впервые встретил его в Лондоне в 1990 году, еще в советские времена. Дело в том, что он преподавал в школе в Париже биологию моему ныне уже покойному отцу, Александру Андреевичу Некрасову, правнуку великого русского поэта, Николая Алексеевича Некрасова, родившемуся в эмиграции, в Париже, в 1931 году. Дело в том, что мой дед и моя бабушка эмигрировали со своими родителями из России, когда большевики затеяли Гражданскую войну и начали вырезать цвет русской нации, осуществляя геноцид против русского народа в неслыханных масштабах, о чем так ярко поведал Александр Исаевич Солженицын в своих книгах.

Владыка Антоний, в то время известный как Андрей Борисович Блум, полюбил моего отца за его пылкий ум и совершенно отчаянную честность и порядочность – качества, которые сейчас практически исчезли. Я, признаться, не знаю, поддерживали ли они с моим отцом отношения в переписке и до какого времени. Мой отец возвратился в Россию в 1947 году с матерью, отчимом, братьями и сестрой, поверив сталинской амнистии, которая потом обернулась лагерями и ссылками для большинства членов моей семьи по отцу, но так уж получилось, что владыка Антоний сохранил теплую память о моем отце на всю жизнь, и это послужило поводом к маленькому чуду, которое произошло в момент моей первой встречи с ним.

Так случилось, что мне стало известно об одном мероприятии, в котором участвовал владыка Антоний в Лондоне, где нужно было быть и мне, как корреспонденту информационного агентства ТАСС. Мне почему-то подумалось тогда, что будет лучше встретиться с владыкой вне храма. Может быть, потому, что я тогда еще в церковь ходил редко и считал, что в светском месте мне будет легче разговаривать с ним.

Когда я вошел в зал, где должно было проходить мероприятие, я увидел, что владыка Антоний сидит за столом в президиуме с некоторыми другими людьми. Собрание еще не началось, и я решил подойти к сцене и поговорить с владыкой, вооруженный семейным «паролем». Когда я приблизился и уже открыл было рот, чтобы назваться и произнести пароль, владыка Антоний вдруг сказал мне: «Ты Сашкин сын, так?» (Тут я должен пояснить: все близкие люди звали моего отца Сашкой, так же как сейчас некоторые близкие люди называют и меня.)

Помнится, я забормотал что-то в смущении – уж не настолько я был похож на отца, да и времени прошло предостаточно с тех пор, как они виделись, – а владыка улыбнулся и предложил мне прийти к нему в храм на следующий день. Вот такое маленькое чудо и произошло в тот день, а потом владыка мне не раз говаривал, что чудеса происходят практически ежедневно, просто люди их не замечают.

И это ведь действительно так. Вот, например, вы собирались пойти на пирушку, а вместо этого пришли в храм. А ведь как хотелось попить на славу. Но нет, произошло маленькое чудо, и вы победили искушение. Или вот хотели кому-то на грубость ответить грубостью, но удержались и даже потом помолились за обидчика. Ведь это тоже чудо. И кстати, не такое уж маленькое.

Ну а теперь я хотел бы рассказать о некоторых моих встречах с владыкой Антонием, в том числе когда со мной была моя семья, а также мои друзья, которых я приводил к нему за помощью.

Помнится, я как-то пришел к владыке со своей женой Ольгой и сыном Саней. Он принимал нас в своей «келье» в храме на Эннисмор-Гарденс. Была осень, и было холодно. Я помню, в «келье» стоял потертый кожаный диванчик, письменный стол, несколько стульев и шкаф, и никакого отопления. Владыка был в рясе, поверх которой был надет старенький свитер. Помню, мы пили чай с печеньями, которые принесли с собой. Владыка рассказывал нам о случаях из своей жизни, а мой сын, которому было лет шесть тогда, немного скучал. Заметив это, владыка подозвал его, посадил к себе на колени и сказал: «А ну, погладь мою бороду, давай, давай, не стесняйся. Правда, похоже на то, когда гладишь киску?»

Помню, я тогда думал: ну вот, когда-нибудь мой сын будет рассказывать своим друзьям о том, что он сидел на коленях у самого владыки Антония и гладил ему бороду, но ему никто не поверит.

В тот вечер владыка рассказал нам несколько занятных историй. Вот одна из них. Однажды к нему пришла прихожанка, англичанка, которая оказалась в отчаянном финансовом положении, и принесла икону на продажу, попросив владыку найти покупателя. Владыка собрал прихожан и рассказал о беде, которая случилась с этой женщиной, сказав, что нехорошо будет лишать женщину иконы. Собравшиеся внесли деньги, кто сколько мог. По словам владыки, он так «продавал» эту икону трижды, каждый раз собирая деньги и передавая их женщине, которая попала в беду. А эта икона вернулась в итоге к своей хозяйке.

В тот же вечер владыка поделился с нами своей радостью: кто-то принес ему ботинки, совершенно новые, и они подошли ему и оказались в самый раз. «Вы только гляньте, какие прочные ботинки, – сказал он с гордостью, приподнимая рясу, – сносу им не будет».

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать о владыке Антонии. Могу лишь добавить, что очень советую всем читать его книги, которые написаны так же доходчиво и просто, как он говорил свои проповеди.

Октябрь 2013 г.

Анна Стоунлейк,

прихожанка Успенского кафедрального собора в Лондоне

– Однажды зимой (перед католическим Рождеством) владыка Антоний вышел после литургии и начал проповедь. Он вышел тихо, немного помолчав, обратился к нам прихожанам. Людей на воскресной литургии было много, в храме стоял знакомый воскресный тихий гул, детское верещание, все уже были готовы к трапезе. Неожиданно владыка очень четко и строго стал говорить с нами о ежегодном сборе средств в пользу благотворительной ночлежки для бездомных в Лондоне. Он говорил, как ему стыдно, что в этом году наш храм почти ничего не пожертвовал. Он не обращался к нам с протянутой рукой или с красноречивой проповедью. В его словах был тихий упрек и боль за наше безразличие к тем, у кого нет всего того комфортного, к чему мы привыкли и на что не обращаем внимания. Несколько слов владыки, его открытый отеческий упрек мгновенно дошел до нашей совести. Все замолчали, и после слов владыки мы тихо подходили и жертвовали что могли. Корзины для сбора средств заметно наполнились разнофунтовыми бумажками...

Более десяти лет спустя очень хорошо помню, как обращался к нам владыка и смог донести до нас, прихожан, свою боль о страданиях неимущих людей, совсем нам незнакомых и иноверцев (если не атеистов вообще). И как действительно стыдно было под его прямым взглядом распознать свое привычное безразличие к чужой беде...

11 сентября 2013 г.

Татьяна Бондаренко,
певчая хора до 2006 года, ныне прихожанка прихода Святого Апостола
Андрея Первозванного в Холборне (Лондон)

Вот что вспоминает о своем первом визите в собор одна из прихожанок новой волны русских мигрантов, оказавшаяся в Лондоне в 1996 году:

– Церковь для меня, человека невоцерковленного, прошедшего комсомол и насмешливое отношение к религии в детстве и юности, всегда была непонятной. В начале 1990-х, когда Церковь ожила в России, интерес к религии проснулся и во мне. Веру и религиозность нельзя измерить количеством прочитанной теологической литературы и количеством посещенных богослужений, поэтому я не могу сказать, что к моему приезду в Лондон я была воцерковленным человеком. Могу сказать, что твердо усвоила только то, что попы строги, юбку следует подлиннее и очи – долу.

О том, что лондонский собор обслуживается исключительно прихожанами и потому часы его работы ограничены, мне, конечно, было неизвестно, и в собор я пришла в «неурочное» время. Не помню точно когда. Двери заперты не были, но собор был пуст. В пахнущем ладаном полусумраке стекла, покрывавшие иконы, слабо отбрасывали свет лампад. Пахло так необычно. Меня практически парализовало. Как себя вести? Спросить некого. Можно ли взять свечу за свечным столиком? А куда ее поставить? Нигде ни одной свечи. Подсвечники выскоблены и отсвечивают маслом.

Тут открылась боковая дверь, и в храм легко и неслышно впорхнул маленький пожилой монах, торопящийся по своим делам. Останавливать его было неудобно, но он остановился сам. Немного удивленно и как-то радостно он обратился ко мне с простым вопросом. Он смотрел на меня так, будто знал и любил меня давным-давно. Обознался, наверное, в чем я и поспешила его уверить. Но нет-нет (!), он ни с кем меня не перепутал и очень любопытствует, кто я такая и какими судьбами в храме. Я что-то говорила, уже и не помню что, смущалась, извинялась, а он смотрел на меня этими своими глазами, полными любви, и я подумала: «Вот, оказывается, какие бывают служки в храмах». Он понял, что смутил меня окончательно, рассмеялся и убежал, пожелав мне чувствовать себя как дома. Я очень хотела увидеть его еще раз, и на литургии я увидела его опять, только не в черной рясе, подвязанной грубой веревочкой, а в праздничном облачении владыки. Что за человек, что за атмосферу он создал вокруг себя – не подобию страсти, а равенства и братства. Всегда любила его как родного, и хоронила его как родного, и скучаю по нему, как если бы не стало у меня близкого родственника и друга.

Сентябрь 2013 г.

Священник Леон Карберри,
настоятель англиканского прихода Святого Джеймса в Элмерс-Энд в Лондоне

Отца Леона, англиканского священника, я впервые встретил в июне 2002 года на семинаре, который проводил протоиерей Михаил Фортунато. Это был трехдневный семинар для певчих и псаломщиков Сурожской епархии, посвященный службе утрени и конкретно канону. Среди прихожан, интересующихся церковным пением Русской Православной Церкви, был и англиканский священник отец Леон Карберри. Помню, что у меня состоялся серьезный разговор с ним. В процессе разговора отец Леон признался мне, что давно размышляет о переходе в Православие, но его удерживает лишь то, что Англиканская Церковь обеспечивает своих священников не только зарплатой, но и домом рядом с храмом. «Если бы не моя семья, не маленькие дети, которых мне надо кормить, искать для них школы, университеты, я бы давно оставил англиканство и перешел бы в Православие, простым мирянином. Только чтобы быть православным христианином»-так сказал мне он.

Позже отец Леон несколько лет по субботам пел в церковном хоре собора, усердно посещал спевки. Он не раз предоставлял свой храм для концертов православной русской музыки. Он настоящий друг Православия, но пока остается англиканским священником.

Отец Леон Карберри хранит память о митрополите Антонии как одно из драгоценных личных воспоминаний, всегда приходит в собор в дни памяти владыки, время от времени поет в хоре. (От составителя.)

Молодой «отец Антоний», как его тогда знали и любили вне Православной Церкви, приехал в Англию в 1949 году. Он был православным священником в Братстве Святого Албания и Преподобного Сергия – организации, которая старалась установить взаимодействие между англиканами и православными.

С 1950 года он начал служить в лондонском приходе под московской юрисдикцией, но продолжал свою важную работу, которая так влияла на сердца и умы многих христиан разных конфессий.

Его манера общения была привлекательна и близка всем христианам, подтверждая тезис о том, что мы едины во Христе. Его «экуменическое» общение никогда не было поверхностным, но было живым свидетельством того, что всем людям возможно встретить Христа как Живого Бога, Который настолько важнее выражения Церкви как организации и границ вероисповеданий.

Его задачей, данной Богом, была миссия учить, говорить от сердца, исходя из опыта его личных встреч с Богом, и погружать других в этот опыт и это братство. Он был известным собеседником на радио Би-Би-Си, но также принимал множество приглашений для проповеди в неправославных церквях, различных колледжах и университетах. В 1982 году я имел честь слушать его почти часовую беседу на тему Святой Троицы. Это происходило в Оксфордском университете и проводилось в Шелдонском театре – круглом большом зале, подобном арене. Я не могу вспомнить его слов, но, пока он говорил, можно было почувствовать присутствие Бога среди нас, в громадном собрании нескольких сотен людей в теплой обстановке вокруг него в присутствии Бога, Которого он знал и любил и стремился этим поделиться.

Примерно за двадцать пять лет до того, в англиканском приходе, где я служу настоятелем, отец Антоний должен был быть приглашенным проповедником в то воскресенье, когда было объявлено, что он становится епископом. Об этом рассказал мне один наш престарелый прихожанин. Это должен был быть 1957 год. Была англиканская служба, известная как вечерня, которую поет хор, в приходе Святого Джеймса в Бекенхеме (Юго-Восточный Лондон). В конце богослужения наш прошлый настоятель поздравил его и призвал Божие благословение на его будущее епископское служение.

Этот приход Церкви Англии чтит традиции «Высокой церкви» и был близок к Православию как духовно, так и литургически. Возможно, некоторые сообщества старых русских эмигрантов, которые стали жить в Бекенхеме и Сиденаме, присутствовали на службе, составляя для тех дней крупное собрание людей на воскресной вечерней службе.

В результате в 1957 году молодой отец Антоний произвел яркое впечатление, оставшееся в памяти многих присутствующих, несмотря на то, что сейчас они уже в преклонных годах. Это было благословением им, так как он выполнил свою миссию вести других к встрече с Богом, которая, я полагаю, позже стала заглавием к одной из его любимых книг.

Моя встреча с митрополитом Антонием и его представлением о христианской вере помогла и мне прийти к Богу, а через его благословение полнее ощутить братство и видение нераздельной Церкви, живым свидетелем которой с давних лет является Православие.

Октябрь 2013 г.

Николас Кэй,

директор частной школы «Сассекс-Хаус» в Лондоне

В начале 1970-х в Кембридже некоторые из нас испытывали духовный голод. Воздух был пронизан вопросами насущной духовной жизни. Университетское Христианское сообщество было достаточно влиятельным, и многие из нас вели активную церковную жизнь. Отзвуки Второго Ватиканского Собора, сильнее распространяемые в католических кругах, достигли и Англиканской Церкви благодаря влиянию архиепископа Кентерберийского Майкла Рамсея. Центральным моментом евхаристической жизни всей Англиканской Церкви в Великобритании стало участие народа в причастии. Однако была духовная потребность услышать слово от тех представителей Христианской Церкви вообще, кто благодаря своему духовному опыту мог бы говорить об общих проблемах Церкви, быть поверх общей полемики.

Когда митрополит Антоний приезжал в Кембридж давать лекции, университетская церковь была заполнена до отказа. Глядя на него, чувствовалось, что перед нами духовный столп, человек, чья вера была выстрадана собственным опытом, чье присутствие уже было харизматичным и своего рода вестью. Во все время, пока он говорил, он полностью владел аудиторией.

Один мой университетский приятель, он позднее стал православным священником, знал митрополита Антония довольно близко. Он познакомил с владыкой и некоторых из нас. Всегда присутствуя на этих встречах, мой приятель садился на балконе. Прежде чем начать лекцию, митрополит Антоний обводил взглядом собравшихся до тех пор, пока не находил моего приятеля. Тогда он чуть улыбался ему и делал едва заметный поклон головой в его сторону.

Много позже, уже живя в Лондоне, я несколько раз заходил в русскую церковь на Эннисмор-Гарденс и видел митрополита Антония. Его духовный багаж был огромен, а память обширна. Все это создавало стремление вновь видеть его, разговаривать с ним. Даже не видя его, в храме ты чувствовал его присутствие. Нечто подобное я ощутил однажды по отношению к матери Терезе, увидев ее входившей в заполненный народом зал в Калькутте.

10 сентября 2011 г.

Василий Михайлович Боровский,

прихожанин Успенского кафедрального собора в Лондоне, капитан дальнего плавания

1989 год...

Во время поездки из порта Тильбери в Лондон в советское посольство разговорились с таксистом-англичанином. Он поведал мне, что в центре Лондона, недалеко от посольства, находится русский православный храм. Хотя и был запрет членам коммунистической партии посещать храм, мне захотелось поехать, постоять, помолиться о дальней морской дороге, о близких, о семье. Вечером был запланирован отход судна на Дальний Восток – Сингапур, Гонконг, Филиппины...

Вошел в храм – никого, тишина и только лики святых вокруг. Присел на церковную скамью и задумался...

Тишину нарушили шаги. Старец-монах прошел мимо меня – и вдруг вернулся, присел рядом, пронзительно посмотрел мне в глаза и заговорил. В беседе о жизни, о путешествиях, о морской работе, о непростых взаимоотношениях с людьми, об одиночестве капитана на судне незаметно пролетело время. Служитель храма мне не представился, но глаза его я запомнил на всю жизнь – они излучали столько любви и добра! Мы расстались.

Находясь в море, в новом литературном журнале, который был в судовой библиотеке, я наткнулся на статью о докторе Блуме и по фотографии узнал моего незнакомого собеседника. Это был митрополит Сурожский Антоний. С фотографии на меня смотрели те же полные любви пронизательные глаза. В этот момент появилось чувство, что встреча наша не была случайной. Судьба подарила мне много встреч и бесед с этим замечательным, добрым, скромным, душевным священником.

С каждым приходом судна в порт я старался выкроить хоть немного времени, чтобы увидеть владыку Антония и услышать из его уст напитывающие душу слова молитвы, стал интересоваться правилами поведения в храме, жизнью святых, читать Евангелие... Таким был мой путь из атеизма в храм Божий.

Все тот же год... В Сингапуре получаю страшное известие: смертельно больна моя новорожденная дочь. Обратный путь был долгим и тягостным. Мысли постоянно возвращались к предстоящей моей малютке операции. Всей душой чувствовал необходимость увидеть и услышать владыку Антония...

Раннее утро 6 марта 1990 года. Входим в храм и замираем – идет утреннее богослужение.

Людей мало, но лица у всех светлые, очень добрые. Владыка Антоний как-то по-особенному торжественно говорит о любви к ближнему, о любви к Богу. Нас окутывает волна тепла, покоя и умиротворения...

После окончания службы владыка выслушал нас, успокоил и благословил... И какое же было удивление, когда в госпитале сразу после успешной операции к нашей дочери пришел отец Михаил Фортунато, помолился у кровати, спросил, не нуждаемся ли мы в чем-то, где остановились и т. д. Потом вечером пришла Т. Н. Прокош (прихожанка нашего храма) и предложила свою помощь. В палате с нашей дочерью ожидал операции еще один мальчик из тогда еще Советского Союза – Антоша. Мама его была одинока и не знала английского. Отец Михаил и прихожане, которые ежедневно приходили к нам, помогали и маме Антоши, особенно когда стало ясно, что после сложнейшей операции мальчик умирает...

Чувствовалось, что эта помощь и забота послана нам владыкой Антонием.

Прошло много лет. Мы живем в Лондоне. И в праздники, и в будни приходим в храм, исповедаться, помолиться, испросить благословения, и всегда для нас здесь незримо присутствует наш мудрый и любимый Учитель – владыка Антоний.

11 января 2014 г.

Благодарности

Автор-составитель благодарит Дмитрия Розова и Виктора Васильева за предоставленные фото и видеоматериалы, использованные в книге.

Интервью митрополита Антония, взятое Виктором Васильевым по заказу телеканала «Культура» в 1999 году, в полном виде было предоставлено в распоряжение Дмитрия Розова, который сделал его стержнем своего документального фильма «Как они любят друг друга» (2014). Комментарием к рассказу владыки стали интервью с митрополитом Каллистом (Уэром), протоиереями Иоанном Ли, Максимом Никольским, Стефаном Платтом, Милуном Костичем, а также с Николаем Сергеевичем Матвеевым, Джоном Филлипсом, Ксенией Павловной Боулби, Анной Карпшитска. Отснятый материал значительно превышал формат фильма, а потому был отдан соавтору фильма Евгению Тугаринову, расшифрован и стал, таким образом, самостоятельными статьями-главами книги.

Кроме этого, составителем специально для данного издания были взяты интервью у архиепископа Марка (Арндта) и архимандрита Иеронима (Тестина).

В книгу также вошла подборка воспоминаний, написанных по просьбе Евгения Тугаринова. Их авторами стали: Лидия Григорьева, Анна Платт, Александр Некрасов, Анна Стоунлейк, Татьяна Бондаренко, англиканский священник Леон Карберри, Николас Кэй и Василий Боровский. Всем им составитель выражает свою горячую благодарность.

Об авторе-составителе

Евгений Святославович Тугаринов – хормейстер, педагог, старший регент Богоявленского кафедрального собора Москвы, кандидат искусствоведения.

Родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил Московскую консерваторию (МГК им. Чайковского). В октябре 2001 г. по приглашению митрополита Антония Сурожского приехал в Лондон и стал регентом Успенского кафедрального собора. С 2002 г. по 2014 г. – старший регент.

Имея многолетний опыт работы со светскими хорами в России, в Англии сосредоточился исключительно на церковном пении, чему немало способствовал митрополит Антоний. По роду своих занятий Евгений Тугаринов в течение двух лет сослужил владыке, имел возможность общаться и советоваться с ним.

Нахождение в Англии предопределило интерес автора как к жизни митрополита Антония, так и к судьбам русской эмиграции. Результатом этого интереса стала серия книг «Русские регенты», первый том которой вышел из печати в 2014 г.

Об издательстве «Живи и верь»

Для нас православное христианство – это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо – это изменение человеческой души. От зла – к добру! От бессмысленности – к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!